

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 3 · 2011

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2011

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет
Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Подписано в печать 29.09.2011
Уч.-изд. л. 11,5. Усл. печ. л. 11,25
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У)); Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); Жаде З.А., д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); Иванов А.Г., д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО); Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ); Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); Рябикина З.И., д-р психол.н., проф. (Кубанский ГУ); Сморгунев Л.В., д-р филос. н., проф. (СПбГУ); Фадеева Л.А., д-р ист.н., проф. (Пермский ГУ); Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАГС); Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора); Белоконов Т.М., канд. филол. наук, доц.; Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., канд. тех. н., доц.; Ждановский А.М., канд. ист.н., проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.; Кольба А.И., канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лаврова Т.Г., канд. эконом. н., доц.; Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; Мясникова Т.А., канд. эконом. н., доц.; Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. н., проф.; Остапенко А.Н., д-р пед. н., проф.; Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.; Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

3-2011

Содержание

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гаврилова Т.А. Первый опыт осознания аутомортальности. 4

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дёмин А.Н. Карьерные притязания молодёжи, высшее образование и рынок труда в условиях финансово-экономического кризиса 18

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Некрасова Е.В. Понимающее чтение литературного художественного текста 28

Лебедева Е.Н. О проблеме «фокусных» цветов в психологии и смежных науках .. 39

Харькова Т.П. Соотношение семейных и профессиональных представлений в образе Я личности. 45

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Некрасов А.С. Осознанная старшими школьниками учебная компетентность как фактор, влияющий на их самоопределение 54

ПРАКТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Пчелинцева Е.В. Преодоление психологических последствий насилия над детьми в совместной творческой деятельности взрослого и ребёнка 67

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Фадеева А.П. Формы взаимодействия бизнеса и местной представительной власти (на примере г. Перми) 73

Яковлева М.А. Реформа местного самоуправления: от замыслов к реальности ... 86

Беляева Е.А., Битарова М.А. Управление земельными ресурсами муниципальных образований Краснодарского края: от администрирования к партнёрству 93

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Россошанский А.В. Риски и угрозы информационного терроризма в России 100

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭССЕИСТИКА

Карабущенко П.А. Бумажная элита 109

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Патарая Г.Г. Статус русского языка как фактор формирования имиджа России в современной Грузии 117

Ильченко А.А. Институциональные и технологические аспекты взаимодействия органов власти и общества в условиях конфликта 124

Мамаженко Д.В. PR-инструменты в системе механизмов политического управления инвестиционной привлекательностью территории. 130

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 138

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 139

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОСОЗНАНИЯ АУТОМОРТАЛЬНОСТИ

Т. А. Гаврилова¹

Цель представленного в статье исследования — эмпирическое выяснение возраста первого в жизни осознания ребенком личной смертности (аутомортальности) и соответствующего этому опыту содержания переживаний. Сбор данных осуществлялся при помощи авторского опросника «Ретроанализ первого опыта осознания собственной смертности». На выборке 316 студентов и аспирантов педагогического института в возрасте 17–29 лет получены данные о том, что большинство детей впервые осознают аутомортальность в возрасте до 10 лет (70%). Обсуждаются возрастные особенности связей возраста первого осознания аутомортальности со стимулировавшими его событиями, с ведущими эмоциональными модальностями переживаний и со степенью их влияния на последующую жизнь.

Ключевые слова: аутомортальность, переживание, возрастные различия.

The purpose of the study presented in the article is an empirical investigation of earliest age of first awareness personal mortality (automortality) and the relevant content of that experience. Data were collected by the author questionnaire «Retro- analysis of the first individual experience of awareness of the own mortality. " On a sample of 316 undergraduate and postgraduate teaching institute at the age of 17–29 years provided evidence that most children first realize automortality in the age of 10 (70%). Findings indicate also that first awareness of own mortality has age characteristics and is related to specific events to certain emotional experiences and to the degree of their influence on later life.

Key words: automortality, emotional feelings, age differences.

Очевидные факты танатизации общественного сознания, выражающиеся в популярности темы смерти в массовом искусстве и литературе, изобилии ее в средствах информации, равно как и в наличии спроса на апокалипсические прогнозы, ставят на повестку дня необходимость всестороннего исследования психологических аспектов проблемы отношения человека к его смертности (аутомортальности). Одним из малоисследованных вопросов в этом направлении представляется первый опыт переживания личностью осознания неиз-

¹ Гаврилова Татьяна Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета, г. Уссурийск. Эл.почта: tgavrilovaster@gmail.com

бежной конечности своего существования. В каком возрасте это происходит впервые? С какими стимулами это связано? Какие чувства окрашивают этот опыт? Ответы на эти вопросы кажутся предсказуемыми, однако уже в беседах с разными людьми начинаешь удивляться тому, насколько разнятся эти ответы. Эмпирически же эта тема вообще малоисследованна, исключение составляет только аспект становления детского понимания смерти, который к тому же представлен преимущественно в зарубежных работах [1].

Поставленные вопросы имеют прежде всего важное практическое значение. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности не может не нуждаться в танато-психологических рекомендациях, потребность в которых особенно ощущается в современных условиях [3].

Целью представляемого в статье эмпирического исследования стало выяснение возраста первого в жизни осознания ребенком личной смертности и соответствующего этому опыту содержания переживаний. Для реализации этого ставились следующие задачи:

- выяснить, в каком возрастном периоде наиболее часто впервые возникает осознание аутомортальности;
- выделить стимулы, которые наиболее часто становятся толчком для этого осознания;
- изучить эмоциональные модальности переживаний первого опыта осознания аутомортальности;
- определить субъективную степень влиятельности первого опыта переживаний аутомортальной тревожности на последующую жизнь.

В исследовании использовался фрагмент авторского опросника «Ретроанализ первого опыта осознания собственной смертности». Респондентам предлагалось вспомнить и охарактеризовать возраст, обстоятельства, чувства и степень влияния данных чувств на последующую жизнь, а также их последующие реакции и приемы или обстоятельства, которые помогли им справиться с негативными переживаниями на этот счет. В целом опросник состоит из семи пунктов, к задачам данного исследования имеют отношение только первые пять.

В первом пункте предлагается указать цифрой хронологический возраст, в котором произошло первое понимание аутомортальности. Если респондент не мог вспомнить точный возраст, ему разрешалось указывать возрастной интервал двумя цифрами, но при условии, что этот интервал не превышает одного года. В последнем случае в сводную таблицу результатов исследования в столбец «Возраст первого осознания аутомортальности» вносилось среднее арифметическое от границ указанного респондентом интервала.

Второй пункт предписывает ответить на вопрос о том, было ли какое-то событие, которое послужило толчком для первого осознания аутомортальности.

Третий пункт носит закрытый характер в нем предлагается выбрать из 9 указанных («смерть близкого человека», «наблюдение похоронной процессии», «смерть животного», «просмотр фильма», «книга» и др.) событие, которое послужило толчком к осознанию аутомортальности.

Четвертый пункт предполагает оценку по пятибалльной шкале (0–4) интенсивность модальности эмоциональных переживаний, сопровождавших первое в жизни осознание аутомортальности. Предлагается оценить 8 модальностей (по Р. Плутчеку): страх, гнев, отвращение, удивление, ожидание, печаль, одобрение, радость [4].

Пятый пункт предписывает оценить по четырехбалльной шкале (0–3) то влияние, которое оказали переживания, связанные с первым опытом осознания аутомортальности на последующую жизнь.

В исследовании приняли участие 316 студентов и аспирантов педагогического института в возрасте 17–29 лет (средний возраст — 19,1 года, стандартное отклонение — 2,2), 128 девушек и 188 юношей. Исследование проводилось в 2000–2001 гг.

Результаты исследования

Возраст первого осознания аутомортальности (ВПОА). Гендерных различий в указаниях на возраст первого осознания аутомортальности обнаружено не было. Средний ВПОА оказался равен 9,1 года ($SD = 4,1$), а медиана распределения ВПОА — 8,5 лет. Таким образом, большинство респондентов указали на возрастной интервал 5–13 лет. При этом кривая распределения частот в этом интервале скошена влево, наибольший «всплеск» осознаний аутомортальности приходится на 5,5 лет (13,8%).

При приведении указаний на хронологический ВПОА в соответствие с периодизацией психического развития (по Д. Б. Эльконину) выяснилось, что дошкольный возраст лидирует по частоте ВПОА (37,6%), затем по убывающей идут последующие три возрастных периода (с разницей убывания в среднем по 9%). При этом все процентные доли значимо различаются между собой, что позволяет говорить о возможности построения иерархии возрастов первого осознания собственной смертности. Эта иерархия отражает последовательность смены возрастных периодов развития с постепенным уменьшением доли тех респондентов, которые впервые осознали свою аутомортальность в данном возрастном периоде.

При определении статистического порога устойчивости частотей выделенных возрастных периодов ВПОА, достоверно отличающихся от однократного появления, с использованием χ^2 -критерия Фишера было установлено, что раннее детство как возраст ВПОА может быть оценено как недостаточно устой-

чивая группа (с вероятностью ошибки $p \leq 0,05^2$). Поэтому учет данного ВПОА в дальнейшем был исключен из аналитической проработки.

В целом можно заключить, что первое осознание личной смертности может иметь место в каждом из возрастных периодов, хотя наиболее часто все же это осознание происходит в дошкольном детстве.

Стимулы первого осознания аутомортальности. Анализ событий-стимулов проводился без учета пола, так как при оценке половых различий обнаружилось единственное и не слишком достоверное различие: представители мужского пола значимо чаще отмечали в качестве события, послужившего толчком к осознанию личной смертности, «просмотр фильма» ($U = 9967$, $p = 0,04$).

По нашим данным, первое осознание аутомортальности в большинстве случаев (71,4% от всей выборки) непосредственно связано с каким-либо событием. Эта пропорция наблюдается во всех возрастных группах. Оставшаяся треть респондентов пришли к осознанию аутомортальности либо без всякого события, либо не помнят это событие. Причем наибольшая часть указаний на наличие события, повлиявшего на первое осознание аутомортальности, падает на дошкольный возраст (28,6% от всей выборки и 40% от всех отметивших наличие стимулирующего события). По мере взросления влияние события постепенно убывает в среднем на 10% при переходе от одной возрастной группы к другой. Наименьшая частота указаний на конкретное событие наблюдается в раннем-юношеском возрасте (7,8% от всей выборки и 10,9% от всех отметивших наличие стимулирующего события).

Иерархия частотей конкретных событий, стимулировавших первое осознание аутомортальности, представлена на рис. 1.

Как видно, в целом по выборке наиболее частыми событиями, стимулировавшими первое осознание аутомортальности (ПОА), послужили *смерть близкого человека* и *наблюдение похоронной процессии* (около половины всех указавших). Примерно еще по 10% каждое имеют *личная болезнь/несчастный случай*, *разговоры взрослых* и *просмотр фильма*; примерно по 5% — *смерть животного*, *конфликт с близкими* и *разговоры со сверстниками*. Реже всего стимулирует первое осознание аутомортальности *чтение книги*.

При анализе частотей событий — стимулов ПОА по отдельным ВПОА обнаруживается, что эти события имеют возрастную специфику (рис. 2).

Сравнительный анализ (использовался ϕ -критерий Фишера) частотей событий-стимулов в каждом возрасте показал возможность построения их трехуровневой иерархии (в ранней юности — двухуровневой).

² Появление категории в 2,5% и более ответах можно рассматривать как неслучайное, типичное для данного контекста с вероятностью ошибки $p \leq 0,05$; появление в 5,0% ответов — с вероятностью ошибки $p \leq 0,01$ и в 6,6% ответов — с вероятностью ошибки $p \leq 0,001$ [2, с. 13–17].

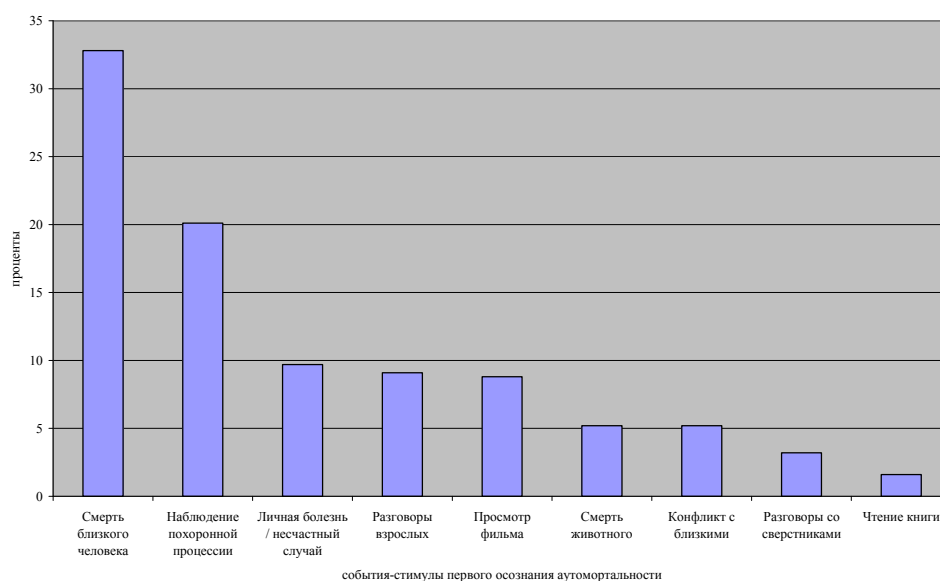

Рис. 1. Иерархия частоты событий, стимулировавших первое осознание аутомортальности (в целом по выборке).

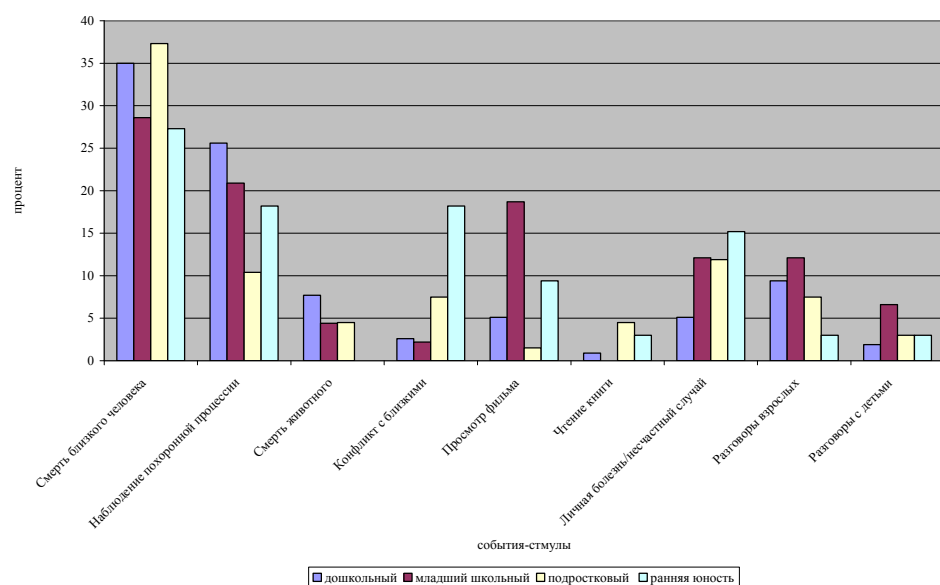

Рис. 2. Гистограмма частоты событий-стимулов первого осознания аутомортальности в зависимости от его возраста.

Первый уровень составили:

- в дошкольном возрасте *смерть близкого человека* (35%) и *наблюдение похоронной процессии* (около 25%);
- в младшем школьном возрасте *смерть близкого человека* (около 28%), *наблюдение похоронной процессии* (около 21%) и *просмотр фильма* (около 18%).
- в подростковом *смерть близкого человека* (около 37%);
- в ранней юности *смерть близкого человека* (около 27%), *наблюдение похоронной процессии* (около 18%), *конфликт с близкими* (около 18%) и *личная болезнь/несчастный случай* (около 15%).

Таким образом, во всех возрастах, кроме подросткового, первое место заняли *смерть близкого человека* (27–37%) и *наблюдение похоронной процессии* (18–25%), которые в целом составляют около половины всех событий, стимулировавших первое осознание аутомортальности.

На втором уровне оказались следующие события-стимулы:

- в дошкольном возрасте *разговоры взрослых* (около 9%), *смерть животного* (около 7%), *личная болезнь/несчастный случай* (около 5%) и *просмотр фильма* (около 5%);
- в младшем школьном возрасте *личная болезнь/несчастный случай* (около 12%), *разговоры взрослых* (около 12%) и *разговоры со сверстниками* (около 6%);
- в подростковом возрасте *наблюдение похоронной процессии* (около 10%), *личная болезнь/несчастный случай* (около 12%), *конфликт с близкими* (около 7%), *разговоры взрослых* (около 7%), *смерть животного* (около 4%) и *чтение книг* (около 4%);
- в ранней юности *просмотр фильма* (около 9%), *разговоры со сверстниками* (около 3%), *разговоры со взрослыми* (около 3%) и *чтение книг* (около 3%).

На третьем уровне разместились такие события-стимулы, как — в дошкольном возрасте *конфликты с близкими* (около 2%) и *разговоры со сверстниками* (около 2%);

- в младшем школьном возрасте *смерть животного* (около 4%) и *конфликты с близкими* (около 2%);
- в ранней юности третьего уровня в иерархии событий-стимулов не выделялось, все разместились на двух уровнях.

Анализ иерархии событий-стимулов ПОА позволяет сделать некоторые обобщения относительно их возрастной динамики.

Так, *разговоры взрослых* очень влиятельны во всех возрастах, за исключением ранней юности. При этом наибольшее влияние дети испытывают в младшем школьном возрасте.

Таблица 1

Показатели интенсивности эмоциональных модальностей в целом
по выборке и по полу

Эмоциональная модальность	Средняя интенсивность переживания (в скобках – стандартное отклонение)			
	В целом по выборке	Женский пол	Мужской пол	Значимость различий p (U-критерий Манна – Уитни)
Страх	1,66 (1,29)	2,09 (1,29)	1,36 (1,21)	0,00
Гнев	0,60 (1,03)	0,76 (1,25)	0,49 (0,95)	0,01
Отвращение	0,41 (0,81)	0,47 (0,90)	0,37 (0,75)	—
Удивление	1,02 (1,19)	0,98 (1,15)	1,05 (1,23)	—
Ожидание	0,77 (1,10)	0,67 (0,98)	0,83 (1,17)	—
Печаль	2,21 (1,34)	2,61 (1,29)	1,95 (1,31)	0,00
Одобрение	0,18 (0,58)	0,12 (0,49)	0,22 (0,63)	—
Радость	0,12 (0,55)	0,98 (0,47)	0,14 (0,59)	—

Примечание: указаны уровни значимости только статистически достоверных различий ($p \geq 0,05$).

Личная болезнь/несчастный случай довольно часто стимулирует ПОА во всех возрастах, кроме дошкольного. Причем наибольшее влияние это событие оказывает в ранней юности.

Смерть животного наиболее существенна только в дошкольном возрасте.

Конфликт с близкими чаще всего служит стимулом ПОА в подростковом возрасте.

Просмотр фильма наиболее влиятелен для ПОА в младшем школьном возрасте и ранней юности.

Эмоциональные модальности переживания первого опыта осознания личной смертности. Сопоставление средних показателей интенсивности каждой из восьми эмоциональных модальностей (по классификации Р. Плутчека) показало следующее (табл. 1–2).

Из табл. 1 видно, что в целом по выборке наиболее интенсивными эмоциональными модальностями переживания первого опыта осознания аутомортности выступают *печаль* (2,21) и *страх* (1,66). При этом различия в показателях их интенсивности статистически значимы ($p = 0,001$): *печаль* лидирует в интенсивности эмоциональной окраски первого опыта осознания аутомортности. Затем в порядке убывания оказываются *удивление*, *ожидание*, *гнев*, *отвращение*, *одобрение* и *радость*.

Половые различия проявляются по показателям *страха*, *гнева* и *печали*, которые наиболее интенсивны у представительниц женского пола.

Таблица 2

Средние показатели интенсивности эмоциональных модальностей переживания первого опыта осознания аутомортальности в зависимости от возраста

Эмоциональная модальность	Средняя интенсивность переживания (в скобках — стандартное отклонение)			
	Дошкольный ВПОА	Младший школьный ВПОА	Подростковый ВПОА	Ранний юношеский ВПОА
Страх	1,43 (1,26)	1,86 (1,28)	1,72 (1,38)	1,91 (1,18)
Гнев	0,51 (0,92)	0,49 (0,92)	0,83 (1,31)	0,84 (1,0)
Отвращение	0,49 (0,90)	0,38 (0,84)	0,40 (0,72)	0,20 (0,41)
Удивление	1,33 (1,30)	0,84 (1,12)	1,00 (1,15)	0,53 (0,80)
Ожидание	0,65 (1,03)	0,69 (1,07)	1,04 (1,33)	0,75 (0,84)
Печаль	2,21 (1,31)	2,06 (1,37)	2,43 (1,37)	2,19 (1,33)
Одобрение	0,09 (0,45)	0,25 (0,71)	0,27 (0,60)	0,13 (0,43)
Радость	0,09 (0,49)	0,15 (0,63)	0,14 (0,55)	0,03 (0,18)

Особо обратим внимание на наличие указаний на положительные эмоции (*одобрение* и *радость*): их средняя интенсивность довольно мала (ниже 0,5), но отметили их около 17% респондентов, преимущественно мужского пола. Возможно, в этих оценках отражается некоторая защитная бравада, недаром Р. Плутчек связывал субъективный язык *радости* с психологической защитой *реактивное образование* и стилем совладания *превращение в противоположность*, а *одобрение (принятие)* с защитным *отрицанием* и совладающей *минимизацией* [4, с. 381]. Вполне возможно также, что эти респонденты нашли некоторое совладающее решение проблемы аутомортальности в форме надежды на загробную жизнь. Для прояснения данного предположения необходимо рассмотреть данные о том, в каком ВПОА наиболее часто упоминались указанные эмоциональные модальности и в связи с какими событиями-стимулами.

Данные табл. 2 показывают, что с увеличением возраста первого осознания аутомортальности растёт интенсивность *страха*, *гнева* и *ожидания* и уменьшается интенсивность *удивления*. Что касается положительных эмоций, то наибольшая их интенсивность, хотя и слабая, проявляется в младшем школьном и подростковом ВПОА.

Эти данные подтверждаются и при корреляционном анализе. Интенсивность *удивления* с увеличением возраста первого осознания аутомортальности линейно снижается ($rs = -0,19, p < 0,01$), что ярче всего выступает у представительниц женского пола ($rs = -0,29, p < 0,01$). *Страх* и *гнев*, наоборот, линейно увеличивают свою интенсивность по мере увеличения возраста первого осознания аутомортальности ($rs = 0,12, p < 0,05$ в обоих случаях). Причем увеличение *страха* наиболее явно прослеживается у представителей мужского пола

Таблица 3

Средние показатели интенсивности эмоциональных модальностей переживания первого осознания аутомортальности респондентами женского и мужского пола в зависимости от событий, стимулировавших это осознание

Эмоциональные модальности	Пол	Смерть близкого	Наблюдение похорон	Смерть животного	Конфликт с близкими	Просмотр фильма	Чтение книги	Болезнь/несчастный случай	Разговоры взрослых	Разговоры со сверстниками	В среднем по всем событиям
		М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)	М (SD)
Страх	Жен.	1,98 (1,24)	2,24 (1,24)	2,00 (1,29)	1,57 (1,13)	2,00 (1,29)	1,67 (1,15)	2,42 (1,31)	2,85 (1,14)	1,50 (2,12)	2,13 (1,28)
	Муж.	1,43 (1,20)	1,19 (1,05)	1,10 (1,14)	1,11 (1,17)	1,23 (1,11)	1,00 (1,41)	2,21 (1,31)	0,81 (1,22)	1,12 (0,83)	1,39 (1,25)
Гнев	Жен.	1,15 (1,22)	0,58 (0,90)	1,17 (1,83)	0,71 (1,25)	1,17 (0,98)	0	0,64 (0,92)	0	1,00 (1,41)	0,88 (1,17)
	Муж.	0,60 (1,00)	0,19 (0,56)	0,82 (1,33)	2,11 (0,93)	0,24 (0,70)	0	0,32 (0,58)	0,07 (0,26)	0,12 (0,35)	0,59 (1,04)
Отвращение	Жен.	0,42 (0,72)	0,50 (0,69)	1,00 (1,41)	0,43 (0,79)	1,17 (1,60)	0,50 (0,71)	0,50 (1,00)	0,33 (0,49)	2,00 (2,82)	0,47 (0,80)
	Муж.	0,43 (0,80)	0,39 (0,80)	0,22 (0,67)	0,25 (0,71)	0,45 (0,80)	0	0,37 (0,83)	0,37 (0,81)	0,37 (0,52)	0,45 (0,83)

($r_s = 0,15$, $p < 0,05$). Таким образом, выделяются три эмоциональных модальности, наиболее тесно связанных с тем, в каком возрасте впервые была осознана личная смертность. Это *удивление*, *страх* и *гнев*, причем первое с возрастом снижается, а последние — нарастают.

Проанализируем теперь то, с какими событиями-стимулами связаны рассмотренные эмоциональные модальности.

Из табл. 3 видно, что наибольший *страх* у респондентов женского пола отмечается в тех случаях, если первое осознание аутомортальности было обусловлено *разговорами взрослых* (2,85) и *личной болезнью/несчастливым случаем* (2,42). У респондентов мужского пола наибольший *страх* обнаруживался только в случае *личной болезни/несчастливого случая* (2,21). Наименьший *страх* у респондентов женского пола отмечается в случаях, если событием — стимулом ПОА становятся *разговоры со сверстниками* и *конфликт с близкими*, а у респондентов мужского пола — *разговоры взрослых*. Последнее высвечивает еще одно половое различие: то событие, которое у респондентов женского пола вызывает наиболее сильный страх, у респондентов мужского пола,

Продолжение табл. 3

Удивле- ние	Жен.	1,04 (1,13)	0,68 (1,06)	0,33 (0,52)	1,00 (1,15)	0,83 (0,75)	0	1,18 (1,54)	1,08 (0,90)	1,50 (0,71)	0,96 (1,16)
	Муж.	1,09 (1,31)	1,12 (1,21)	1,11 (1,45)	1,00 (0,93)	1,32 (1,13)	0	0,89 (1,29)	1,07 (1,16)	1,00 (1,07)	1,13 (1,30)
Ожида- ние	Жен.	0,58 (0,94)	0,35 (0,67)	0,50 (0,84)	0,71 (0,75)	0,17 (0,41)	0,50 (0,71)	1,17 (1,34)	0,73 (0,79)	0	0,63 (0,91)
	Муж.	1,04 (1,22)	0,58 (0,97)	0,90 (1,45)	1,12 (0,99)	0,91 (1,11)	0	1,31 (1,56)	0,87 (0,92)	1,00 (1,53)	0,93 (1,29)
Печаль	Жен.	3,00 (1,20)	2,78 (1,02)	3,67 (0,52)	2,43 (1,72)	2,86 (0,69)	2,67 (0,58)	1,92 (1,31)	2,58 (1,50)	3,00 (1,41)	2,70 (1,26)
	Муж.	2,45 (1,28)	1,58 (1,09)	2,18 (1,60)	2,50 (0,75)	2,00 (1,30)	1,00 (0)	1,47 (1,35)	1,73 (1,16)	1,00 (1,15)	2,00 (1,37)
Одобре- ние	Жен.	0,06 (0,32)	0,05 (0,22)	0	0,71 (0,95)	0	0,50 (0,71)	0,33 (0,89)	0	0	0,08 (0,35)
	Муж.	0,11 (0,38)	0,09 (0,30)	0,30 (0,67)	0,37 (1,06)	0,32 (0,78)	0	0,37 (0,95)	0,12 (0,34)	0,50 (0,75)	0,22 (0,62)
Радость	Жен.	0,08 (0,34)	0,05 (0,22)	0	0,43 (0,79)	0	0	0,42 (1,16)	0,08 (0,29)	0	0,06 (0,28)
	Муж.	0,06 (0,41)	0,05 (0,22)	0,27 (0,90)	0,33 (1,00)	0,09 (0,29)	0	0,42 (1,12)	0	0	0,17 (0,65)

наоборот, вызывает наименьший страх. Иначе говоря, к разговорам взрослых о смерти представители женского пола гораздо более чувствительны, нежели мужского.

У респондентов женского пола *гнев* более всего связан с такими событиями — стимулами ПОА, как *смерть животного* (1,17), *просмотр фильма* (1,17) и *смерть близкого человека* (1,15), у респондентов мужского пола — с *конфликтом с близкими* (2,11). Наименьший гнев у респондентов женского пола оказался связанным с *наблюдением похоронной процессии* (0,58), мужского пола — с *разговорами взрослых* (0,07).

Отвращение у респондентов женского пола чаще всего отмечалось в связи с *разговорами со сверстниками* (2,0) и *просмотром фильма* (1,17); у респондентов мужского пола более или менее четкой связи данной эмоциональной модальности с тем или иным событием-стимулом не выявлено. Наименьшее *отвращение* у респондентов женского пола было связано с *разговорами взрослых* (0,33); у респондентов мужского пола, как уже отмечалось, средние показатели по данной модальности примерно одинаковы для всех событий — стимулов ПОА.

Удивление у респондентов женского пола чаще всего вызвали такие события-стимулы, как *личная болезнь/несчастный случай* (1,18) и *разговоры со сверстниками* (1,5); у респондентов мужского пола — *просмотр филь-*

ма (1,32). Наименьшее удивление у респондентов женского пола было связано со *смертью животного* (0,33); у респондентов мужского пола события такого типа выделить не удалось.

Ожидание у респондентов женского пола более всего было связано с *личной болезнью/несчастным случаем* (1,17); у респондентов мужского пола — с *личной болезнью/несчастным случаем* (1,31) и *конфликтом с близкими* (1,12). Меньше всего ожидание у респондентов женского пола было связано с *разговорами со сверстниками* (0) и *просмотром фильма* (0,17), а у респондентов мужского пола — с *наблюдением похоронной процессии* (0,58).

Печаль у респондентов женского пола наиболее высока была в связи со *смертью животного* (3,67); у респондентов мужского пола — со *смертью животного* (2,5) и *смертью близкого человека* (2,45). Меньше всего печали респонденты женского пола испытывали в случае *личной болезни/несчастного случая* (1,92), а респонденты мужского пола — в случае *разговоров со сверстниками* (1,0).

Одобрение у респондентов женского пола наиболее высоко было в связи с *конфликтом с близкими* (0,71), у мужского — с *разговорами со сверстниками* (0,50). Меньше всего одобрения вызывали у респондентов женского пола такие события, как *разговоры взрослых* (0), *разговоры со сверстниками* (0), *смерть близкого человека* (0,06); респонденты мужского пола наименьшее одобрение отмечали в случае *наблюдения похоронной процессии* (0,09).

Радость у респондентов женского и мужского пола наиболее интенсивно проявлялась при *конфликте с близкими* (0,43 и 0,33 соответственно) и *личной болезни/несчастном случае* (0,42 и 0,42). Меньше всего эта модальность у респондентов женского пола выражена в случаях *разговоров со сверстниками* (0), *смерти животного* (0) и *просмотра фильма* (0), у респондентов мужского пола — в случаях *разговоров со сверстниками* (0), *разговоров взрослых* (0), *смерти близкого человека* (0) и *наблюдении похорон* (0).

Общим для обоих полов выступает связь *страха* и *ожидания* с *личной болезнью/несчастным случаем*, *печали* — со *смертью животного*, *радости* — с *конфликтом с близкими*. Последнее, в частности, проясняет указание нашими респондентами на наличие положительных эмоций при осознании смертности: оказываясь в связке с конфликтом с близкими людьми, они, по-видимому, выражают либо детское желание мстительного возмездия близким за конфликтные отношения («Вот умру — тогда поплачете!»), либо возможность ухода от фрустрирующей действительности (эскапизм).

Степень субъективного влияния первого опыта осознания аутомортальности на последующую жизнь. Только четверть респондентов (25,8%) отметили, что первое осознание аутомортальности совсем не повлияло на их дальнейшую жизнь. Причем чаще всего это касалось представителей мужского пола (34%). Чуть меньше половины респондентов испытали сильное,

но быстро прошедшее влияние первого осознания аутомортальности (26,1% и 15,9%). При этом у представительниц женского пола это влияние было более часто, нежели у мужского пола.

Корреляционный анализ (по Спирмену) показал наличие умеренной позитивной связи между ВПОА и степенью влияния ПОА на последующую жизнь ($R = 0,16^{**}$, $p = 0,00$): чем в более позднем возрасте имеет место ПОА, тем сильнее оно оказывает влияние. При этом у представительниц женского пола эта связь сильнее ($R = 0,22^{*}$, $p = 0,01$), а у представителей мужского пола достаточно слабая и неустойчивая ($R = 0,12$, $p = 0,10$).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Около 40% первых осознаний аутомортальности приходится на дошкольный возраст (3–7 лет). У 30% респондентов это имело место в младшем школьном возрасте, у 20% — в подростковом и у 10% — в ранней юности.

2. Примерно в 70% случаев первое осознание аутомортальности было связано с каким-либо стимулирующим событием. Наиболее частые события-стимулы во всех возрастах связаны со *смертью другого человека* (50% случаев). Примерно по 10% приходится на такие события, как *личная болезнь/несчастный случай, разговоры взрослых и просмотр фильма*, по 5% — *смерть животного, конфликт с близкими и разговоры со сверстниками*. Практически не имело существенного влияния чтение книги.

3. Имеется возрастная специфика в связи возраста первого осознания аутомортальности и события-стимула, его обусловившего. Так, *разговоры взрослых* примерно одинаково влияют во всех возрастах, за исключением ранней юности. *Личная болезнь/несчастный случай* примерно одинаково влияют во всех возрастах, за исключением дошкольного. *Смерть животного* наиболее часто стимулирует первое осознание аутомортальности в дошкольном возрасте. *Конфликт с близкими* наибольшее влияние имеет в подростковом возрасте. *Просмотр фильмов* наиболее часто стимулирует первое осознание аутомортальности в младшем школьном и раннем юношеском возрастах.

4. Наиболее интенсивной эмоциональной окраской переживания первого опыта осознания аутомортальности отличается *печаль*, несколько менее частой — *страх*. При этом интенсивность негативно-эмоциональной окраски переживания (печаль, страх, гнев) выше у представительниц женского пола. С увеличением возраста первого осознания аутомортальности постепенно нарастает интенсивность *страха, гнева и ожидания* и ослабляется интенсивность удивления.

5. Наибольшие *страх и ожидание* имеют место в том случае, если первое осознание аутомортальности стимулировалось *личной болезнью/несчастным*

случаем. Наибольшая печаль отмечалась в случае *смерти животного*, наибольшая *радость* — в случае *конфликта с близкими*.

6. Наблюдается слабая тенденция к усилению с возрастом силы влияния опыта первого осознания аутомортальности на последующую жизнь: чем в более старшем возрасте человек «открывает» для себя свою смертность, тем более сильное влияние это оказывает на его дальнейшую жизнь.

В целом сделанные выводы подтверждают интуитивные представления и житейские наблюдения. Вместе с тем они открывают и некоторые неожиданные аспекты или по-новому высвечивают очевидные факты. Так, выяснилось, что вопреки данным большинства зарубежных танатопсихологов (см. [5]), первое осознание аутомортальности чаще происходит ранее 9–10 лет. Возможно, наши данные отражают только российскую специфику, причем относительно стабильного периода (детство наших респондентов проходило в середине-конце 1980-х гг.).

Интересно также, что чтение книг практически не наводило наших респондентов на осознание личной смертности. Если обратиться опять-таки к историческому периоду детства наших респондентов, то можно предположить, что причиной этому вряд ли была непопулярность чтения среди молодежи. Как раз, наоборот, в то время мы еще оставались «самой читающей страной в мире», а телевидение и Интернет не имели той власти над умами и досугом, которой они обладают сейчас. Скорее всего дело в содержании детской и юношеской литературы тех лет. Нельзя сказать, конечно, что современная детская литература, в отличие от советской, более наполнена танатостимулирующей тематикой. Просто сейчас дети и подростки стали меньше читать.

Далее. На основании полученных данных можно вывести определенные психолого-педагогические рекомендации относительно событий, которые могут иметь место в жизни ребенка. В частности, танатофобического расстройства наиболее вероятно ожидать в том случае, если ребенок становится жертвой какой-либо серьезной болезни или несчастного случая. Именно в этом случае наши респонденты указывали на интенсивные страхи и ожидание смерти. Депрессивные настроения наиболее вероятны у дошкольников в случае смерти домашнего питомца или какого-то другого животного. А конфликт подростка с родителями может подвигнуть его к суицидальным попыткам, что просматривается в наших данных о связи эмоциональной модальности *радости* с тем случаем, когда первое осознание аутомортальности стимулировалось конфликтом с близкими. Последнее обстоятельство, кстати, объясняет те случаи, когда наши респонденты отмечали у себя достаточно сильные положительные эмоции в связи с осознанием аутомортальности. Оказалось, что их нельзя списать на браваду. По-видимому, в данных случаях имело место рассмотрение смерти как некоего выхода из конфликта с наличием мститель-

ных чувств по отношению к близким и бессознательным отрицанием своей окончательной конечности.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшей работы. Было бы интересно провести подобное исследование на выборке испытуемых из последних поколений молодежи, чье детство пало на нестабильные 1990-е гг. Полезно выяснить наиболее распространенные стратегии совладания детей и подростков с переживаниями первого опыта осознания аутомортальности, содержание типичных ответов родителей на детские вопросы о неизбежной конечности жизни.

Библиографический список

1. *Гаврилова Т. А.* Проблема детского понимания смерти. URL: <http://www.psyedu.ru/jornal/2009/4/Gavrilova.phtml>.
2. *Еремеев Б. А.* Статистические процедуры при психологическом изучении текста. СПб.: Образование, 1996.
3. *Исаев Д. Н., Новикова Т. О.* Нужна ли помощь подросткам в восприятии смерти? // Вопросы психологии. 2003. № 3.
4. *Романова Е. С., Гребенников А. Р.* Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. Мытищи: Талант, 1990.
5. *Kane B.* Children's concept of death // J. Gen. Psychol. 1979. Vol. 134.

КАРЬЕРНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ МОЛОДЁЖИ, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

.....

А. Н. Дёмин¹

В статье рассматриваются особенности соотношения образовательных и должностных притязаний выпускников школ и колледжей с объективными показателями высшего образования и рынка труда Краснодарского края до и в течение финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. В частности, установлено, что в период кризиса завершилась конвергенция показателей образовательных притязаний обеих групп молодёжи с объективными показателями высшего образования. В свете полученных данных обсуждаются перспективы высшего образования.

Ключевые слова: молодёжь, образовательные притязания, должностные притязания, сфера высшего образования, рынок труда, финансово-экономический кризис.

The article presents school and college graduates' education and job aspirations peculiar correlations with objective indicators of higher education and labor market of the Krasnodar Territory before and during 2008-2010 crisis. It is established particularly, that during the crisis period the convergence of the indices of educational aspirations of both groups of young people with objective indices of higher education finished. The data obtained allow the discussion on the prospects of higher education.

Key words: youth, educational aspirations, job aspirations, higher education, labor market, financial and economic crisis.

Круг вопросов, интересующий автора статьи, охватывает взаимодействие карьерных притязаний молодёжи с институтами образования и рынка труда в постсоветский период. Для изучения этих вопросов используется идея о совмещении динамических рядов психологического и социально-экономического [3; 4; 5], что позволяет оценить степень синхронизации/десинхронизации психологических характеристик больших социальных групп и показателей социально-экономических институтов, определить статус (доминантный, пари-

¹ Дёмин Андрей Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления КубГУ. Эл.почта: demin@manag.kubsu.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Влияние карьерных притязаний молодёжи на социальные институты в условиях финансово-экономического кризиса»), проект № 11-06-00734а.

тетный, ведомый) психологического во взаимодействии с непсихологическим на тех или иных интервалах времени.

Организационно и методически эта идея воплощается, с одной стороны, через проведение регулярных (раз в пять лет) опросов на выборках кубанской молодёжи с использованием идентичного инструментария, направленного на измерение притязаний, планов и других психологических характеристик молодых людей (подробное описание выборок и методов см. в [2; 4; 9]); с другой стороны, через сбор ежегодных статистических показателей о состоянии сферы образования и рынка труда Краснодарского края, релевантных психологическим характеристикам молодёжи.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в постсоветский период образовательные и должностные притязания таких групп молодёжи, как выпускники общеобразовательных школ и колледжей, были скорее доминантными и паритетными, чем ведомыми во взаимодействии с институтами высшего образования и рынка труда. В известном смысле можно говорить о влиянии психологического на социально-экономическое, что подтверждает значение психологических факторов в жизни современного российского общества, показанного в ряде исследований (В. Д. Попов, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич и др.).

Наименее исследованными и наиболее интригующими остаются вопросы о механизмах, границах, эффектах влияния психологического на социально-экономическое. Высказывается мнение, что степень этого влияния зависит от близости ценностей той или иной группы населения к реализуемой социальной и экономической идеологии — в этом случае облегчается институционализация групповых ожиданий (С. Гор), но в целом дефицит психологических исследований подобного рода очевиден. Требуется как накопление эмпирических данных, так и поиск объяснительных схем. Например, Д. Дулей и Р. Каталано, рассматривая обсуждаемую проблему в контексте *community psychology*, полагают, что население и социальные институты находятся в отношениях подвижного взаимного контроля [11]. Данный подход может оказаться весьма продуктивным.

Масштабные изменения внешних обстоятельств тяжело переживаются людьми, но одновременно создают возможности для исследования устойчивости-неустойчивости различных тенденций, выявления факторов и механизмов их реализации. Резкое изменение социально-экономических условий с 2008 г. (начало финансово-экономического кризиса, окончание «тучных лет») привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. Мы исходим из того, что если в этих условиях соотношение карьерных притязаний молодёжи и показателей социально-экономической сферы начнёт меняться или, напротив, не будет меняться, то проявится сила и устойчивость влияния одних по отношению к другим.

Учитывая высказанные соображения, сформулируем цель статьи: изучить особенности взаимодействия карьерных притязаний выпускников школ и колледжей с объективными показателями региональных систем высшего образования и рынка труда в условиях финансово-экономического кризиса (2008–2010 гг.); соотнести выявленные особенности с тенденциями, характеризующими более ранний постсоветский период, и оценить степень устойчивости этих тенденций.

В качестве исходных гипотез выступили следующие предположения.

1. В условиях финансово-экономического кризиса образовательные притязания молодёжи скорее всего сохранят своё влияние на институт высшего образования. Гипотеза базируется на том, что в период 1990–2006 гг. наблюдалась неуклонно возрастающая конвергенция показателей высшего образования с более высокими образовательными притязаниями школьников и студентов колледжей, что должно было привести к высокой степени институционализации, как следствие, инерции данного соотношения.

2. Соотношение должностных притязаний молодёжи с показателями рынка труда может оказаться менее устойчивым, поскольку ранее оно было скорее паритетным, чем доминантным и, следовательно, менее институционализированным, более зависимым от макроэкономических влияний.

Последний опрос молодёжи был проведён в 2011 г. (389 11-классников, 333 студента выпускного курса колледжей), последние доступные статистические показатели приходятся на 2010 г., что позволяет сравнить взаимодействие психологического и социально-экономического до и в течение финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг.

Образовательные притязания и сфера высшего образования

Данные, собранные в 1990–2006 гг., свидетельствуют о возрастающей конвергенции притязаний школьников и выпускников колледжей на получение высшего образования и релевантного им показателя институциональной доступности высшего образования (ИДВО)² для молодёжи.

Так, показатели притязаний выпускников школ на высшее образование составляли 82% в 1990 г.³ и 92,6% в 2006 г. (рис. 1). Аналогичная картина наблюда-

² ИДВО демонстрирует место высшего образования как института социализации в структуре жизненного пути и профессионального развития молодёжи, проживающей в данном регионе. Значение ИДВО в каждый конкретный год определяется через отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, окончивших общеобразовательные учреждения, профтехучилища и техникумы; полученная величина умножается на 100. Таким образом, ИДВО отражает долю принятых в вузы среди тех, кто получил аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году; данный показатель сопоставим с показателем образовательных притязаний молодёжи – и в том, и в другом случае определяется удельный вес людей с соответствующим социальным статусом (достигнутым и желаемым) в изучаемой популяции.

³ Относительно школьников существует немало данных, показывающих, что высокий уровень их образовательных притязаний сформировался ещё в советский период [1; 7; 8; 10].

лась в группе выпускников колледжей: в 1996 г. (до этого их притязания не измерялись) 66,1% считали достаточным для себя уровень высшего образования, в 2006 г. таких стало 83,9%.

Показатель ИДВО в 1990 г. составлял 17%, в 1996 г. он вырос до 29%, а в 2006 г. — до 66%.

И в случае с выпускниками школ, и в случае с выпускниками колледжей разрыв между уровнями притязаний и показателями институциональной доступности высшего образования последовательно и ускоренно сокращался. Выявленные соотношения позволили сделать вывод, что притязания этих групп молодёжи, освободившись после шоковых реформ от сдерживающих социальных скреп и фильтров, повели за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который та стала ориентироваться и к которому стала неуклонно и с ускорением приближаться в постсоветский период.

Осенью 2008 г. произошло резкое изменение социально-экономических условий (начало финансово-экономического кризиса, окончание «тучных лет»), это привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. Отразилось ли это на соотношении притязаний и объективных показателей сферы высшего образования?

В 2011 г. 94,1% выпускников школ притязали на получение высшего образования, т. е. в этой группе прирост притязаний продолжился. Среди выпускников колледжей на получение высшего образования притязали 78,9% опрошенных, что на 5% ниже по сравнению с 2006 г.

На этом фоне показатель ИДВО продолжал быстрый рост: уже в 2008 г. он стал превышать показатель притязаний выпускников колледжей, а в 2009 г. — показатель притязаний школьников, в 2010 г. эта тенденция сохранилась (ИДВО достиг уровня 97,4%).

Таким образом, для группы школьников сформировавшаяся ранее конвергенция показателей притязаний и высшего образования продолжилась и завершилась в период финансово-экономического кризиса, причём субъективное и объективное практически перестали отличаться друг от друга. Для выпускников колледжей конвергенция притязаний и показателей высшего образования также завершилась, но далее наметилась их дивергенция; по-видимому, притязания этой группы, весьма и весьма высокие, уже насыщены.

Ситуация, когда институциональная доступность высшего образования либо сливается с притязаниями потенциальных абитуриентов, либо превышает их, говорит о том, что отечественная высшая школа окончательно перешла в какой-то иной содержательный и функциональный статус по сравнению с тем, что мы наблюдали в советские и первые постсоветские годы. Вузы превратились в корпорации, оказывающие образовательные услуги и действующ-

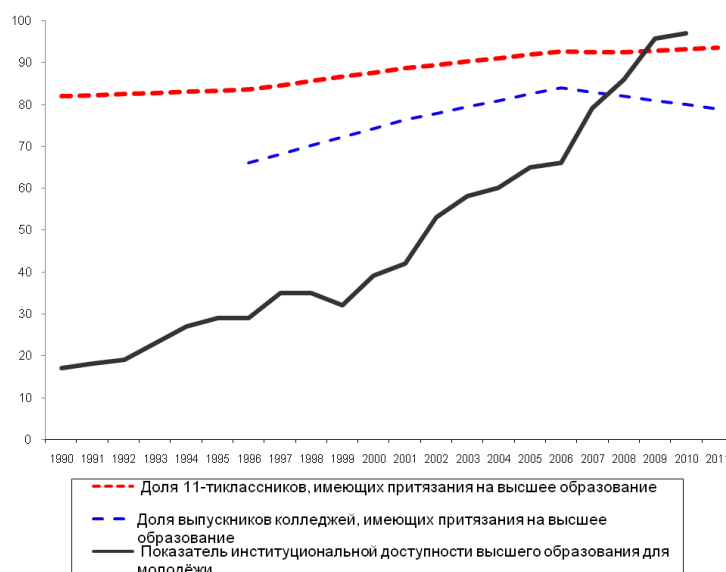

Рис. 1. Притязания групп молодежи на высшее образование и динамика показателя институциональной доступности высшего образования в Краснодарском крае (1990–2011 гг.)

шие по законам рынка. Соответственно границы между высшим образованием, изначально призванным давать знания, и рынком всё более и более размываются. Разнообразные проявления этого феномена у нас перед глазами:

- стремление вузов всеми доступными средствами удовлетворить спрос на высшее образование;
- включение высшего образования в некую потребительскую норму, т. е. превращение в то, чем должен обладать «каждый порядочный человек» (соответственно, институт высшего образования стимулирует не столько выбор жизненного пути, сколько добор этих статусных благ, наполнение той части потребительской корзины, которая отведена для приобретения символического капитала);
- замена знаний, умений, навыков на компетенции — этот специальный язык корпораций, желающих вложить деньги в сферу образования, непосредственно включить его в свои организационно-технологические циклы;
- растущая ненадёжность занятости преподавателей (в этом аспекте вузы перестали отличаться от промышленных, финансовых, торговых организаций) и т. д.

Должностные притязания и рынок труда

В период 1990–2006 гг. динамика притязаний выпускников школ на должность руководителя предприятия и динамика релевантного им показателя

«вероятность статусного восхождения на рынке труда» (ВСВ)⁴ характеризовались относительной синхронностью, при этом количественная разница между показателями притязаний и ВСВ была очень существенной (рис. 2). Например, в 1990 г. более 30% школьников считали для себя достаточной должность руководителя предприятия, а показатель ВСВ составлял 0,4%; в 1996 г. соотношение было 32% против 4,72%, в 2001 г. — 37,4% против 5,47%, в 2006 г. — 41,3% против 5,68%. Получается, что должностные притязания значительной части выпускников школ, с одной стороны, отражали общую направленность процессов на рынке труда (увеличение числа организаций и, следовательно, возможности занимать руководящие должности), т. е. в формировании притязаний в определённой мере присутствовал «принцип реальности». С другой стороны, эти притязания значительно превосходили рыночные возможности, были свободны от внешних ограничений, т. е. одновременно с «принципом реальности» они строились по «принципу удовольствия».

Действие «принципа удовольствия» можно рассматривать в контексте более общего феномена революции притязаний, произошедшей ещё в период перестройки и заключающейся в кратном увеличении должностных, финансовых, материальных притязаний молодёжи по сравнению с доперестроичным периодом [6]. Расчёты показывают, что в 1990–2000-е гг. произошло трёх-четырёхкратное возрастание должностных притязаний школьников Краснодарского края по сравнению с серединой 1980-х гг.

В группе выпускников колледжей в 1990–2000-е гг. также зафиксированы относительно высокие уровни должностных притязаний. Например, в 1996 г. 24,6% выпускников колледжей считали для себя достаточной должность руководителя предприятия. К 2006 г. их притязания подросли до 27,4%; в целом динамику притязаний можно оценить как синхронную показателям ВСВ.

Опрос 2011 г. показал, что на должность руководителя предприятия сейчас притязают 34,4% выпускников школ, т. е. этот показатель понизился до значений второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., но по-прежнему остаётся чрезвычайно высоким. Показатель ВСВ демонстрировал следующую динамику: в 2007 г. он составил 4,49%, в 2008 г. — 4,81, в 2009 г. — 4,72, в 2010 г. — 4,97%. Получается, что в соотношении должностных притязаний школьников и процессов на рынке труда в период финансово-экономического кризиса наметилась конвергенция.

⁴ Показатель ВСВ рассчитывается как отношение числа организаций к численности населения, занятого в экономике края; полученная величина умножается на 100. Мы исходили из того, что этот показатель более других соответствует должностным притязаниям человека, поскольку любое предприятие имеет высшее руководящее звено. Других прямых данных о количестве руководителей найдено не было; только в последние годы стала появляться статистика о количестве руководителей (представителей) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций, но этого недостаточно для изучения всего интересующего нас периода.

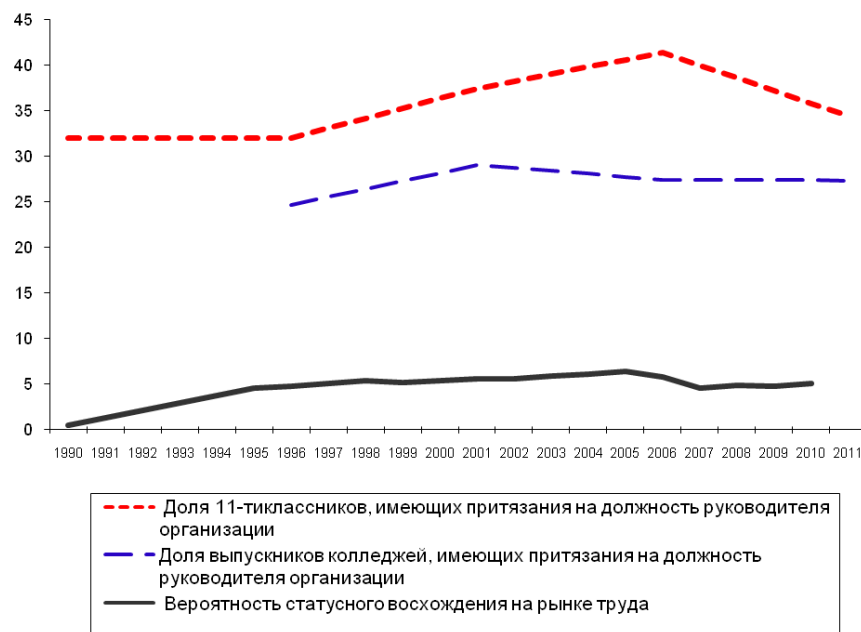

Рис. 2. Притязания групп молодёжи на должность руководителя предприятия и динамика вероятности статусного восхождения на рынке труда Краснодарского края (1990–2011 гг.)

В группе выпускников колледжей притязания остались на докризисном уровне (27,3%). Учитывая колебания показателей ВСВ после 2006 г., можно сказать, что в этот период для данной группы характерны отношения скорее синхронности, чем асинхронности (конвергенции, дивергенции) притязаний с процессами на рынке труда.

Итак, собранные данные свидетельствуют о том, что в период финансово-экономического кризиса для группы выпускников школ соотношение должностных притязаний и показателей рынка труда стало меняться, но это изменение не выходит за границы открытого в период перестройки феномена революции притязаний. Для группы выпускников колледжей рассматриваемое соотношение осталось прежним (паритетным).

Подведём итоги. Согласно результатам исследования в условиях финансово-экономического кризиса образовательные притязания выпускников школ сначала сохраняли свой доминантный статус по отношению к показателям высшего образования, затем произошло их фактическое слияние на предельно высоком уровне, в рамках которого невозможно определить, что является ведущим, а что ведомым. Это особое состояние отечественного института высшего образования.

Образовательные притязания выпускников колледжей потеряли свой доминантный статус по отношению к показателям высшего образования, по-видимому, достигнув предела своего насыщения. В настоящее время они выступают, видимо, в роли одной из платформ для процессов в высшей школе.

Таким образом, для выпускников школ первая гипотеза скорее подтверждается, чем не подтверждается (потому что статус их притязаний пока не претерпел существенных изменений), а для выпускников колледжей — не подтверждается.

О результатах проверки второй гипотезы делать выводы, с нашей точки зрения, преждевременно. Требуются показатели ВСВ за 2011 г. (они будут доступны только в 2012 г.). Всё же отметим тенденцию к её подтверждению для группы выпускников школ: финансово-экономический кризис оказал некоторое влияние на соотношение их должностных притязаний с релевантным показателем рынка труда; возможно, их притязания переходят из статуса паритетных в статус ведомых по отношению к этому показателю.

В заключение ещё раз обратимся к взаимодействию образовательных притязаний молодёжи с процессами в высшей школе. То, что для самой многочисленной и влиятельной группы выпускников школ завершилась конвергенция образовательных притязаний и институциональной доступности высшего образования, а для группы выпускников колледжей наметилась их дивергенция, свидетельствует о наступлении нового этапа в развитии отечественной высшей школы.

Мы уже писали о том, что в постсоветский период в рамках так называемого рывка к свободе государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств [4; 5]. Но эта сила не может быть ведущим субъектом образовательной политики — у неё слишком узкий социальный кругозор⁵. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой, однако ситуация здесь довольно неопределённая.

⁵ Одностороннее влияние этого субъекта на высшее образование в предыдущие годы (см. рис. 1) имеет деструктивные эффекты — не только из-за потери высшей школой селективной функции, из-за перераспределения ресурсов в ущерб другим уровням профессионального образования, но и потому, что за последние 20 лет в недрах высшей школы сформировался новый, внутренне противоречивый и довольно массовый тип молодого человека, выходящего на рынок труда. В этом типе сочетаются: иллюзия лёгкости достижения целей, так как поступить в вуз можно без особой борьбы, без отбора; высокая амбициозность, провоцирующая фрустрированность, поскольку на рынке труда отсутствуют возможности для реализации завышенных амбиций; развитие на этом фоне цинизма, трудовой гипермобильности, профессиональной пассивности.

Если говорить о государстве, то оно пытается усилить функцию регуляции (попытки сократить число вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, желание сместить акценты с высшего образования на развитие начального и среднего профессионального образования — тому пример). Между тем время для принимаемых решений в значительной степени упущено, и наверняка мы увидим разнообразные способы сопротивления со стороны домохозяйств и вузов. Победитель в этой борьбе в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе неочевиден.

Участие бизнеса в регулировании отечественного образования пока незначительно, хотя объективные предпосылки для этого сложились (см. о размывании границ между образованием и рынком).

Если предположить, что государство и бизнес окажутся последовательными и успешными в регулировании, в частности, сферы высшего образования, то весьма тяжёлой будет адаптация молодёжи и их семей к новой ситуации, в которой реализация образовательных притязаний невозможна в прежних объёмах. Способны ли государство и бизнес обеспечить приемлемые, привлекательные места обучения в средней и начальной профессиональной школе, которые могут прийти на замену высшей школе? Пока мы не видим ясной стратегии в этом направлении. Не исключено, что в обёртке высшей школы население в дальнейшем будет получать не высшее, а среднее профессиональное образование.

Библиографический список

1. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988.
2. Дёмин А. Н. Адаптация молодежи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодежь/науч. ред. В. Магун. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
3. Дёмин А. Н. Историческое время и психологические характеристики человека. Возможно ли их соединение в исследованиях современности? // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
4. Дёмин А. Н. Макропсихологический анализ образовательных притязаний трёх групп кубанской молодёжи // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
5. Дёмин А. Н. Соотношение притязаний школьников с социально-экономическими показателями региона // Вопросы психологии. 2011. № 1.
6. Магун В. С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
7. Магун В. С., Литвинцева А. З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М., 1993.

8. Некрасов С.Д. Параметры образа будущего у выпускника современной школы // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3.
9. Рожков А. Ю., Дёмин А. Н., Самаркина И. В. Социальные проблемы кубанской молодёжи в условиях изменяющегося общества 1920-х и 1990-х годов. Краснодар: ИЭиУ КГМА, 2004.
10. Руткевич М. Н., Потапов В. П. После школы: Социально-профессиональные ориентации молодёжи. М.: Всероссийский научно-практический центр профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, 1995.
11. Dooley D., Catalano R. Introduction to underemployment and its social cost // American Journal of Community Psychology. 2003. № 32 (1).

ПОНИМАЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

.....

Е. В. Некрасова¹

Утверждается, что транспективная стратегия, центрирующаяся на становящееся смысловое пространство человека, может рассматриваться в качестве основания ценностного отношения к литературному художественному тексту, приносящего в него (текст) «избыток видения», «оживляющего» символ.

Ключевые слова: литературный художественный текст, жизненный мир человека, смысл, символ, понимание, диалог, смыслопорождение, транспективный анализ, нарратив.

Transpective strategy is stated centering upon the forming sense space of a human, can be approached as a basis of valuable respect to artistic literary text, bringing into it vision redundancy, and animating a symbol.

Key words: artistic literary text, personal vital world, sense, symbol, understanding, dialogue, generating, transpective strategy, narration.

В попытке понять жизненный мир человека и тем самым особенности его жизненного самоосуществления нельзя не учитывать то, что этот мир имеет пространственно-временную организацию, что он хронотопичен. Хронотоп выступает как динамично развивающееся ценностно-смысловое пространство человека, имеющее свое прошлое, настоящее, будущее; он динамичен, подвижен, возникает в активности индивида, взаимодействующего со средой, и эта активность распределяется в пространстве и времени, порождая собственные пространство и время — системные новообразования психологической системы, коей является человек. Отличительная черта хронотопа — изменчивость отношений человека в пространстве «времени-места»: время разворачивается в пространстве жизни постоянно изменяющихся неповторимых отношений индивида. Наиболее существенная характеристика хронотопа наряду с временем и пространством — смысл, или смысловое «время-пространство», посредством которого человек имеет возможность «выходить» в вечное и сохранять психологическое содержание хронотопа (его целостность), рождающееся «вну-

¹ Некрасова Евгения Владимировна — доктор психол. наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул. Эл. почта: hronotopp@inbox.ru

три» времени и пространства бытия человека. Именно в смысле становление человека заявляет о себе наиболее выражено. Пространство и время приобретают хронотопические характеристики только в связке со смыслом. Хронотоп обладает характеристиками реальности и действительности для человека, который открывает в процессе свободного выбора смысл и ценность собственных потенциальных возможностей. Акты понимания позволяют самоосуществляющемуся человеку определять свое место в мире.

Понимание жизненного мира человека как становящегося, анализ его тождества в процессе изменения и становления предполагают изучение оформления индивидуального жизненного самоосуществления в предмете (продукте), в таком материальном образовании, в сочетании процессов, состояний которого заложено содержание жизненного мира (экзистенциального пространства) человека. Содержание, динамика жизненного мира оформляются в продуктах творческой деятельности человека, в которых жизненный мир не исчезает, а переходит «из формы движения в форму бытия или предметности» (К. Маркс).

Для постижения смыслов в их включенности в реальную жизнедеятельность человека адекватным оказывается образно-символическое мышление и соответствующие средства выражения: эмоционально выразительный образный и символический язык искусства, литературы, поэзии, которые делают «непостижимое умопостижимым». Прямое назначение художественной литературы — выразить собственно человеческое наиболее полно и точно, отсекая все лишнее и случайное, открывая то, что закрыто, что стремится к невидимому и недоступному. Поэты, писатели не подводят никакой базы под свое видение души, они в своих прозрениях смелее и идут дальше ученых. У истинного художника материал произведения составляется из материала жизни. Поэзия и художественная литература, не связанные никакими условиями использовать «плотные» научные понятия, что свойственно науке, оперируют в широком диапазоне эмоционально насыщенных образов, добиваясь нужного эффекта — постижения (осмысления) смыслов в их включенности в бытие, постижения тем самым человека.

Так как в медиаторах заключена мощная энергия, в искусстве — при всей его символичности — абстрактные категории пространства и времени не отрываются от реальной жизни. Человек в своей духовной деятельности не выражает, не отражает, а создает, творит подлинную человеческую реальность. Объективность существования идей была очевидна для П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, С.А. Франка, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана.

Взгляд на культуру как объективную реальность адекватен ее пониманию в культурно-исторической психологии: первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека в виде произведений искусства или в каких-либо других материальных творениях людей. Естественен вопрос, насколько объек-

тивна идеальная форма существования аффективно-смысловых образований? Утрачивает ли она, будучи творением человека, свою субъективную природу?

Главный вопрос, который ставил Л. С. Выготский в «Психологии искусства», — что делает произведение творением искусства [6]? Согласно ученому, чувства, эмоции, страсти входят в содержание произведения искусства, преобразуясь. Чувства посредством искусства возвышаются над индивидуальными чувствами, обобщаются и становятся общественными. Определяющим в художественном произведении является то, что находится за его формой и создает ее самое. Создает форму художественного произведения его смысл. Материал художественного произведения — язык, т. е. материал смысловой. «Развоплощение» именно этого материала и следует осуществить читателю. Л. С. Выготский подчеркивает, что главное в художественном произведении — движение «противочувствования», которое собственно и создает воздейственность искусства. Это «противочувствование» состоит в том, что аффективное содержание произведения развивается в двух противоположных, но стремящихся к одной завершающей точке направлениях. В этой точке, «перерыве» в жизни, наступает «замыкание», которое разрешается аффектом. Здесь происходит преобразование, просветление чувства, катарсис, под которым понимается решение некоторой личностной задачи. Здесь происходит порождение более высокого смысла (по отношению к исходному смыслу), расширяющего горизонт видения и жизненное пространство человека.

В художественном произведении осуществляется снятие анизотропности (однонаправленности) времени. Одна из особенностей художественного мышления — стремление преодолеть линейное восприятие времени, сопряженное с идеей его необратимости. «Художественное время стремится выключить произведение искусства из реального времени, создать свое время, независимое от реального» [8, с. 333]. Если художнику удастся это сделать, то возникает подлинное искусство, подлинное его творение. Преодолевая реальное время посредством создания символа, автор прорывается в вечность, обретая свое место в духовной культуре.

Смысл и функция произведения искусства в том, чтобы нечто человеку открылось в сущностной, жизненной правде, чтобы ему открылось сверхличное. «Всякое подлинное искусство символично, — оно есть мост между двумя мирами, оно ознаменовывает более глубокую действительность, которая и есть подлинная реальность» [2, с. 254]. Посредством произведения искусства — результата «одухотворенного истинного созерцания» (В. П. Зинченко) — человек в единичном явлении имеет возможность открыть всеобщее.

Согласно М. К. Мамардашвили, вещи искусства как некоторая конструкция, некоторый текст являются средством воссоединения себя с «горизонтом большего»: «Текст есть нечто, посредством чего мы читаем что-то другое. Текст есть нечто, посредством чего мы читаем событие» [9, с. 28]. Произведение искус-

ства — сильная форма, орудие «вертикального просечения жизни» [9, с. 204], открывающее возможность увидеть реальность, которая всегда закрыта «экраном кажущейся жизни». В обыденной жизни человек очень часто действует по привычке, автоматически, осуществляя стереотипные формы поведения, руководствуясь предрассудками, вымыслами, фантазиями, и в результате не видит подлинной жизни. Понимающее чтение, чтение «всерьез» учит не просто существовать, учит жить, проживать каждое мгновение, чувствовать жизнь. Такое чтение учит осознавать, что значит жить, открывая возможности полноценной, осмысленной жизни. Понимание делает человека человеком, не позволяя ему стать «штифтиком».

В символе всегда содержится невидимое, в свете которого выступают видимые вещи; в символе заложен «завершенный план бытия», с которым читателю необходимо постоянно соотносить происходящее здесь и сейчас. Символ располагается над эмпирическими данными и выступает как «упорядочивающая структура», «сильная форма», относительно которой происходящее получает смысл. Художественное произведение «норму» (как должно или не должно жить), которая представлена в символе, делает динамичной, обнаруживая ее слабые или сильные стороны. Ответ относительно того, что хорошо, что плохо, может найти только сам читатель, которого художественная литература, напрягая («мучая»), заставляет мыслить. Сопряжение себя с символом открывает перед человеком возможность сделать абстрактное понятие конкретным, чувственно переживаемым и выйти к высшим смыслам и состояниям, отличным от тех, которые порождаются потоком обыденной, эмпирической жизни. Созерцая события, которые происходят в художественном мире, человек не может на них воздействовать (все случится помимо его воли), однако он может принимать эмоциональное участие в происходящем. Действием здесь становится понимание ситуации, желание, стремление обрести в этой ситуации свой смысл. Результат такого действия (действий) — изменение сознания. Понимание позволяет оказаться в новом (измененном) сознании, которое не всегда лучше (или хуже) имевшегося, но оно всегда другое, и встреча с ним — обретение нового духовного опыта, его расширение и усложнение, тем самым творение себя, расширение и усложнение своего жизненного пространства. Сопряжение себя с символом дает возможность человеку пережить собственную неповторимость и уникальность, посмотреть на самого себя «под знаком вечности» (Б. Спиноза), стать в чем-то другим.

Художественная литература — это, безусловно, наиболее яркое выражение феномена осмысления человеком своей жизни и одновременно созидания своего жизненного пространства, что происходит в процессах смыслопорождения — основы живой жизни и постижения ее глубинных оснований. Произведение искусства живо, как и человек, наличием в нем энергии, постоян-

ного движения, противоречивости, асимметрии между динамикой и статикой, временным и вечным, добром и злом, между жизнью и смертью.

В художественной литературе накоплен громадный материал, представляющий собой описание жизненных миров, этапов и кризисов их становления, деформаций и разрушений. В ней представлены психологические феномены в их включенности в реальную жизнь человека. Бытие «всего человека», представленное в поэзии, в произведениях художественного литературного творчества, заслуживает внимания науки. Постнеклассическая парадигма предполагает разрушение барьера между наукой и другими системами отношения к миру. Исследователи указывают на проблематичность введения культуры в психологию, оказавшуюся искусственно вырванной из мира культуры, и полагают, что «перспективы выживания культурно-исторической психологии в значительной степени будут определяться тем, насколько успешно она будет формироваться именно как междисциплинарная наука» [10, с. 109].

Психология сегодня активно обращается к тем областям, где говорят преимущественно метафорическим языком. Метафоры, обладая громадным энергетическим потенциалом, «создают реальность», определяют направление поисков. Наиболее эвристичной методологической установкой психологии является ее нацеленность на поиск переходов между другими системами отношения к миру [12]. Методология науки, вышедшая к постнеклассической стадии развития, легализует эмоциональную вовлеченность в познавательный процесс. В результате психология становится все более сензитивной к метафорам. Эта сензитивность увеличивается при взгляде на человека как открытую психологическую систему, когда признается, что человек в своей духовной деятельности создает, творит подлинную реальность.

Исследователю необходимо обращение к художественным текстам, которые создавались как запись опыта, т. е. были для их создателей средством осуществления собственной внутренней работы, смыслопорождения, упорядочивания хаоса. Необходимо обращение к диахронным текстам, в которых доминируют структуры трансформации, а не синхронные, в которых преобладают структуры статики; необходимо обращение к текстам, в которых конструируются, трансформируются жизненные миры литературных героев, в которых писатель выходит за пределы душевной середины, открывает духовные глубины. Необходимо обращение к подлинным произведениям художественной литературы, которые восстанавливают целостность мировосприятия, открывают возможность ощутить мир в его гармонии, возможность пережить свою причастность к нему и мирозданию в целом, дают почувствовать, что мир существует для нас, а мы — для него.

Представляется возможным, истолковывая «жизненные миры» литературных героев, выявить универсальные закономерности, присущие человеку как психологической системе. Осмысливая продукты литературного художе-

ственного творчества, следует иметь в виду, что здесь в единичном факте представлен определенный тип явлений, всеобщий принцип, сущностная закономерность, которые следует выявить, осуществляя движение от конкретного, единичного к всеобщему.

Символ как целостность, у которой нет прямого предмета, имеет множество интерпретаций. При этом он не имеет конечной, исчерпывающей интерпретации, будучи безграничным в своем содержании. Всякий текст имеет множество смыслов и способов их передачи, он создан из символов, смутных воспоминаний, ассоциаций, цитат, отсылающих к пространству жизни автора, к необъятному пространству жизни как культурного феномена. Ни один рассказ не является однозначным, ни одно высказывание, даже самое простое, не имеет единственного смысла, точного значения. «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [1, с. 373]. В силу своей множественности, смысловой неоднозначности текст всегда парадоксален, что обусловлено тотальной символической природой текста, которую невозможно до конца уловить и классифицировать. Цель исследователя в том, чтобы проникнуть в смысловую объем текста, проследить пути смыслообразования, смыслопорождения. Символ ставит бесконечные вопросы, которые не имеют конечного ответа. Символ — выражение перспективного взгляда, он, как и человек, одновременно конечен и бесконечен. В символе представлено сущностное человека — его трансцендентность, стремление выйти за рамки устоявшегося и привычного, постоянная недосказанность, незавершенность, единство прошлого и будущего в настоящем, представление о вечности и устремленность к ней.

Во встрече с символом открывается возможность приблизиться к пониманию человека. Однако как реализовать эту возможность, как избежать при интерпретации текста жизненного самоосуществления человека, редуцирования его к элементарным психическим состояниям и ситуациям? Прежде всего, необходимо помнить замечание К. Г. Юнга в адрес медицинской психологии о недостатке при ее обращении к анализу художественной литературы благоговения перед «человеческим, слишком человеческим» [11].

Объективная сложность «прочтения» жизненного мира человека как «превращенной формы» (К. Маркс, М. Мамардашвили), которая находится в процессе постоянного обновления, состоит в том, что его содержание раскрывается понятиями, за которыми стоит сверхчувственная реальность (значение, смысл, ценность). При этом понять и объяснить необходимо не эффекты, не то, что пришло в сферу сознания, а тот путь, который психическое явление проделало в своем движении в эту сферу, включая и то, откуда все начиналось. Психологу для понимания символа, вычленения, оформления психологического знания из него необходимо научиться доить «нарисованную корову», «не уходя в роман, метафизику», оставаясь в области науки (А. С. Выготский).

А. С. Выготский в подходе к произведениям искусства отказывается от традиционного *психологизма* в его трактовке [6]. Его метод в отношении к произведению искусства является объективным, аналитическим. Суть подхода в том, чтобы, обращаясь к произведению искусства, открыть действительное его значение, которое открывается только тогда, когда мы рассматриваем форму искусства по отношению к тому материалу, который она преобразует, «развоплощает», дает ему новую жизнь в содержании художественного произведения. Важно учесть и то, что перед исследователем художественное произведение, в структуре которого кристаллизовалась деятельность его творца, смыслы и ценности Мастера.

Как же добиться того, чтобы «извлечь» опыт, накопленный поэзией, художественной литературой, чтобы образ стал доступен анализу и мы могли бы распознать в нем символ и психологическое знание?

Для анализа и интерпретации литературного художественного текста требуются методы, которые выходят за пределы не только классической, но и неклассической науки, так как отличительная черта хронотопа человека — изменчивость отношений в пространстве «времени-места» — в рамках классической и неклассической психологии практически не учитывалась. Герменевтический, феноменологический, экзистенциальный подходы позволяют находиться одновременно внутри текста и в позиции «вненаходимости». Однако только с их помощью сложно (если и возможно) учесть направление развития открытой самоорганизующейся психологической системы, коей является человек.

Понимание события, его смысла, согласно М. К. Мамардашвили, становится возможным при наличии у нас некоторого «полного текста», экрана для «острашения». Речь идет о преодолении постулата непосредственности, «о восприятии, опосредствованном душой». Прорыв из причин и следствий, совершаемый посредством «полного текста», делает возможным переход с уровня наличной ситуации на уровень смыслов. Иначе говоря, чтобы уйти от феноменологии и выйти к целому, необходима объяснительная схема, которая позволяла бы понимать и объяснять психологическую реальность, выявляя общие закономерности, абстрагируясь от случайного. Через смысл происходит выход к целостному человеку с его становящимся жизненным миром. О-смысл-ение смыслов позволяет увидеть происходящие события в другом масштабе: читатель приближается к пониманию и объяснению целого, становясь свободнее, обнаруживая «феномен полного внутреннего самоопределения» (Т. М. Буякас), поступая в соответствии со своими ценностями.

«Выйти за пределы непосредственного опыта» (А. С. Выготский) в процессе о-смысления смыслов (понимания символа) представляется возможным посредством транспективного анализа, основная установка которого — становление, через которое (в котором) необходимо изучать открытые самоорганизующиеся системы [7]. Взгляд на человека как психологическую систему, откры-

тую в мир культуры, социум, природу, предполагает распространение на него универсальных принципов самоорганизации, обретающих на уровне человека свою качественную специфику.

В транспективном видении понятие «жизненный мир человека» манифестирует историю становления «собственно человеческого» в человеке, историю жизненного самоосуществления человека как субъекта своей жизнедеятельности, разворачивающейся в конкретно-историческом времени в многомерном пространстве, представляющем собой часть объективной реальности, которая «субъективно искажена» (Л.С. Выготский) присутствием в ней таких психологических образований, каковыми выступают значения, смыслы и ценности. Транспективный взгляд позволяет рассматривать процесс становления жизненного мира как проявление самоорганизации психологической системы, условие ее устойчивого функционирования. Жизненный мир как ставшее и постоянно становящееся влияет на дальнейшую жизнь человека, обеспечивая тем самым самоорганизацию психологической системы. Более поздние и зрелые образования (смыслы, ценности как проекции нереализованного) определяют масштаб экзистенциального пространства человека, наполняя смыслом прошлые события, которые в результате становятся причиной последующих поступков. Возможное будущее является запускающим, детерминирующим механизмом смены образа мира, образа жизни человека, их постоянного противоречия и тем самым становления жизненного мира. Будущее выступает в качестве того, что проявляет транспективу (становление), а также создается в ней. Хронотопически организованный жизненный мир не исключает, а предполагает его расширение, усложнение посредством выхода человека за пределы известного, за пределы себя нынешнего к себе возможному.

В логике транспективного анализа, таким образом, центрация должна происходить не на ставшем, изучение которого требует ретроспективного анализа, не на становящемся даже, а на том, чтобы ставшее и становящееся понять и осмыслить в общей динамике становления человека как открытой системы, чтобы выйти из статики состоявшегося в динамику становящегося. Следовательно, в поле анализа должно попасть то, что происходит в ценностно-смысловом пространстве героя, в многомерном пространстве его многомерной жизни.

Транспективная стратегия ориентирует, в каком направлении следует размышлять относительно исследуемого предмета, насыщает мысли о нем определенным отношением, переживанием. Она рассматривается нами в качестве основания ценностного отношения к предмету исследования, приносящего в него (исследование) «избыток видения» и «оживление» символа. Транспективная стратегия выступает для исследователя существенным элементом его выстроенного в профессиональном обучении и профессиональном опыте виртуального *субъекта-символа* (Е.Е. Сапогова), открывающего возмож-

ности более полного понимания символа, представленного в литературном художественном тексте. Вскрывая «историю осуществляемых ожиданий», осуществляя анализ в движении, читатель занимает и реализует диалогическую позицию, утверждающую «самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя» (М. М. Бахтин), способствующую также расширению, усложнению экзистенциального пространства самого читателя.

Согласно Ю. М. Лотману, художественный текст предполагает момент сотворчества. Это сотворчество основано на диалоге между символом, представленным в художественном произведении, и воспринимающим его человеком, обладающим «полным текстом» (виртуальным «субъектом-символом»), позицией. Этому тезису созвучны размышления М. М. Бахтина о сотворчестве, основанном на диалоге, согласно которому диалогические характеристики текста и его подлинная сущность всегда раскрываются «на рубеже двух сознаний двух субъектов». Здесь всегда встреча двух текстов — готового и создаваемого, реагирующего и, следовательно, встреча двух субъектов, которые выступают в роли двух авторов. Подчеркивается, что второе сознание, т. е. сознание воспринимающего, никак нельзя нейтрализовать, человеческий же поступок можно понимать как потенциальный текст в диалогическом контексте своего времени. «Встреча», по М. М. Бахтину, есть обретение личностного знания о неведомом в себе, обретение посредством открытого и безбоязненного духовного и душевного прикосновения к Другому; предъявление себя, собственно существа Другому именно как такового, и открытие Другого для меня самого как такового, постижение глубины и самоценности этого, пробуждение своего сознания чужим сознанием [1, с. 342]. «Встреча», будучи символом инициации, вводит в иные, неведомые до сих пор пространства бытия. Переживание, по М. М. Бахтину, проявляется как вживание в Другого, его страдания и категории, как моя реакция на него (слова утешения и действие помощи) и оформление, завершение страданий Другого [1, с. 25–26]. При этом со-переживание понимается не как «чистое сопереживание», «слияние с другим», а как требование сохранения своего места *вне* другого, сохранения своей, иной для Другого, творческой точки зрения, недоступной самому этому Другому с его жизненного места [1, с. 64]. Сопереживаемая жизнь оформляется не в категории «Я», не сугубо во внутреннем плане, где она может определиться, так как зачастую именно там, внутри, она разрушается, а в плане внешнем, в категории *Другого*, как жизнь *другого* человека, переживаемая вначале извне другим Ты, а затем извне уже другим Я [1, с. 74–91].

Создатель нового текста приходит к «идее в себе» через длительный процесс «всматривания» в символ, через его «разглядывание». Поиск, движение по пути частичных, снимающих себя решений (как относительных истин) имеет важное значение для развития сознания, жизненного мира человека. Этот поиск и есть открытие себя. Встреча с «идеей в себе» происходит в процессе

диалога «между бесконечными потенциальными возможностями человека и неисчерпаемым семантическим потенциалом символа. В таком диалоге осуществляется встреча незавершенного бытия символа и незавершенного бытия человека. И оба партнера этого диалога через взаимное со-бытие двигаются, каждый в направлении завершения своего бытия, конституируя себя истинного. «Истина» эта является не тем, что всегда существовало в человеке, но тем, что он, шаг за шагом, *будет еще создавать*» [4, с. 36].

Только с *живым символом* может возникнуть диалог, со-творчество, соответствие (но не тождество) как на уровне мыслей, представлений, так и на уровне переживания, целостности исследователя. Исследователь в таком диалоге, «рассматривая», осмысливая значение, занимая определенную позицию (определенный способ видения), всякий раз находится в поиске единственно возможного в данный момент ответа на вопрос о смысле. Чрезвычайно важна здесь работа переживания, в которой переживания трансформируются до их смыслового принятия: «...диалогические отношения с образом способствуют уточнению и развитию переживания, приводят к его трансформации. Эти изменения продолжаются до тех пор, пока спонтанно, без каких либо специальных внутренних усилий, «в едином акте с переживанием» не происходит его смысловое оформление (Б.М. Теплов)» [4, с. 38]. В результате происходит озарение смыслом, открытие его там, где только что его не было. Порождается смысл (как ответ) на основе переживания целостного героя и себя самого. Порождение такого смысла есть выход к герою и к себе, к познанию истины о нем и о себе; в результате происходит упорядочивание жизненного мира, открываются новые возможности, новые перспективы. Своими действиями читатель непрерывно изменяет ситуацию, в которой находится, выходит «за пределы самого себя», творя собственный жизненный мир и открывая мир героя.

В качестве инструмента реализации транспективного анализа в попытке понять символ, представленный в художественной литературе, может быть использован нарратив, который максимально чувствителен к изменчивой природе человеческой реальности. Главное требование к инструменту анализа — его адекватность предмету. Важнейшие атрибутивные характеристики нарратива — его самодостаточность и самооценность. Один из путей обретения человеком знаний о мире — объяснительная реконструкция соответствующих обстоятельств. Дж. Брунер, размышляя о нарративном анализе, отмечает: «... определенные области знания оказываются неподвластны... стандартному номотетическому подходу — особенно те области, в которые вовлечены люди в их взаимодействии, реагировании друг на друга, предвидении того, как другой отреагирует на их реакцию, как это имеет место в повседневной жизни и истории» [3, с. 10]. Для освоения этих обстоятельств необходим другой способ, цель которого «не столько доказать и проверить, сколько создать содержательное повествование, историю ... повествовательный способ больше годится

для мира человеческих отношений» [3, с. 10]. При таком подходе задача исследователя — «объяснить опыт посредством его преобразования в повествовательную структуру», найти некоторый порядок в истории, чтобы иметь возможность выявить закономерность.

Чрезвычайно важно научиться работать на стыке психологии с другими системами отношения к миру, в «зазорах» (М. К. Мамардашвили) между ними, в области неявного знания. Важно уметь, работая «в пограничных областях», вычленив и оформляя недостающее для построения связной системы психологического знания, выходить за рамки «неизбежного аналитизма» (А. Н. Леонтьев). Чтобы успешно выходить за рамки «чрезмерной феноменологии» (А. В. Юревич), работая в «зазорах», исследователь должен обладать методологической, теоретической и мотивационной готовностью к «встрече» с символом. Принципиально здесь следующее: психолог-исследователь не должен отказываться от имеющегося наследия, он должен, даже отрицая прошлое, опираться на него, учитывая при этом то, что «сама попытка научно подойти к душе... сама идея научного строения о душе содержит в себе весь будущий путь психологии» [5, с. 427–428].

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.
3. Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4.
4. Буюкас Т. М. Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии. 2002. № 2.
5. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
7. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997.
10. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Л. С. Выготский и современная культурно-историческая психология (Критический анализ книги М. Коула) // Вопросы психологии. 2000. № 2.
11. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX: трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987.
12. Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.

О ПРОБЛЕМЕ «ФОКУСНЫХ ЦВЕТОВ» В ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

.....

Е. Н. Лебедева¹

Обсуждается проблема конечного набора «фокусных цветов», отражающего «цветовое измерение» мира личности. Интегрируются исследования в области искусствоведения, психологии, физиологии, физики, математики и других наук.

Ключевые слова: феномен цвета, восприятие цвета, цветовые предпочтения, набор «фокусных цветов».

The problem of focal colours's final set is discussed reflecting "chromatic measurement" of a personality's world. Some researches in the field of art studies, psychologies, physiologies, physicists, mathematicians and others fields are integrated.

Key words: phenomenon of colour, perception of colour, colour preferences, set focal colour set.

Сегодня при создании и совершенствовании предметно-пространственной среды большое внимание уделяется эстетическим и эргономическим аспектам. Цветовое решение, принадлежащее к эстетической составляющей, должно учитываться при оценке уровня функционального комфорта как критерия эргономического совершенства технических систем, промышленных изделий, управляемых и обслуживаемых человеком, и окружающей его среды.

Если речь идет о принципах цветового решения предметно-пространственной среды, то профессионалами в данном контексте, несомненно, являются художники, дизайнеры, архитекторы и искусствоведы. Цветовые сочетания — это их рабочий инструмент, используемый в реальной практической профессиональной деятельности (а не в ходе лабораторного экспериментирования).

В то же время феномены восприятия и представления цвета, факты его воздействия на человека, обобщение огромного количества закономерностей, полученных эмпирическим путем многими поколениями художников, принадлежат к числу фундаментальных проблем психологической науки. Однако, несмотря на солидные исследовательские традиции, существование разнообраз-

¹ Лебедева Елена Николаевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры дизайна Сочинского государственного университета туризма и курортного дела (СГУ-ТиКД). Эл. почта: alenka_lebedeva@bk.ru

ных концептуальных моделей и схем, постоянно увеличивающееся количество эмпирических данных, в названной области продолжает сохраняться большое количество белых пятен, требующих своего изучения. Примером тому может служить проблема конечного набора «фокусных цветов».

По мнению П. В. Яньшина, «фокусные цвета» — это гештальтное сочетание тона, насыщенности и светлоты, с наибольшей частотой ассоциируемое испытуемым с цветоименованиями: «синий», «зеленый», «красный» и т. п. На сегодняшний день конечное количество фокусных цветов нигде не зафиксировано. Но ведь соответствие цветового образца цветоименованию имеет огромное значение для любого эксперимента, затрагивающего такой феномен, как *цвет* [11].

Цвет в большинстве отечественных (Е. В. Ковенникова, О. В. Сафуанова, Р. М. Фрумкина) и зарубежных (F. M. Adams & Ch. E. Osgood, E. P. Gelineau, K. O. Gotz) психологических подходах и теориях рассматривается как совокупность трех основных психологических характеристик, влияющих на цветоразличение, — тона, насыщенности и светлоты (яркости). Все известные модели цветоразличения строятся с учетом этих характеристик (И. Иттен, Ч. Педхэм и Ж. Сондерс, Е. Н. Соколов и Ч. А. Измайлов, А. Сивик, Г. Тонквист и др.).

Проведенный анализ психологической литературы позволяет констатировать определенную ограниченность цветового пространства, выступающего в качестве стимула в большинстве эмпирических исследований. Чаще всего изучаются отдельные цвета, наборы которых к тому же конструируются экспериментаторами произвольно и варьируют в очень широких пределах. Подобный подход к проблеме цветового пространства представляется редукционистским и элементаристским, поскольку сама логика подобных исследований игнорирует важное обстоятельство: предметно-пространственная среда реального бытия человека предстает для него как бесконечное многообразие различных цветовых оттенков (цветовых сочетаний), имеющих различные психологические характеристики (цветовой тон, светлота, насыщенность) и занимающих в пространстве отличные друг от друга площади.

Таким образом, необходимо создать набор «фокусных цветов», а на его основе — цветовые сочетания, отражающие цветовое измерение мира в реальном бытии личности, используя и интегрируя исследования в области искусствоведения, психологии, физиологии, физики, математики и других смежных наук. Цель статьи — обсудить возможности создания такого набора «фокусных цветов».

Попытки понять, что такое цвет и каково его значение, всегда выражались в стремлении каким-либо образом систематизировать цвет, создать единую систему, а на ее основе проникнуть в тайну гармоничных сочетаний. Современные дизайнеры работают с четырьмя основными группами гармоничных сочетаний цветов. Это однотонные гармоничные сочетания цветов, гармоничные соче-

тания родственных цветов, гармоничные сочетания родственно-контрастных цветов и гармоничные сочетания контрастно-дополнительных цветов.

При цветовом решении предметно-пространственной среды в хроматической гамме важно определиться с выбором одной из четырех групп гармоничных сочетаний (однотоновые гармоничные сочетания, родственные гармоничные сочетания, родственно-контрастные гармоничные сочетания, контрастно-дополнительные гармоничные сочетания), затем в выбранной одной группе выбрать необходимое сочетание цветовых тонов; определиться с выбором светлотного диапазона, соотношением светлот (идея динамики или статики) и площадью цветового пятна.

При цветовом решении предметно-пространственной среды в ахроматической гамме необходимо определиться с выбором светлотного диапазона, соотношением светлот (идея динамики или статики) и площадью цветового пятна.

Моделью хроматических цветов на сегодняшний день является 12-частный цветовой круг И. Иттена [15]. Данная методика цветового анализа и конструирования цвета открыла возможность создания большого количества гармоничных цветовых сочетаний и контроля за правильностью того или иного цветового выбора. Особо активно она стала использоваться в дизайне и, несомненно, повлияла на цветовую культуру современного телевидения, компьютерную графику и полиграфию. Ценность цветовой теории И. Иттена заключается в том, что он сумел пойти дальше изучения физических свойств цвета. По мнению И. Иттена, «концепция гармонии цветов должна отойти от области субъективных установок и обратиться к объективным принципам». Главным принципом гармонии является равновесие, или «симметрия сил» [15]. Этот принцип он заимствовал у И.В. Гёте, который, экспериментируя с последовательным и одновременным контрастом, пришел к системе цветов, расположенных в круге по законам «противоцвета». В связи с этим И. Иттен обращается не к анализу субъективных мнений, а к анализу «физиологических феноменов». В доказательство своего принципа он, в частности, указывает на склонность чистых хроматических цветов «сдвигать» друг друга в сторону дополнительных цветов (оба эффекта — явления одновременного контраста); на появление дополнительного цвета при длительной фиксации взгляда на определенном цвете (последовательный контраст); на то, что аддитивное смешение цветов (т.е. цветовых лучей на экране) дает белый цвет, а субтрактивное (смешение пигментов) — серый. Таким образом, «человеческий глаз удовлетворяется равновесием, только когда установлено комплиментарное отношение» [15]. Следствием явилось расположение двенадцати цветов в круге так, чтобы напротив друг друга находились дополнительные цвета, т.е. такие, смешение которых дает серый цвет. Этот круг аналогичен тому, который был предложен из тех же соображений И.В. Гете.

Физик Б. Т. Румфорд первым опубликовал в 1797 г. свою гипотезу о том, что цвета гармоничны в том случае, если их смесь дает белый цвет [15]. Физиологу Эвальду Герингу принадлежит следующее замечание: «Среднему или нейтральному серому цвету соответствует то состояние оптической субстанции, в котором диссимилиация — расход сил, затраченных на восприятие цвета, и ассимиляция — их восстановление — уравновешены» [15]. Можно получить один и тот же серый цвет из черного и белого или из двух дополнительных цветов в том случае, если в их состав входят три основных цвета — желтый, красный и синий в надлежащей пропорции. Наличие именно этой общей цветовой связки стабилизирует работу зрительного анализатора, что в свою очередь составляет нейрофизиологическую предпосылку возникновения при восприятии цвета впечатления гармоничного равновесия. Два или более цвета гармоничны, если их смесь представляет собой нейтральный серый цвет. Все другие цветовые сочетания, которые не дают нам серого цвета, по своему характеру становятся экспрессивными или дисгармоничными. Основной принцип гармонии исходит из обусловленного физиологией закона дополнительных цветов.

В цветовом конструкторе И. Иттена все двенадцать цветов имеют различные цветовые тона (желтый, желто-оранжевый, оранжевый, красно-оранжевый, красный, пурпурный, фиолетовый, сине-фиолетовый, синий, сине-зеленый, зеленый, желто-зеленый), различные светлоты (полюс самого светлого — желтый, полюс самого темного — фиолетовый) и одинаковую насыщенность (все максимально насыщенные, или так называемые спектральные). Каждый указанный цветовой тон имеет определенные координаты, но нет учета разницы в светлотах, которую установил И. Иттен для цветового круга. Следовательно, необходимы некоторые поправки. Нужно знать, какая светлота будет для каждого максимально насыщенного цвета. На этот вопрос в свое время ответил И. В. Гёте (для своего 6-частного цветового круга) и позже его последователь И. Иттен (но уже для своего 12-частного цветового круга) [15]. Итак, степень светлоты каждого цветового тона, представленного в цветовом круге, будет следующей (приводятся баллы степени светлоты по 12-ступенной ахроматической шкале):

- 1) желтый — 3 (насыщенный желтый, соответствует третьей ступени ахроматического ряда по светлоте);
- 2) желто-оранжевый — 3,5;
- 3) оранжевый — 4;
- 4) красно-оранжевый — 5;
- 5) красный — 6;
- 6) красно-фиолетовый — 7;
- 7) фиолетовый — 9;
- 8) сине-фиолетовый — 8,5;

- 9) синий — 8;
- 10) сине-зеленый — 7;
- 11) зеленый — 6;
- 12) желто-зеленый — 4,5.

Учитывая указанные значения, можно представить 12-частный цветовой конструктор И. Иттена в цветовых координатах всех 12 цветов.

Инструмент систематизации и квантификации цветовых сочетаний интересен в силу двух его особенностей. Во-первых, он содержит некий довольно широкий набор цветовых сочетаний, выступающих в качестве «единиц» сознания и мышления субъекта, воспринимающего, оценивающего и преобразующего цветовые характеристики своего предметно-пространственного окружения. Во-вторых, в нем отражен инвариантный набор действий, осознанно или неосознанно реализуемых человеком при организации цветовых аспектов предметно-пространственной среды его существования.

Что дает данный цветовой конструктор для исследователя? Во-первых, он содержит основные цветовые тона (желтый, красный, синий, зеленый) и минимальное количество переходных тонов, улавливаемых глазом. Что не менее важно, любой цветовой тон в цветовом круге представлен в максимальной насыщенности, а как показали многие исследования, при константном цветовом тоне наблюдается увеличение «аффективной ценности» цвета с увеличением яркости, насыщенности либо того и другого. Во-вторых, для каждого из 12-тонов существует ряд разбелов и затемнений, включающий белый, черный и все промежуточные между ними оттенки одного тона, каждый из которых отличается только светлотой. Для исследований данное указание существенно сужает огромную область цветовых оттенков. Принимая во внимание доказательства Е. В. Ковенниковой, А. Сивик, П. В. Янышина о фундаментальности взаимосвязи тона и светлоты для предпочтения цвета, цветовой конструктор И. Иттена можно представить в качестве эвристичной основы для создания компактного и приближенного к реальному цветовому пространству повседневного бытия личности набора «фокусных цветов», что вносит существенный вклад в разработку такой области, как личностная регуляция восприятия и эмоциональная оценка сложных цветовых стимулов. Содержание этого вклада выражается в создании на основе интеграции положений субъектного и деятельностного подходов концептуальных предпосылок и операциональных средств систематического психологического изучения феноменологии, закономерностей и механизмов восприятия человеком цвета в условиях взаимодействия с предметно-пространственным окружением в контексте решения личностно и социально значимых жизненных задач.

С практической точки зрения открываются новые возможности для совершенствования инструментария цветовой психодиагностики, решения объяс-

нительных и прогностических практических психологических задач, связанных с оценкой особенностей самосознания, стиля межличностного отношения и типологических характеристик субъекта на основе его эмоционального реагирования на определенные цветовые сочетания; для совершенствования психологического сопровождения профессиональной подготовки и профессиональной деятельности специалистов, осуществляющих цветовые решения, в психологии рекламы и дизайна, повышения цветоведческой компетентности специалистов, профессионально работающих с цветом (художники, дизайнеры, эргономисты и др.), в развитии и становлении такого направления, как эргоди-зайн в предметно-пространственной среде.

Библиографический список

1. Гете И. В. Учение о цветах // Лихтенштадт В. О. Гете. Пб.: Госиздат, 1920.
2. Измайлов Ч. А., Волков И. И. Взаимосвязь между эмоциями и цветом // Труды НИИ Гражданской авиации: Авиационная эргономика и подготовка летного состава. М.: НИИ ГА, 1983. Вып. 220.
3. Ковенникова Е. В. Эстетическая значимость цвета: автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 1982.
4. Лебедева Е. Н. Личностная обусловленность предпочтений цветовых сочетаний (на примере профессии дизайнера): дис.... канд. психол. наук. Краснодар, 2010.
5. Педхэм Ч., Сондерс Ж. Восприятие Света и Цвета. М.: Мир, 1978.
6. Сафуанова О. В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис.... канд. психол. наук. М., 1994.
7. Сивик Л. Цветовое значение и измерения восприятия цвета: исследование цветовых образцов // Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993.
8. Соколов Е. Н. Векторный код и субъективное цветовое различие // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 5.
9. Тонквист Т. Аспекты цвета. Что они значат и как могут быть использованы // Проблема цвета в психологии. М.: Наука, 1993.
10. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
11. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006.
12. Adams F. M. A cross-cultural study of the affective meanings of color // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1973. Vol. 4.
13. Gelineau E. P. A psychometrical approach to measurement of color preference // Perceptual and Motor Skills. 1981. Vol. 53 (1).
14. Gotz K. O. Color preferences of art students: Surface colors // Perceptual and Motor Skills. 1974. Vol. 2.
15. Itten J. The Elements of Color. New York: Van Nostrand Reinhold, 1970.

СООТНОШЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРАЗЕ Я ЛИЧНОСТИ

.....

Т. П. Харьковская¹

Рассматривается вопрос о соотношении семейных и профессиональных ролей в образе Я личности. Исследование профессиональных и семейных представлений проведено с целью интегрировать уже существующие взгляды в психологии на процессы профессионального и семейного самоопределения личности. Затрагиваются также вопросы практики, в частности, профессионального консультирования мужчин и женщин. Выяснено, что профессиональные и семейные представления, будучи структурной составляющей самоопределения личности, изменяются в процессе профессионализации и различаются у мужчин и женщин.

Ключевые слова: образ Я личности, самоопределение личности, профессиональные представления личности, семейные представления личности.

The author studies the rate of professional and family roles in personal self-image. The research was made to integrate the actual views on the process of professional and family-role self-identity. It also involves a practical item such as professional counseling of men and women. It has been found that professional and family images is a structural part of personal identity, they can be changed in the process of professionalization and differ from men to women.

Key words: personal self-image, personal self-identity, professional images, family images, professional and family roles in personal self-image.

Актуальность исследования профессиональных и семейных представлений продиктована необходимостью интегрировать уже существующие взгляды в психологии на процессы профессионального и семейного самоопределения личности. Данное исследование затрагивает также вопросы практики, в частности, профессионального консультирования мужчин и женщин, отчасти следуя тенденции к преодолению расщепления практической и исследовательской психологии [13].

В качестве системной смысловой категории, формирующейся в процессе личностного самоопределения, может выступать представление о себе как о се-

¹ Харьковская Татьяна Петровна – аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл.почта: _tanya._@mail.ru

мьянине [3; 7]. В нем отражаются значимые ценности, определяемые самой личностью или являющиеся внешне заданными, а также выработанные способы ролевого поведения.

Профессиональные представления о занятости, карьере, профессиональном успехе, профессиональной самореализации отражают процесс самоопределения и позволяют выявлять его эффективность [4; 9].

Профессиональные и семейные представления исследовались современными авторами в отдельных профессиональных группах и с различными акцентами. Рассматривались феномен профессиональной деформации [12], самоактуализация личности в профессии и семье [10], этапы профессионализации, влияние карьерной успешности супругов на семейные отношения.

Характер согласованности семейных и профессиональных представлений — предмет изучения многих исследователей [3; 8]. Профессиональная и семейная сфера представляют собой то бытийное пространство, в котором личность находится непрерывно в процессе жизни и жизнедеятельности. В данной статье особый акцент делается на содержании семейных и профессиональных представлений и предпочитаемых стратегий поведения личности в конфликтных ситуациях, возникающих в семейной и профессиональной сферах.

Для исследований нами были привлечены сотрудники структуры МВД и сотрудники сферы образования.

Нами была выдвинута следующая *гипотеза*: содержание профессиональных и семейных представлений изменяется в процессе профессионализации и различается у мужчин и женщин.

Для изучения содержания профессиональных и семейных представлений сотрудников структуры МВД и сотрудников сферы образования, работающих и обучающихся данным профессиям, и для подтверждения выдвинутой гипотезы, мы использовали модифицированную методику самоотношения Т. Лири (образы Я-профессионал и Я-семьянин) и метод неоконченных предложений для качественного анализа профессиональных и семейных представлений.

В исследовании приняли участие 132 чел. Из них 61 — мужчины, 71 — женщины. Сотрудники структуры МВД: работающие — 29, курсанты — 31. Сотрудники сферы образования: учителя — 30, студенты — 42.

Когнитивно-содержательный анализ профессиональных и семейных представлений личности

Анализ профессиональных и семейных представлений проводился на основе данных табл. 1, 2.

Интерпретируя полученные данные, мы приходим к выводу, что мужчины, работающие в структуре МВД, различают представление о себе как профессионале и семьянине. Образ Я-профессионал характеризуется такими чертами,

Таблица 1

Средние значения характеристик образа Я-профессионал в четырех исследуемых группах сотрудников структуры МВД и сферы образования

Группа	Пол (м — мужчины, ж — женщины)	Доминантность	Уверенность в себе	Требовательность	Скептицизм	Уступчивость	Доверчивость	Добросердечие	Отзывчивость
Работающие в структуре МВД	м	5,1	5,5	4,8	2,5	0,9	0,8	2,5	1,1
Работающие педагоги	м	2,8	3,9	2,6	2,1	2,1	1,5	2,4	1,2
Учащиеся в структуре МВД	м	10,6	7,3	6,8	4,3	3,2	3,8	7	6,9
Учащиеся-педагоги	м	6	5,5	4,6	2,8	1,7	1,8	2,8	3,3
Работающие в структуре МВД	ж	5,2	3,9	3,5	2,4	2,8	3,2	3,9	3,2
Работающие педагоги	ж	3,6	2,5	3,2	1,5	2	2,4	3,3	2,7
Учащиеся в структуре МВД	ж	6,5	5,3	3,8	1,9	1,9	2,2	3,4	3,4
Учащиеся-педагоги	ж	6,6	3,6	3,1	1,7	2	1,6	3,5	3

Таблица 2

Средние значения характеристик образа Я-семьянин в четырех исследуемых группах сотрудников структуры МВД и сферы образования

Группа	Пол (м — мужчины, ж — женщины)	Доминантность	Уверенность в себе	Требовательность	Скептицизм	Уступчивость	Доверчивость	Добросердечие	Отзывчивость
Работающие в структуре МВД	м	2,5	3,2	2,8	2,1	2,1	1,8	3	3,1
Работающие педагоги	м	2,4	2,6	3,4	2,2	1,1	2,2	2,7	3,3
Учащиеся в структуре МВД	м	11	8,1	7,4	5	3,4	4,6	7	7,2
Учащиеся-педагоги	м	5	4	3	2	2,1	2	3,4	3,9
Работающие в структуре МВД	ж	3,4	2,4	3,5	1,9	3,4	3,8	5,2	5,7
Работающие педагоги	ж	2,1	1,7	2,8	1,8	2,5	2,5	3,9	4,1
Учащиеся в структуре МВД	ж	5,6	3,3	4,6	2,9	3,8	3,4	4,3	4,6
Учащиеся-педагоги	ж	3,5	2,5	3,1	2,3	2,2	2,3	4,3	5,0

как доминантность, уверенность в себе, склонность к соперничеству, требовательность, настойчивость и энергичность. Образ Я-семьянин наполнен другими характеристиками: уверенность в себе, дружелюбие, способность к компромиссу, способность к проявлению заботы и сострадания. Мужчины-педагоги предъявляют идентичный образ Я-семьянин, при этом более скупое описывают себя как профессионала: уверенность в себе, склонность к соперничеству, без признаков эгоцентризма.

Работающие в МВД женщины, подобно мужчинам, различают образы Я-профессионал и Я-семьянин. Образ Я-профессионал — это уверенная в себе, с ярко выраженными лидерскими чертами, но проявляющая дружелюбие и эмпатию. Я-семьянин — образчик типично женских качеств: добросердечие, отзывчивость, способность к проявлению заботы и сострадания, в то время как Г. Ю. Фоменко в своем исследовании указывает на отсутствие истинно женских черт в образе идеальной женщины у сотрудниц структуры МВД. Женщины-учителя практически не различают представления о себе как о профессионале и семьянине. Этот интегрированный образ выглядит противоречиво: доминантная и дружелюбная учительница, с одной стороны, и требовательная, настойчивая и в то же время проявляющая сострадание, заботящаяся и стремящаяся к компромиссу во всем мать и жена — с другой. Такое смешение представлений ведет к развитию внутриличностных конфликтов, о которых в свое время говорила еще Карэн Хорни, описывая типы невротических нарушений в работе. К. Хорни приводит пример невротических проявлений у женщин: «Женщина считает, что должна быть совершенной хозяйкой, женой и матерью; еще она должна быть лучше всех одета, заседать во всех комитетах, приложить руку к политике и стать великой писательницей». Интересен тот факт, что у курсантов, как юношей, так и девушек, представление о себе как о профессионале и семьянине слито в единый образ и идентично: с лидерскими чертами, уверенный в себе, энергичный, требовательный, а также дружелюбный и в некоторой степени способный к сотрудничеству и к проявлению заботы. Так, для девушек-курсантов скорее всего характерен вариант ролевого конфликта, о котором говорит Г. Ю. Фоменко, когда наблюдается механический перенос «рабочих» качеств в сферу семейных отношений [12]. Существенное различие в том, что уверенность в себе у юношей-курсантов в их образе Я-семьянин выступает ведущим показателем, а у девушек такая черта отсутствует. Для студентов педагогической специальности характерно различие самоописаний. Юноши стереотипно наделяют лидерскими чертами образ профессионала, а к образу Я-семьянин помимо доминантных характеристик добавляют добросердечие и отзывчивость. У девушек представления также стереотипны. Я-профессионал — доминантная, уверенная в себе, но дружелюбная и способная к компромиссу. Я-семьянин — только способная проявлять заботу и сострадание, стремящаяся к компромиссу и проявляющая эмпатию.

Таким образом, для мужчин содержание представлений скорее связано с их мужской ролью, что согласуется с их профессиональной ролью. Для женщин-педагогов, также ведущей является их женская роль, но согласующаяся с их «превосходным» началом профессиональной роли. У женщин, работающих в структуре МВД, сочетание женской и профессиональной роли носит более сглаженный характер. У студентов обеих профессиональных групп преобладают стереотипные представления о традиционных гендерных профессиональных представлениях.

Аффективно-содержательный анализ о себе как профессионале и семьянине

В данном исследовании была обозначена структура семейных и профессиональных представлений через исследование рефлексивного образа Я: личностное отношение, восприятие, чувства и поведение.

Респондентам предлагался ряд предложений, которые нужно закончить, исходя из своих представлений о семье и профессии.

Интерпретируя данные с помощью контент-анализа, мы выделили критерии оценки личностного отношения к образу Я-профессионал и Я-семьянин. В качестве методологического основания мы ориентировались на теорию отношений Мясищева и выделили такие компоненты: когнитивный, аффективный, поведенческий и добавили рефлексивный как обобщающий.

Как показало исследование, мужчины двух профессиональных групп по-разному определяют стиль отношений в профессии: для мужчин, работающих в структуре МВД, это вертикальные, иерархические связи, а для педагогов — горизонтальные. В данном контексте негативные чувства адресованы у сотрудников МВД к начальству, а у сотрудников сферы образования к коллегам. Итак, когнитивный компонент содержит строгую фиксацию профессиональных отношений и разделяемую ценность стиля управления (командное управление для МВД, т. е. административно-авторитарный стиль, и меня не ценят для педагогов, т. е. демократический, где основной принцип — ценность сотрудника).

Аффективный компонент мы рассматриваем по способу решения проблем. Мужчины — сотрудники структур МВД выбирают аффективно-агрессивный способ и по большому счету не решают проблему, педагоги же рациональны, выбирают конструктивно-целевой способ и направляют усилия не на агрессию, а на поиски пути решения проблемы.

Поведенческий компонент раскрывается следующим образом. Для мужчин, работающих в структуре МВД, основной является стратегия конформизма, они ведут себя «как все»; для мужчин-педагогов — стратегия поддержания статуса,

т. е. важно сохранять позитивный образ, поэтому они себя ведут «учтиво, спокойно, как интеллигенты».

Четко видны изменения в когнитивном представлении о ценности профессии: для студентов обеих профессий важны личная жизнь и тесные межличностные отношения, в то время как для работающих профессионалов эта ценность уже не актуальна.

Семейные представления мужчин являются в некоторой степени продолжением профессиональных установок и образов. Мужчины двух возрастных и профессиональных групп расценивают тип своих семейных отношений скорее как горизонтальные. Но взаимодействуют мужчины — сотрудники структур МВД по принципам патриархатно-равноправных отношений (недовольство, возникает, только когда жена не выполняет своих обязанностей), а мужчины-преподаватели — по принципу патриархатно-конкурентных отношений (недовольства возникают, когда жена берет в свои руки управление отношениями).

В когнитивных представлениях о семье у мужчин не существует четких критериев семейного конфликта (разногласия, спор), ввиду такой размытости и недифференцированности не представляется возможным выявить способы разрешения таких ситуаций. Но через аффективные реакции на конфликт можно определить меру принятия ответственности за данную ситуацию. Мужчины, работающие в структуре МВД, такую ответственность на себя не берут («раздражение, дискомфорт»), а педагоги признают свою ответственность («чувство вины»). Возрастная особенность проявляется в способе реагирования на конфликтную ситуацию: работающие мужчины хотят «уйти или замыкаются в себе», а студенты и курсанты «ищут способы решения».

Оценивая рефлексивно-поведенческий компонент, мы делаем вывод о том, что все мужчины ведут себя в семье «хорошо и отлично», но выявлены и некоторые особенности: работающие мужчины — сотрудники структур МВД характеризуют свое поведение как «мачо + тиран», а преподаватели — как «второй номер». Курсанты выделяют характеристику «любящий муж и отец», а студенты — «дремлющий лев». На наш взгляд, это характерные изменения представлений: интересен механизм превращения *любящего мужа и отца* в *мачо + тиран*, и *дремлющего льва* во *второй номер*.

Женщины также проявляют особенности профессиональных и семейных представлений в зависимости от профессиональной принадлежности.

Так, исходя из представленных результатов, мы говорим о том, что когнитивный компонент профессиональных представлений женщин, занятых в разных профессиональных структурах, в меньшей степени различается, чем у мужчин. Доминирующий стиль профессиональных отношений — горизонтальный. Видимо, женщины в структуре МВД занимают руководящие посты гораздо реже, чем мужчины, поэтому их представления о стиле отношений

во многом схожи с представлениями женщин-учителей. Различия наблюдаются в декларируемых ценностях: для женщин-сотрудниц структур МВД важны «перспективы роста карьеры и заработная плата», а для женщин-учителей — чтобы «не указывали на недостатки некомпетентные в данном вопросе люди». То есть выбор стиля управления очевиден (авторитарно-административный и демократический). Это позволяет нам говорить об универсальных профессиональных представлениях, так как на примере мужской выборки складывалась идентичная картина. Размыты представления о конфликте в профессиональной среде: для женщин — сотрудниц структур МВД это оскорбления и замечания, а для педагогов — непонимание.

Аффективный компонент раскрывается через описание способов реагирования на конфликт. Женщины, работающие в структуре МВД, как и женщины-учителя, чувствуют раздражение и злость, но выбирают разные способы разрешения возникающих в профессиональной среде конфликтов. Женщины-сотрудницы структур МВД предпочитают переживать (неловкость, напряжение, досаду), женщины-педагоги — ищут пути выхода, т.е. так же, как и мужчины данных профессиональных групп.

Поведенческий компонент раскрывает особенности отношения к профессии. Женщины, работающие в структуре МВД, ведут себя «ответственно и добросовестно», а педагоги — «соответственно служебному положению». Так, можно предполагать, что у женщин двух профессиональных групп разные карьерные ценности: для женщин, работающих в структуре МВД, характерна ориентация на профессиональную компетентность, а для женщин-учителей — ориентация на служение. Также различаются способы поведения. Более уверены в своем положении женщины — сотрудницы структур МВД (уверенно, спокойно, свободно), тогда как у учителей виден некий «задор» (энергично, реализовывая себя).

Семейные представления женщин тоже имеют свои особенности. В структуре когнитивного компонента у всех женщин существует такая характеристика, как неприязнь измен и предательства (ложь, предательство, измены). Но для женщин, работающих в структуре МВД, важен показатель бытовой приспособленности мужа (не знает, где лежат его вещи, не замечает наличия или отсутствия еды и др.). Женщины-учителя знают, что муж не должен их унижать тем, что семейные обязанности разделены неравномерно, т.е. очень четкая ориентация на независимость и равноправие, но в то же время наблюдается острая потребность в единении и близости (невозможно, когда «муж в другом городе» или «засыпать и просыпаться одной»). Существуют и возрастные особенности: взрослые женщины не переносят, когда их «игнорируют и не советуются с ними», а студентки — «когда муж командует». У женщин, как и у мужчин, размыты представления о конфликте (нет взаимопонимания, повышение голоса и грубые обиды).

Соответственно, и аффективный компонент невозможно дифференцировать по профессиональной или возрастной принадлежности. Женщины чувствуют «вину, досаду и боль» в момент конфликта в семье, но женщины, работающие в структуре МВД, не решают проблему, а переживают ее (жалость к себе, угнетение, желание выпить), а учителя помимо переживания (растерянность, одиночество) ищут выход из такой ситуации.

Поведенческий компонент выглядит просто женским — «любящая жена и мать». Интересны возрастные особенности. Работающие женщины — сотрудницы структур МВД могут вести себя по-разному в семье: «доброжелательно» или «замкнуто, как на поле боя», а женщины-учителя — как «заботливая, но ранимая женщина». Девушки-студентки предполагают, что нужно быть такой, «чтобы муж гордился», или просто быть «как друг и жена».

Полученные с помощью контент-анализа данные мы рассматривали по трем полярным критериям: социальный контекст — контекст Я; жизненно обоснованные — жизненно необоснованные; конкретность — размытость.

Таким образом, мы выяснили, что образы семьи и профессии у мужчин двух возрастных групп и различной профессиональной принадлежности более социальны, в то время как образы женщин ярко личностно окрашены (рефлексивны). Образы работающих представителей обеих профессий более жизненно обоснованы, чем образы студентов. В общем более конкретные представления о семье и профессии у женщин, нежели у мужчин (женщины испытывают агрессивные чувства в конфликтной ситуации в профессиональной среде и глубоко переживают конфликты в семье), мужчины же используют универсальные способы реагирования на конфликты. Интересен тот факт, что у работающих респондентов образ семьи более пассивен, чем у студентов и курсантов.

Исследование позволило нам сделать ряд выводов.

1. Мужчины обеих профессиональных групп разделяют образы Я-профессионал и Я-семьянин. Содержание их представлений связано скорее с их мужской ролью и согласуется с их профессиональной ролью.
2. Семейные и профессиональные образы мужчин — сотрудников структур МВД и сотрудников сферы образования значимо различны.
3. Профессиональные и семейные представления женщин двух профессиональных групп различаются слабо и являются «чисто женскими» с некоторыми специфическими различиями.
4. У студентов обеих профессиональных групп стереотипные представления о традиционно гендерных и профессиональных особенностях.
5. Образы семьи и профессии у мужчин более социальны, а у женщин ярко личностно окрашены (рефлексивны).
6. У работающих респондентов семейные и профессиональные образы более пассивны, чем у студентов.

Мы выяснили, что профессиональные и семейные представления являются структурной составляющей самоопределения личности. Часто эти представления слабо интегрированы и абстрактны. В нашем исследовании среди тех, кто нуждается в большей психологической поддержке, оказались студенты и курсанты, а также женщины, занятые в сфере образования.

В качестве практических рекомендаций можно предложить следующие:

- внедрять в систему образовательных учреждений обязательные тренинги профессионального самоопределения, конструирования жизненных и карьерных планов;
- проводить антикризисные мероприятия для работающих профессионалов (по различной тематике в зависимости от профессиональной принадлежности);
- в процессе индивидуального консультирования по вопросам профессионального и семейного самоопределения учитывать профессиональные и возрастные особенности клиента.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Наука, 2002.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2005.
4. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3.
5. Заев С.В. Гендерный аспект семейных ожиданий студентов // Личность и бытие: субъектный подход: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КубГУ, 2004.
6. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 6.
7. Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб.: Питер, 1998.
8. Климов Е.А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4.
9. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: АCADEMIA, 2004.
10. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: КубГУ, 2006.
11. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: КубГУ, 1995.
12. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях. Краснодар: КубГУ, 2006.
13. Фоменко Г.Ю. Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 3.
14. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. 2-е изд. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2000.

ОСОЗНАННАЯ СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ УЧЕБНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ИХ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

.....

А. С. Некрасов¹

Приведены результаты исследований осознания старшими школьниками собственной учебной компетентности (N=216). Показано, что важным психическим новообразованием субъектности старшего школьника является осознанная учебная компетентность, влияющая на его профессиональное самоопределение; выделены уровни осознания старшими школьниками профиля обучения в школе и выбора будущей профессии.

Ключевые слова: учебная компетентность, личностное самоопределение старшего школьника, психические новообразования.

In the article you could find the results of research about (N=216). It is shown that an important psychological subjectivity neoplasm older students is conscious competence learning, influences on his professional self-determination; marked levels of awareness by older students in school profile and choosing a future profession.

Keywords: academic competence, self-identity of young people, mental neoplasms.

Важным элементом системы образования является система среднего образования, завершение обучения в которой ставит старшего школьника перед выбором направления получения профессионального образования, завершает формирование и становление его учебной субъектности. Под воздействием модернизации социальных процессов изменяются основы обучения старших школьников: приоритетная задача обучения посредством передачи школьнику определенного объема знаний, умений и навыков, трансформируется и дополняется необходимостью осознания школьником собственной учебной компетентности, способностей решать учебные задачи для осмысленного самоопределения в будущей профессиональной деятельности. Как следствие, выявление особенностей осознания школьником собственной обретенной учебной компетентности становится актуальной задачей педагогической психологии, общей психологии и психологии личности.

¹ Некрасов Алексей Сергеевич – заместитель директора департамента образования муниципального образования город Краснодар. Эл.почта: n_edu@krd.ru

В педагогической психологии исследования основных психических новообразований обучающихся рассматривается в аспектах возрастных периодизаций развития личности, роли обучения для развития школьника, психологии саморазвития подростков и осознания ими собственных способностей решать учебные задачи, осознанного выбора старшими школьниками будущей специальности и т.д. [2, 3, 4, 5]. Вместе с тем исследований, посвященных выявлению личностных особенностей осознания старшими школьниками собственной учебной компетентности в педагогической психологии относительно немного.

Стратегия модернизации образования предполагает, что в основу обновления содержания образования положены «ключевые компетенции», которые становятся основной целью современной отечественной школы (А.Л. Андреев, В.А. Болотов, И.А. Зимняя, О.Е. Лебедев, А.Г. Каспржак, К.И. Поливанова, Б.И. Хасан и др.), вошел в педагогическую практику единый государственный экзамен (ЕГЭ), процедура которого диктует старшему школьнику необходимость выбора учебных предметов, и, соответственно, учебных задач [1]. Динамичное изменение образовательной среды для старшего школьника создает существенные трудности для самореализации личности старшего школьника.

Таким образом, противоречие между объективной необходимостью обеспечения условий для самоопределения старшего школьника в рамках компетентностного подхода к модернизации системы образования и сложившимся в психологии пониманием особенностей осознания старшим школьником собственного потенциала и вариантов его самоопределения, отсутствие теоретического обобщения разноплановых подходов к исследованию особенностей осознания старшим школьником собственной учебной компетентности позволяют высказать предположение о том, что важным психическим новообразованием субъектности старшего школьника является осознанная учебная компетентность, проявляющаяся:

- в осознании собственных способностей решать конкретные учебные задачи по профилю обучения в школе;
- в осознании ориентиров на получение специальности профессионального образования.

Для поиска эмпирических фактов, подтверждающих это предположение, были разработаны и прошли первичную проверку методики исследования: частично структурированное интервью «Мое ближайшее будущее и близкие мне люди», тест «Личностные ориентиры старшеклассника». Проведены опросы учащихся старших классов восьми школ г. Краснодара. Объем выборки — 216 респондентов. Из них, 29,6% из классов с гуманитарным профилем, 19,9% из классов с естественнонаучным профилем, 50,5% из класса с обычным профилем. Распределение учащихся по профилям обучения в выборке приблизительно соответствует распределению по профилям обучения в г. Краснодаре. Проведем описание, полученных эмпирических фактов.

Анализ ответов на вопросы о самостоятельности выбора профиля обучения в школе позволил классифицировать выборку по уровням самостоятельности выбора профиля обучения. В группу с высоким уровнем самостоятельности (23,7%) попали респонденты, которым не нужны были чьи-либо советы в выборе профиля обучения в школе. В группу со средним уровнем самостоятельности (5,6%) попали респонденты, которые самостоятельно выбрали профиль обучения, советуясь при этом с родителями и значимыми Другими. В группу с низким уровнем самостоятельности (67,1%) в выборе попали респонденты, многие из которых руководствовались советами родителей и (или) значимых Других.

Учитывая, что в группе со средним уровнем самостоятельности доля респондентов небольшая (0,056), группы с высоким и со средним уровнем были объединены для дальнейшего анализа. Получили две группы респондентов, различающиеся уровнем осмысленности выбора профиля обучения в школе: осмысленный самостоятельный выбор профиля обучения в школе (группа 1); осознанный необходимостью выбора профиля обучения в школе, и принятый под влиянием родителей и значимых Других (группа 2).

Специфические особенности выявленных уровней осмысленности выбора профиля обучения в школе получены с помощью теста «Личностные ориентиры старшеклассника», позволившие выделить особенности осознания собственной учебной компетентности, отношения к способностям решать учебные задачи.

Анализируя ответы на вопросы теста «Личностные ориентиры старшеклассника», получены распределения ответов респондентов двух групп на вопросы об осознании собственных способностей решать учебные задачи (табл. 1).

Таким образом, отличительными особенностями многих старших школьников, осуществивших самостоятельный выбор профиля обучения в школе (группа 1), являются то, что они считают себя успешными и самостоятельными в решении выбранных учебных задач, для них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. Тогда как, школьники с несамостоятельным выбором профиля (группа 2), часто боятся ошибиться в решении учебных задач, порой не могут самостоятельно справиться с их решением, хотя для большинства из них (88%) важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. То есть, осознание собственных способностей решать учебные задачи, собственной учебной компетентности имеет связь с осознанностью выбора школьником профиля обучения в школе, что свидетельствует об индивидуальных особенностях уровня выраженности осознания собственной учебной компетентности.

Распределение респондентов, обучающихся в классах с различным профилем обучения, с разным уровнем самостоятельности выбора профиля обучения в школе представлен в табл. 2.

В классах с гуманитарным профилем обучения, доля школьников, осуществивших самостоятельный выбор профиля обучения в школе (23%), статисти-

Таблица 1

Процент утвердительных вариантов ответов на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	77%	88%	0,05
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	71%	45%	0,01
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	81%	64%	0,01

Таблица 2

Распределение респондентов, обучающихся в классах с разным профилем, с разным уровнем самостоятельности выбора профиля, %

Профиль класса	Группа 1	Группа 2
Обычный	35,7	64,3
Математический и естественнонаучный	39,5	60,5
Гуманитарный	23,4	76,4

чески значимо ниже ($p < 0,05$, ϕ -критерий Фишера), чем в классах с обычным профилем обучения (36%) и в классах с математическим и естественнонаучным профилем обучения (40%). То есть, выбор школьником гуманитарного профиля обучения больше обусловлен советами родителей и значимых Других, чем осмысленностью выбора самим школьником, что свидетельствует об индивидуальных особенностях уровня выраженности осознания собственной учебной компетентности.

Анализируя ответы на вопросы теста «Личностные ориентиры старшеклассника», получены распределения ответов респондентов двух групп на вопросы об осознании собственных способностей решать учебные задачи, (табл. 3, 4, 5).

Таким образом, отличительными особенностями многих старших школьников, осуществивших самостоятельный выбор обычного профиля обучения в школе (группа 1), являются то, что они считают себя успешными и самостоятельными в решении выбранных учебных задач, для них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. Тогда как, школьники с несамостоятельным выбором профиля (группа 2), часто боятся ошибиться в решении учебных задач, порой не могут самостоятельно справиться с их решением, хотя для большинства из них (83%) важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. То есть, осознание собственных способностей решать учебные задачи, собствен-

Таблица 3

Процент утвердительных вариантов ответов на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения, обучающихся в классах с обычным профилем

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	74%	83%	—
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	85%	51%	0,01
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	85%	44%	0,01

Таблица 4

Процент утвердительных вариантов ответов на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения, обучающихся в классах с математическим и естественнонаучным профилем

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	81%	85%	—
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	56%	37%	—
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	81%	81%	—

ной учебной компетентности у школьников из классов с обычным профилем, имеет связь с осознанностью выбора школьником профиля обучения в школе.

Таким образом, многие старшие школьники, осуществившие самостоятельный выбор математического и естественнонаучного профиля обучения в школе независимо от самостоятельности выбора, считают себя самостоятельными в решении выбранных учебных задач, для них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. Однако, часть из них боятся ошибиться в решении учебных задач.

Таким образом, отличительными особенностями многих старших школьников, осуществивших самостоятельный выбор гуманитарного профиля обучения в школе (группа 1), являются то, что они считают себя успешными и самостоятельными в решении выбранных учебных задач, для них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам. Тогда как, школьники с несамостоятельным выбором профиля (группа 2), часто боятся ошибиться в решении учебных

Таблица 5

Процент утвердительных вариантов ответов на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения, обучающихся в классах с гуманитарным профилем

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	87%	47%	0,01
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	53%	20%	0,01
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	80%	45%	0,01

задач, порой не могут самостоятельно справиться с их решением, для них неважны высокие оценки по выбранным учебным предметам. То есть, осознание собственных способностей решать учебные задачи, собственной учебной компетентности имеет связь с осознанностью выбора школьником гуманитарного профиля обучения в школе.

Таким образом, получены подтверждения индивидуальных особенностей (отношения к собственным способностям решать учебные задачи) уровня выраженности осознания собственной учебной компетентности старшими школьниками.

Половые особенности респондентов, различающихся уровнем осознанности выбора профиля обучения в школе, представлен в табл. 6, 7.

Таким образом, отношение к высоким оценкам по учебным предметам является отличительными особенностями девушек, осуществившие самостоятельный выбор профиля обучения в школе, менее значимое, чем для девушек, руководствовавшихся в выборе профиля родителями и значимыми Другими.

Таким образом, отношение собственным ошибкам в решении учебных задач является отличительными особенностями юношей, осуществившие самостоятельный выбор профиля обучения в школе, более значимое, чем для юношей, руководствовавшихся в выборе профиля родителями и значимыми Другими.

Анализ ответов на вопросы о выборе будущей профессии показал, что подавляющее большинство (92%) респондентов после окончания школы намереваются продолжать обучение в вузе. Анализ ответов на вопросы о самостоятельности выбора профиля обучения в школе позволил классифицировать выборку по уровням осознанности выбора специальности обучения в вузе (рисунок).

Выделились три группы респондентов, различающиеся уровнем осознанности старшим школьниками выбора будущей профессии, и соответственно, будущей вузовской специальности.

Таблица 6

Процент утвердительных вариантов ответов девушек на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения.

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	73%	95%	0,01
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	49%	41%	—
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	68%	60%	—

Таблица 7

Процент утвердительных вариантов ответов юношей на вопросы о собственных способностях решать учебные задачи респондентов, различающихся уровнем самостоятельности выбора профиля обучения.

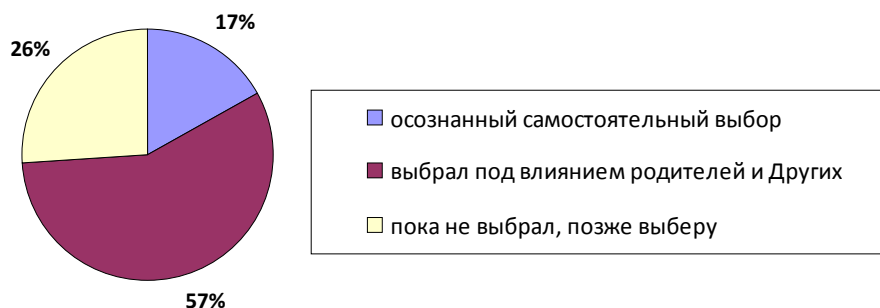
Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Для меня важны высокие оценки по выбранным учебным предметам	71%	83%	—
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	82%	58%	0,01
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	82%	78%	—

Первый уровень осознанности характеризуется осмысленным самостоятельным выбором будущей вузовской специальности (группа А). Второй уровень осознанности характеризуется осознанным выбором будущей вузовской специальности, осуществленный под влиянием родителей и значимых Других (группа В). Третий уровень осознанности характеризуется осмысленным пониманием сложности выбора будущей вузовской специальности, и отложенным выбором ее на ближайшее будущее (группа С).

Специфические особенности выявленных уровней осознанности выбора будущей вузовской специальности, получены с помощью теста «Личностные ориентиры старшеклассника», позволившие выделить особенности осознания собственной учебной компетентности.

Анализируя ответы на вопросы теста «Личностные ориентиры старшеклассника», получены распределения ответов респондентов выделенных трех групп на вопросы об осознании выбора будущей профессии (табл. 8).

Таким образом, около половины школьников информацию о вузовских специальностях получают на «днях открытых дверей» в вузах, для них важно полу-

Распределение ответов старших школьников на вопрос о выборе специальности обучения в вузе

Таблица 8

Процент утвердительных вариантов ответов на вопросы об осознании выбора будущей профессии респондентов, различающихся уровнем осознанности выбора будущей вузовской специальности

Вариант ответа на вопрос	Группа			Уровень значимости		
	А	В	С	А и В	А и С	В и С
Я посещал «дни открытых дверей» в вузе	50%	43%	44%	—	—	—
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	25%	28%	42%	—	0,05	0,05
Я хорошо представляю свое профессиональное будущее	72%	70%	51%	—	0,05	0,01

чить непосредственное представления об условиях обучения, среде получения будущей специальности, содержании обучения и особенностях профессии.

Отличительными особенностями многих старших школьников, осуществивших выбор вузовской специальности (группа А и группа В), являются то, что они осознают сложности самостоятельной подготовки к поступлению в вуз. Скорее всего, прибегают к услугам репетиторов или занимаются на подготовительных курсах. Многие из них считают, что хорошо представляют Я хорошо представляю свое профессиональное будущее.

Тогда как, школьники с отложенным выбором будущей профессии (группа С), самостоятельно готовятся к поступлению в вуз, только половина из них имеют представления о своем профессиональном будущем.

То есть, осознание собственной учебной компетентности имеет связь с осознанностью выбора школьником будущей профессии, что свидетельствует об индивидуальных особенностях уровня выраженности ориентиров на получение специальности профессионального образования.

Таблица 9

Процент утвердительных вариантов ответов девушек на вопросы об осознании выбора будущей профессии респондентов, различающихся уровнем осознанности выбора будущей вузовской специальности

Вариант ответа на вопрос	Группа			Уровень значимости		
	А	В	С	А и В	А и С	В и С
Я посещал «дни открытых дверей» в вузе	61%	50%	52%	—	—	—
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	22%	21%	17%	—	—	—
Я хорошо представляю свое профессиональное будущее	74%	70%	45%	—	0,05	0,01

Таблица 10

Процент утвердительных вариантов ответов юношей на вопросы об осознании выбора будущей профессии респондентов, различающихся уровнем осознанности выбора будущей вузовской специальности

Вариант ответа на вопрос	Группа			Уровень значимости		
	А	В	С	А и В	А и С	В и С
Я посещал «дни открытых дверей» в вузе	31%	32%	36%	—	—	—
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	31%	34%	68%	—	0,05	0,01
Я хорошо представляю свое профессиональное будущее	69%	66%	57%	—	—	—

Половые особенности респондентов, различающихся уровнем осознанности выбора будущей вузовской специальности представлен в таблице 9, 10.

Таким образом, более половины девушек информацию о вузовских специальностях получают на «днях открытых дверей» в вузах, для них важно получить непосредственное представления об условиях обучения, среде получения будущей специальности, содержании обучения и особенностях профессии. Большинство девушек осознают сложности самостоятельной подготовки к поступлению в вуз. Скорее всего, прибегают к услугам репетиторов или занимаются на подготовительных курсах.

Отличительными особенностями многих девушек, осуществивших выбор вузовской специальности (группа А и группа В), являются то, что они считают, что хорошо представляют свое профессиональное будущее.

Тогда как, многие девушки с отложенным выбором будущей профессии (группа С), считают, что имеют слабые представления о своем профессиональном будущем.

То есть, осознание собственной учебной компетентности имеет связь с осознанностью выбора девушками будущей профессии, что свидетельствует об индивидуальных особенностях уровня выраженности ориентиров на получение специальности профессионального образования.

Таким образом, около большинство юношей информацию о вузовских специальностях получают из различных информационных источников, а около трети на «днях открытых дверей» в вузах. Большинство юношей хорошо представляют свое профессиональное будущее.

Отличительными особенностями многих юношей, осуществивших выбор вузовской специальности (группа А и группа В), являются то, что они осознают сложности самостоятельной подготовки к поступлению в вуз. Скорее всего, прибегают к услугам репетиторов или занимаются на подготовительных курсах. Тогда как, многие юноши с отложенным выбором будущей профессии (группа С), считают, что смогут самостоятельно подготовиться к поступлению в вуз.

То есть, осознание собственной учебной компетентности имеет связь с осознанностью выбора юношами будущей профессии, что свидетельствует об индивидуальных особенностях уровня выраженности ориентиров на получение специальности профессионального образования.

Выделим, что различия респондентов группы 1 и группы 2, в осознании собственной учебной компетентности отмечены по ответам на вопросы: «Как часто вы ошибаетесь в решении учебных задач?», «Способны ли вы самостоятельно справиться с решением учебных задач?». Для групп А, В, С на вопрос: «Способны ли вы самостоятельно подготовиться к поступлению в вуз?».

Классификация респондентов по двум основаниям (выбор профиля обучения в школе и выбор будущей профессии) представлена в табл. 11.

Видно, что наибольший удельный вес имеет группа В2, и значимое различие в группах А, В, С долей респондентов группы 1 и группы 2.

Сопоставим результаты ответов респондентов на вопросы об осознании собственной учебной компетентности отдельно по группам А, В, С (табл. 12,13,14).

Таким образом, по осознанию собственной учебной компетентности респонденты группы А1 и группы А2 статистически значимо не отличаются. То есть, уровень осознания собственной учебной компетентности в группах А1 и А2 приблизительно одинаковый. Следовательно, с учетом того, что большинство респондентов составляют респонденты группы А1 (67%), можно объединить для дальнейшего анализа респондентов двух групп А1 и А2 в одну группу А. Характерными особенностями респондентов группы А является осознанный самостоятельный выбор будущей вузовской специальности. Выбор профиля обучения в школе для большинства из них связан с выбором будущей вузовской специальности, скорее всего, для них состоялся осмысленный выбор будущей профессии.

Таблица 11

Процент респондентов в выборке, классифицированной по выбору профиля обучения в школе (группы 1 и 2) и выбор будущей профессии (группы А, В, С)

Группы	Группа А	Группа В	Группа С
Группа 1	11,1%	13,4%	8,3%
Группа 2	5,6%	43,5%	18,1%

Таблица 12

Процент утвердительных вариантов ответов респондентов группы А на вопросы об осознании собственной учебной компетентности

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	79%	67%	—
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	88%	75%	—
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	25%	25%	—

Таблица 13

Процент утвердительных вариантов ответов респондентов группы В на вопросы об осознании собственной учебной компетентности

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	66%	38%	0,01
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	69%	52%	0,05
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	40%	24%	0,05

Таким образом, по осознанию собственной учебной компетентности респонденты группы В1 и группы В2 статистически значимо отличаются по осознанию собственных способностей решать учебные задачи, собственной учебной компетентности.

Характерными особенностями респондентов группы В1 является осознанный самостоятельный выбор профиля обучения в школе и вынужденный выбор (под влиянием родителей и значимых Других) будущей вузовской специальности.

Таблица 14

Процент утвердительных вариантов ответов респондентов группы С на вопросы об осознании собственной учебной компетентности

Вариант ответа на вопрос	Группа 1	Группа 2	Уровень
Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач	67%	56%	—
Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач	84%	64%	—
Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз	44%	41%	—

Характерными особенностями респондентов группы В2 является вынужденный (под влиянием родителей и значимых Других) выбор как профиля обучения в школе, так будущей вузовской специальности

Таким образом, по осознанию собственной учебной компетентности респонденты группы С1 и группы С2 статистически значимо не отличаются.

То есть, уровень осознания собственной учебной компетентности в группах С1 и С2 приблизительно одинаковый. Следовательно, с учетом того, что большинство респондентов составляют респонденты группы С2 (68%), можно объединить для дальнейшего анализа респондентов двух групп С1 и С2 в одну группу С. Характерными особенностями респондентов группы С является вынужденный (под влиянием родителей и значимых Других) выбор как профиля обучения в школе и отложенный выбор будущей вузовской специальности. Скорее всего, для большинства респондентов группы С характерен отложенный на потом выбор будущей профессии и ориентиров на получение профессионального образования.

Сделаем некоторые обобщения.

Общепсихологическими особенностями старших школьников является то, что для многих из них важны высокие оценки по выбранным учебным предметам.

Сочетание уровня осознания профиля обучения в школе и будущей вузовской специальности, согласованные с самооценкой собственных способностей старших школьников решать учебные задачи, позволяет выделить основные уровни осознания ими учебной компетентности:

— с осознанными ориентирами на получение профессионального образования (рабочее название «Самоопределившиеся») — 16,7% выборки;

— с осознанным выбором профиля обучения в школе и вынужденным выбором (под влиянием родителей и значимых Других) будущей вузовской специальности (рабочее название «Предопределенные») — 13,4% выборки;

— с вынужденным (под влиянием родителей и значимых Других) выбором профиля обучения и будущей вузовской специальности (рабочее название «Конвенционные») — 43,5% выборки;

— с отложенным принятием ориентиров на получение профессионального образования (рабочее название «Сомневающиеся») — 26,4% выборки.

Отличительными особенностями осознания учебной компетентности старших школьников, входящих в группу «Самоопределившиеся», является то, что многие из них считают: «Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач», «Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач», «Я самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз».

Отличительными особенностями осознания учебной компетентности старших школьников, входящих в группу «Предопределенные», является то, что многие из них считают: «Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач», «Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач», «Я занимаюсь на курсах (с репетитором), чтобы подготовиться в вуз».

Отличительными особенностями осознания учебной компетентности старших школьников, входящих в группу «Конвенционные», является то, что многие из них считают: «Я часто боюсь ошибиться в решении учебных задач», «Я не самостоятельно готовлюсь к поступлению в вуз».

Отличительными особенностями осознания учебной компетентности старших школьников, входящих в группу «Сомневающиеся», является то, что одни из них считают, что «Я редко боюсь ошибиться в решении учебных задач», «Я редко самостоятельно справляюсь с решением учебных задач», «Я пока не выбрал, в какой вуз буду поступать». Другие: «Я часто боюсь ошибиться в решении учебных задач», «Я часто самостоятельно справляюсь с решением учебных задач», «Я пока не выбрал, чем буду заниматься после школы».

Библиографический список

1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма образования // Высшее образование сегодня, 2003, № 5.
2. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.
3. Куликова Т. И. К проблеме развития субъектности в условиях образовательной среды // Личность и бытие: субъектный подход/Материалы научной конференции, посвященной 75-летию А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
4. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: «Академия», 2000.
5. Селиванов В. В. Онтогенез психического как развитие субъекта // Личность и бытие: субъектный подход/Материалы научной конференции, посвященной 75-летию А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В СОВМЕСТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЗРОСЛОГО И РЕБЁНКА

.....

Е. В. Пчелинцева¹

Статья посвящена проблеме изучения преодоления последствий насилия над детьми в процессе творческих видов деятельности, вовлечения детей в совместную со взрослыми продуктивную деятельность. Анализ психолого-педагогических исследований раскрывает этапы коррекционной развивающей работы педагога с детьми, пережившими насилие.

Ключевые слова: феномен преодоления последствий насилия, помощь и поддержка детей, этапы коррекционной, развивающей работы с детьми.

The article considers the problem of institutionalization of representative government / business relations at a level of a big Russian city. The research is based on the materials of political processes in the city of Perm (1990 – 2000s). The author concludes that in the evolution of relations between these entities dominates their political party form.

Keywords: representative government, business, urban political regime, deputies.

Современный этап развития нашего общества характеризуется коренными преобразованиями в различных сферах общественной жизни. Так, в экономической сфере наблюдается резкое падение уровня жизни подавляющей части населения и неуверенность в завтрашнем дне. В социальной сфере общество постепенно утрачивает основные общественно значимые ценности, а в психологической области знаний все чаще вызывает тревогу тот факт, что воспитываемый многие годы инфантилизм, нежелание принимать важные решения, брать ответственность на себя, зависимость от других приводит к эмоционально-личностному разрушению. В политической жизни общества, в педагогической сфере влияния отмечается незаинтересованность общества и государства в вопросах нравственного воспитания подрастающего поколения, формирование его морали и нравственных принципов. На этом фоне в особом внимании и поддержке нуждаются дети, пострадавшие от психотрав-

¹ Пчелинцева Евгения Владимировна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования Института развития образования Ивановской области, г. Иваново. Эл.почта: Ksenn1@yandex.ru.

мирующих ситуаций. Поэтому специалистам социономических профессий необходимо осваивать разнообразные высокоэффективные методы и инновационные технологии диагностики и экспресс-коррекции психоэмоциональных переживаний. В данном контексте ресурсы творческой деятельности издавна вызывают научно-практический интерес [1, с. 97].

Основополагающими для решения проблемы преодоления последствий насилия являются фундаментальные исследования Л. С. Выготского, А. А. Катаевой, В. И. Лубовского, Е. С. Слепович и других, свидетельствующие о том, что для развития компенсаторных механизмов, помогающих ребенку преодолеть последствия насилия, необходимо организовать продуктивную творческую деятельность. Занятия рисованием, моделирование конфликта художественными средствами помогают актуализировать и исследовать собственное поведение в состоянии стресса, осознать чувства, переживания, отношение к конфликту и его исходу. Это в конечном итоге облегчает эмоциональную боль, позволяя если не разрешить, то, по крайней мере, взглянуть на травмирующую ситуацию по-новому, изменить к ней отношение. Доказано также, что раскрытие символических значений содействует восстановлению психического равновесия и гармонизации эмоционально-чувственной сферы личности.

Ребенок, переживший всякого рода насилие, отражает на бумаге собственное видение жизненных коллизий сообразно своей индивидуальности, ассоциативным связям, прошлому опыту, установкам, убеждениям. Осознание и изменение отношения к актуальным и прошедшим событиям, принятие ответственности за собственную жизнь побуждает к поиску «ресурсного образа» — своеобразного маркера прогресса в терапевтической работе.

Рассматривая в своих исследованиях последствия насилия, пережитого ребенком, многие ученые отмечали, что сенситивным периодом для развития творчества, в течение которого данная деятельность проявляется особенно интенсивно, если ей способствует среда, являются первые пять лет жизни ребенка. Уточняя и корректируя правила деятельности педагога в контексте оказания помощи детям, пережившим насилие, следует обратиться к нормам педагогической компетентности взаимоотношений взрослого с ребенком.

К ним относятся:

- любовь к ребенку, безусловное принятие его как личности, душевная теплота, отзывчивость, умение видеть, слышать, сопереживать, терпимость и терпение;
- приверженность к диалоговым формам общения с детьми, умение слушать, слышать;
- уважение достоинства и доверие, вера в миссию каждого ребенка, понимание его интересов, ожиданий и устремлений;

— признание права ребенка на свободу поступка, выбора самовыражения.

Главным постулатом данных концептуальных положений выступает тезис о том, что ведущим средством преодоления последствий насилия является совместная творческая деятельность взрослого (педагога) с ребенком. «Творческая продуктивная деятельность ребенка дошкольного возраста, по глубокому убеждению А. Н. Зиминной, без мотивации, определения иерархии мотивов деятельности невозможно» [3, с. 21]. «Педагог может и должен оказать поддержку ребенку в преодолении последствий насилия путем проектирования травмирующей ситуации в определенной культурно-событийной среде. Поэтому основная задача воспитателей — создание культурной среды развития ребенка, способствующей развитию способностей — умственных, художественных, коммуникативных, являющихся, в свою очередь, основанием для способности выплеснуть наружу свои эмоции, переживания, находя выход из неопределенной ситуации» [4, с. 21].

«Организация культурной среды предполагает установление доверительных взаимоотношений взрослого (педагога, родителя) с ребенком, организацию продуктивного сотрудничества родителей с ребенком в творческой игре, атрибутами которой могут быть произведения культурного творчества, включенные в содержание моделирующей взрослым травмирующей ситуации ребенка» [3, с. 48]. Вовлечение детей в процесс художественного творчества, включающего не только рисование, лепку, аппликацию, но и ознакомление дошкольников с произведениями искусств, сочинение сказок, способствует «проживанию» травмирующей ситуации, помогающей ребенку выразить свои переживания, чувства, настроение, а также позволяющей моделировать ситуацию, в которой ребенок учится строить свою деятельность и отношения, соотнося их с имеющимися условиями, своими интересами и интересами других людей.

Анализ психолого-педагогических исследований позволяет определить следующие этапы коррекционной развивающей работы педагога с детьми, пережившими насилие.

Первым этапом следует считать установление эмоционально доверительных взаимоотношений взрослого с ребенком. Начальным звеном в проектировании последовательности ситуаций является предоставление ребенку права выбора игрушки, от лица которой взрослый моделирует его деятельность, устанавливая доверительные взаимоотношения. Так, например, проблемно-поисковая ситуация «Давай познакомимся» помогает ребенку вспомнить и проиграть уже известные способы знакомства, проявить инициативу, самостоятельность при встрече с другой игрушкой, выбранной педагогом. Очень важно на данном этапе педагогу, оказывающему помощь в преодолении последствий насилия, понять не только причину травмирующей ситуации, но и скорректи-

ровать содержание ситуации, позволяющей ребенку вынести травмирующие переживания вовне, освободиться от переизбытка эмоций и чувств.

Следующий этап работы — организация режиссерских игр, включающих проблемно-поисковые ситуации. При этом взрослый, предоставляя ребенку свободу выбора игрушек, игровых материалов, разыгрывает проблемно-поисковые ситуации, помогая ребенку включиться в ролевую игру. Так, начиная игру-занятие, взрослый не обязывает и не принуждает детей к работе, а обращает их внимание на выбранную ими игрушку или изобразительные материалы, аксессуары для игровой ситуации, предлагает и комментирует цели для будущей работы. Следует предложить и разъяснить детям использование нескольких дополняющих сюжет игрушек, предметов или дать разные материалы для реализации одной цели, что обеспечивает выбор по интересам и возможностям. «Воспитатель включается в деятельность наравне с детьми: принимая для себя цель, которую он хотел бы предложить детям, сам начинает действовать, становится живым образцом организации целенаправленной деятельности. Он не инструктирует и не контролирует детей, но обсуждает замыслы, анализирует вместе с ними предметы, игрушки» [5, с. 45].

Содержание ситуаций, спроектированных взрослым, созвучно чувствам, настроению ребенка. «Участие ребенка в разрешении проблемно-поисковой ситуации предполагает постепенный переход от репродуктивной к творческой деятельности, как в активном участии в сфере эмоционального восприятия художественных произведений искусств, так и репродукции их результатов в игре» [6, с. 27].

«При этом педагог может начать с сочинения сказочной истории, где участвуют выбранные ребенком игрушки, каждый раз привлекая его к продолжению сказочного сюжета, используя разнообразные средства художественной выразительности (украсить игрушки, сделав их «волшебными», используя абстрактные игрушки в магической функции «волшебных» игрушек, а также для замещения любого недостающего для игры предмета, персонажа)» [7, с. 180].

Педагог, помогая разыгрывать сюжет с выбранной ребенком игрушкой, проектируя проблемно-поисковые ситуации, решает следующие задачи:

- 1) помочь ребенку раскрыть его страхи, внутренние конфликты посредством проигрывания травматических ситуаций;
- 2) сделать игру с куклами отражением реальной жизни ребенка;
- 3) помочь ребенку идентифицироваться с куклой;
- 4) создать атмосферу поддержки и доверия, совместного сотрудничества, хотя вначале ребенок может принимать поддержку скорее от игрушки, нежели от взрослого.

Педагог помогает ребенку рассказать о ней, ответить на вопросы: чем нравится игрушка, кто ее подарил, как зовут игрушку, как можно с ней играть.

Рассказывая сказочную историю об игрушках, как понравившихся, так и не привлекающих внимания ребенка, педагог вводит в сюжет сказочной истории проблемно-поисковую ситуацию «Игрушки поссорились». Обращаясь к ребенку с просьбой помочь игрушкам помириться, педагог предлагает для разрешения конфликтной ситуации «ссоры игрушек» различные варианты выхода из нее. Организуя совместную с ребенком игровую творческую деятельность, взрослый каждый раз озвучивает действия игрушек, подсказывает, как выйти из создавшейся ситуации, предлагая несколько вариантов выхода, например:

- произнести волшебные слова, заклинание, которое придает силы в борьбе с врагом;
- выбрать или меч булатный, или шпагу, или палочку-выручалочку, которые помогут одолеть врага;
- приготовить волшебный напиток для врагов, который сделает их миролюбивыми.

Педагог посредством игры помогает ребенку выразить свои чувства и переживания; проиграть, т. е. вновь пережить и, следовательно, отработать травматическую ситуацию насилия; наконец, проявить себя в безопасной, комфортной обстановке, «выплеснуть наружу эмоции, чувства, настроения, предлагая возможность проиграть, пережить, осознать конфликтную ситуацию».

Совместная продуктивная творческая деятельность взрослого с ребенком способствует высвобождению чувств раздражения, гнева, обиды, вины, стыда. Терапевтические отношения со специалистом создают атмосферу психологической защищенности и облегчают осознание смыслов визуальных образов. Это в свою очередь способствует пониманию и постепенному преодолению собственных внутриспсихических конфликтов. Вот почему арт-терапевтические техники, несомненно, эффективны в исследовании и преодолении кризисных ситуаций (острый стресс, конфликты, первичная и вторичная психотравмы), а также в качестве скорой психологической помощи и поддержки, в развитии устойчивости и сопротивляемости личности [1, с. 197].

В целом данная форма психологической помощи средствами спонтанного художественного творчества обладает ресурсным потенциалом в направлении к духовной экзистенции человека.

Критериями для оценки позитивной динамики на данном этапе метода являются следующие изменения:

- ребенок выражает уверенность, стремление, желание исследовать варианты разрешения проблемно-поисковых ситуаций, на каждом следующем занятии выглядит более спокойным и расслабленным;

- ребенок становится более уверенным в себе;
- ребенок проявляет активность в общении, может обобщить, что происходило на занятиях и чему он научился;
- взаимодействие ребенка с родителями становится более позитивным;
- ребенок открыто обсуждает свои проблемы и тревоги.

Таким образом, из приведенных рассуждений видно, что преодоление последствий насилия над ребенком возможно при реализации гуманистической идеологии путем установления доверительных, уважительных субъект-субъектных взаимоотношений между ребенком и родителями, взрослыми, для чего необходимо сформировать и поддерживать в детях систему ценностей на основе добра, красоты, любви, истины, справедливости и милосердия. В детском возрасте ценности и ценностные ориентации формируются на неосознаваемом уровне. Поэтому, вовлекая детей в творчески-продуктивные виды деятельности, предоставляющие ребенку возможность творческой реализации замысла, свободного выбора изобразительных средств, сюжетной линии, цветовой гаммы, образов, взрослые создают «безопасное пространство» преодоления последствий насилия над детьми.

Библиографический список

1. *Выготский А. С.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 3.
2. *Демакова И. Д.* Гуманизация пространства детства: теория и практика. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2003.
3. *Зими́на А. Н.* Метод творческих заданий: тематический сб. ст. М.: МГПИ, 1978.
4. *Непомнящая Н. И.* Становление личности ребенка 6–7 лет. М.: Педагогика, 1992.
5. *Пистоногова А.* Творческое задание // Дошкольное воспитание. 2000. № 4.
6. *Урунтаева Г. А., Афонькина Ю. А.* Практикум по детской психологии. М.: Просвещение; Владос, 1995.
7. *Фельдштейн Д. И.* Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1985. № 6.
8. *Чумичева Р. М.* Социокультурная пространственно-предметная среда развития ребенка // Ребенок в мире культуры. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1998.

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И МЕСТНОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕРМИ)

А. П. Фадеева¹

В статье рассматривается проблема институционализации отношений между представительной властью и бизнесом на уровне крупного российского города. Исследование построено на материалах политических процессов в г. Пермь (1990-е — 2000-е гг.). Автор приходит к выводу, что в процессе эволюции отношений этих субъектов доминирующей становится их партийно-политическая форма.

Ключевые слова: представительная власть, бизнес, городской политический режим, депутаты.

The paper considers the institutionalization problem of representative government and business relations in a big Russian city. The research is based on the materials of political processes in Perm (1990–2000s). The author concludes that in the evolution of relations between these entities dominant party-political form.

Key words: representative government, business, urban political regime, the deputies.

Институционализация отношений бизнеса, власти и организаций гражданского общества является одной из ключевых проблем российской политической науки [15]. Эта проблематика исследуется как на общефедеральном [16], так и на региональном уровне. Пермскими исследователями изучены механизмы взаимодействия политических и бизнес-элит [2–4; 13; 14], выявлены элементы институционального и социально-экономического порядка, способствовавшие трансформации и консолидации политического режима в Пермской области. Однако по мере того, как в период президентства В. В. Путина прилагались усилия по проведению реформы власти и выстраиванию властной вертикали, ситуация менялась. «Изменение правил постепенно привело к резкому сужению разнообразия регионального политического и публичного пространства», — отмечает А. Е. Чирикова [21, с. 94]. Концепт региональных политических режимов стал утрачивать свою актуальность. Реалии сегодняшнего дня более адекватно отражает, на наш взгляд постановка вопроса о политическом режиме в регионе.

¹ Фадеева Анастасия Павловна – аспирант Института мировой экономики и международных отношений РАН. Эл. почта: roberta-hilton@mail.ru

Релевантным для анализа характера политического взаимодействия власти и бизнеса остается концепт городских режимов [6; 9]. В. Г. Ледеяев объясняет его значимость так: «Функционирование региональных и городских политических систем может касаться деятельности больших групп людей, влиятельных организаций и институтов, а степень вариативности властных практик в социальных общностях дает широкий диапазон для теоретических обобщений» [9]. Он обращает внимание на то обстоятельство, что благодаря развитию этого концепта и использованию его аналитического инструментария формулировка базовой стратегии исследования власти стала более емкой: «Кто правит, где (в каких общностях), когда (при каких условиях) и с какими результатами?» [9]. Вызовам современной политической науки наиболее адекватно развитие концепта городского политического режима, понимаемого как коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью.

Как указывает Н. В. Борисова, концепт городских политических режимов «представляет собой способ объяснения взаимоотношений между публичным и частным сектором в городах, городских районах и округах» [6, с. 6]. Она рассматривает возможности применения данной теории для анализа политического процесса, отмечая, что российская политическая наука делает в этом отношении первые шаги. В. Я. Гельман и О. В. Бычкова предлагают типологизацию городских режимов, исходя из принципов взаимодействия власти и бизнеса, и выделяют четыре вида таких режимов: «государство-хищник», «взаимные заложники», «политика невмешательства», «захват государства» [7].

Интересно, что, когда исследователи говорят о конкретных случаях, в их оценках заметны существенные расхождения. Так, согласно методике и выводам В. Я. Гельмана и О. В. Бычковой, Пермь представляет собой случай «государства-захватчика», в котором сильная власть доминирует над разобщенным бизнесом. По мнению же Н. В. Борисовой, для Перми характерен «плюрализм политических и экономических акторов в городе, недостижимость для них монополизации власти и ресурсов и, как следствие, их тяготение к созданию коалиций» [5].

Представляется, что анализ взаимодействия власти и бизнеса на местном (городском) уровне целесообразно начинать с характеристики организации форм их взаимодействия. В этом плане плодотворный подход предложен С. П. Перегудовым, выделяющим три основные формы такого взаимодействия: формально-договорную, неформальную и партийно-политическую [16, с. 255]. Цель данной статьи — рассмотреть один из компонентов городского политического режима, а именно: формы взаимодействия бизнеса и представительной власти (городской думы) в городе Перми, столице субъекта Федерации. Здесь в полной мере сосредоточены интересы локальных, региональных и отчасти федеральных бизнес-групп, город представляет собой агломерацию с силь-

ным экономическим потенциалом и миллионным населением. Бизнес в городе и регионе диверсифицирован и разобщен, но назвать его на этом основании слабым было бы несправедливо. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1994 по 2010 г., т. е. четыре созыва городской думы.

При анализе взаимодействия бизнеса и власти нужно учитывать три компонента: собственно сам факт присутствия бизнеса в той или иной форме в представительных органах власти, объем этого бизнеса и степень его заинтересованности в решении проблем на муниципальном уровне и, наконец, формы взаимодействия бизнеса и местной власти.

Городская дума как арена борьбы за политические ресурсы

Присутствие бизнеса в Пермской городской думе объективно обусловлено финансовой затратностью самого выборного процесса, заставляющей кандидатов привлекать ресурсы бизнес-структур. Однако осознанная необходимость участия частного бизнеса в процессе формирования органов власти, особенно представительной, появляется под влиянием различных факторов, и среди них узко понимаемые бизнес-интересы не всегда играют ведущую роль.

В качестве примера можно привести состав городской думы г. Перми первого созыва (1994 г.), в котором представители еще только формирующегося частного капитала получили шесть депутатских мест из четырнадцати. Наиболее яркие представители этой группы — Ю.П. Трутнев, С.Р. Леви, А.Я. Бесфамильный — уже тогда рассматривали свой бизнес как инструмент создания политического ресурса для продвижения на лидирующие позиции в политике региона, а возможно, и всей России. При этом для представителей бизнеса в абсолютном большинстве случаев при любом первоначальном посыле основной мотивацией в итоге становится прямой либо опосредованный доступ к процессам управления ресурсами конкретной территории с целью извлечения выгоды.

Указанная мотивация при формировании депутатского состава городской думы возрастала от созыва к созыву, во-первых, увеличивая количественное представительство бизнеса, а во-вторых, формируя депутатские группы, представляющие интересы конкретных замкнутых на городскую инфраструктуру бизнес-групп. Динамику представительства бизнеса в городской думе можно проиллюстрировать следующей статистикой: в первом созыве (1994–1996 гг.), как уже упоминалось, бизнес представляли 6 депутатов из 14, что составило 42% состава думы, во втором созыве (1996–2000 гг.) — 13 из 24, или 54%, в третьем созыве (2000–2006 гг.) — 14 из 24, или 58%, в четвертом созыве (2006–2011 гг.) — 26 из 36, или 72%, а в сегодняшнем составе пятого созыва их уже 33 из 36, или 81%. (Приведенный расчет может содержать некоторую погрешность, вызванную тем, что часть депутатов формально не связаны с бизнесом, однако при подсчете они учитывались как его представители, поскольку при-

бежали к финансовой помощи конкретных бизнес-структур в период предвыборных кампаний и лоббировали в дальнейшем их интересы. Число таких депутатов не превышает 1–3 в зависимости от созыва и поэтому общую динамику существенно не искажает.) Таким образом, опираясь на приведенные цифры, можно с большой долей уверенности утверждать, что факт присутствия бизнеса в Пермской городской думе имеет место и его представительство от созыва к созыву расширяется.

Чтобы оценить степень сплоченности или разобщенности бизнеса в рамках складывавшегося городского режима, целесообразно рассмотреть вопрос о том, какие именно бизнес-группы были представлены в Пермской городской думе в составе разных созывов и какие задачи они решали либо пытались решать. Обратившись к истории создания Пермской городской думы, надо отметить, что она мало чем отличалась от подобных органов представительной власти в иных регионах. Органы местного самоуправления формировались в начале 1990-х гг. по всей России. Целью их создания провозглашалось реальное самоуправление на уровне городов и районов с разделением полномочий между представительной и исполнительной властью. Надо полагать, что представление об этих процессах у первых депутатов было весьма приблизительным. Уже упомянутый А. Я. Бесфамильный говорил: «Никто понятия не имел, что это такое, при этом было полное ощущение, что мы все знаем» [22]. Естественно, при таких обстоятельствах представительство бизнеса в думе первого созыва было в значительной степени стихийным и не преследовало четко выраженных интересов, которые можно было бы однозначно свести к материальной выгоде.

Говоря о составе городской думы второго созыва, следует отметить, что фактор стихийности практически не играл роли в процессе ее формирования. Обобщая оценки пермской прессы, можно сказать, что к тому времени роль и значение думы в жизни города стали очевидны многим экономически и политически активным пермякам, и за 24 депутатских мандата возникла настоящая конкуренция, в том числе за пост председателя думы. В думе второго созыва уже присутствовали три депутата, представлявшие бизнес федерального уровня, для которых мотивация защиты бизнеса фактически не имела значения. Они олицетворяли социальную составляющую в деятельности крупного бизнеса, неустанно демонстрируя заботу о простых жителях города. Именно в таком ключе один из них, А. М. Шмаков, подводил итоги своей депутатской деятельности в 2000 г.: «В депутатской работе нет мелочей, но своей главной обязанностью считаю оказание адресной помощи своим избирателям. За годы моего депутатства удалось создать актив микрорайона... мы провели несколько благотворительных акций по сбору одежды и вещей для малообеспеченных... успешно занимались организацией досуга населения...» [10, с. 8]. На наш взгляд, не следует считать это высказывание исключительно популистским

или рекламным ходом. С.П. Перегудов и И.С. Семененко справедливо отмечают, что компания «Лукойл-Пермь» руководствовалась разнообразными мотивами, включая морально-этические и стратегические, «связанные с местом и ролью компании в общественно-политической жизни» [15, с. 363].

Для остальных десяти, представлявших малый и средний бизнес, возможность защитить его, используя депутатский ресурс, конечно же, имела значение, но и среди них можно назвать как минимум четверых, для которых приоритетом была потребность реализовать себя во власти. Это в первую очередь В.А. Сухих, избранный председателем думы второго созыва, а также И.В. Сапко, избранный заместителем председателя, О.А. Быков, стремившийся занять пост председателя и составивший серьезную конкуренцию В.А. Сухих, и Д.В. Чумаченко, скандально известный пермский политик, метавшийся между ЛДПР и коммунистами.

По словам В.А. Сухих, «главным итогом деятельности думы стало то, что город за последние четыре года сделал большой шаг вперед и достиг лидирующих позиций среди городов Российской Федерации. Успеха мы добились, благодаря разумной, взвешенной политике и сотрудничеству всех ветвей власти» [10, с. 7]. И.В. Сапко подчеркивал: «Нам удалось добиться того, что бюджет стал социально направленным, что в городе ликвидированы все долги по зарплате бюджетникам, по выплатам пенсий и пособий. И удалось это сделать потому, что работали в думе профессионалы, нам удалось найти общий язык с администрацией, мы тесно сотрудничали и находили компромиссные решения даже в самых трудно решаемых вопросах» [10, с. 7]. На сегодняшний день можно говорить, что и Сухих и Сапко в качестве политиков регионального уровня реализовались в полном объеме: первый возглавляет краевое правительство и региональный политсовет «Единой России», а второй является главой города Перми. Они в немалой степени способствовали формированию городского политического режима.

Таким образом, характеризуя ситуацию 1996–2000 гг., можно утверждать, что представленный в городской думе бизнес далеко не всегда ставил перед собой задачи лоббировать корпоративные интересы для получения экономических преимуществ. Более того, в этот период, бизнес и не имел возможности каким-либо образом их лоббировать по причине своеобразной ситуации, сложившейся в тот период в городе.

Взаимодействие власти и бизнеса: конфронтация или партнерство?

«Процессы регионализации и институциональные изменения создали в середине 1990-х годов стимулы для оформления локального режима в Перми, — пишет Н.В. Борисова. — В ходе принятия областного закона о местном самоуправлении и Устава Перми сложилась весьма пестрая коалиция локальных акторов, согласованно продвигавшая интересы города на областном уровне

и собственные интересы — на уровне городском» [5]. Если обратиться к оценкам участников этого процесса, то и Сапко, и Сухих, подводя итоги четырехлетней деятельности думы, особое внимание уделяют взаимодействию с администрацией города, т. е. с исполнительной властью. Действительно, работа городской думы второго созыва проходила в условиях, когда обе ветви власти возглавляли люди одной формации, действовавшие практически синхронно.

«Взаимодействие ветвей власти в Перми ставилось в пример другим регионам», — вспоминает В. А. Сухих [11, с. 12]. Еще более конкретно по этому поводу высказался И. В. Сапко: «Для нас было очень важно сделать гордуму самостоятельным органом местного самоуправления. Нам повезло, что в период формирования думы главой города был Юрий Трутнев, который... поддержал нашу идею» [11, с. 12].

На самом деле оба сильно преувеличивают, выдавая желаемое за действительное и стремясь прежде всего подчеркнуть свои личные заслуги. Вероятно, ближе к истине находится мнение эксперта, который считает, что в слаженной работе двух ветвей власти первую скрипку безоговорочно играла администрация под руководством Ю. П. Трутнева [22]. Можно предположить, что он уже тогда рассматривал должность главы города в качестве очередной ступени в своей политической карьере. Главную цель его пребывания на посту главы города он формулировал так: нормальная работа городской инфраструктуры на благо жителей города. (Если следовать репутационному подходу, Трутнев был и остается для пермяков референтной фигурой и по сей день.)

Показателен следующий эпизод. В. А. Сухих в интервью одной из местных газет предположил, что отношения между думой и администрацией будут строиться в духе «созидательной конфронтации». На что Трутнев отреагировал незамедлительно и совершенно определенно: «Если господин Сухих боролся бы за интересы какой-нибудь другой территории, наверное, у нас были бы все основания для разумной конфронтации» [17, с. 3].

Одним из основных направлений в деятельности думы было и остается формирование городского бюджета. Сформулированная Трутневым идея о том, что, «если Пермь обладает мощным экономическим потенциалом и лучше работает, то ей и получать больше» [17, с. 3], стала одной из основных в работе городских властей на весь четырехлетний период. В итоге, по словам В. А. Сухих, «нам цивилизованным способом удалось пролоббировать принятие на уровне области закона, который предусматривал некоторые преференции для Перми с точки зрения выполнения столичных функций» [11, с. 12].

Вторым краеугольным камнем в работе городских властей стал вопрос о собираемости налогов, а если быть точнее, то о форме уплаты налогов. Ю. П. Трутнев в тот период комментировал эту ситуацию следующим образом: «Меня больше беспокоит даже не исполнение бюджета, а процентное соотношение его наполнения «живыми» деньгами и всеми другими суррогатными

формами платежей» [17, с. 3]. Рабочей практикой стали совещания с налоговыми, правоохранительными и контролирующими органами, на которых обсуждались формы и методы работы с неплательщиками в бюджет, решались вопросы о финансовых проверках конкретных предприятий и даже об уголовном преследовании отдельных руководителей. Неплановым финансовым проверкам в 1998 г. подвергся ряд крупных пермских предприятий. В отношении некоторых руководителей были возбуждены уголовные дела. Использовались и иные законные способы.

Новая фаза взаимоотношений власти и бизнеса

С началом нового тысячелетия в обеих ветвях городской власти произошли серьезные изменения. В плановом порядке состоялись выборы городской думы третьего созыва, а в неплановом режиме произошла смена главы города, Ю.П. Трутнев был избран губернатором области и его место после непростой предвыборной кампании занял А.А. Каменев.

Анализируя присутствие представителей бизнеса в городской думе третьего созыва, следует учитывать два обстоятельства. Первое — то, что уход Трутнева, а вместе с ним и других ключевых фигур, в том числе председателя думы, был в определенной степени неожиданным, и бизнес всех уровней не готовился к вероятным изменениям в соотношении двух ветвей власти и не рассматривал этот факт с точки зрения новых возможностей.

Второе обстоятельство состояло в том, что региональный бизнес к этому времени географически и персонифицированно уже структурировался, и его владельцы, располагая серьезными финансовыми ресурсами, утратили интерес к муниципальным представительным органам как к возможности позиционирования себя в качестве представителей региональной элиты. С этой точки зрения гораздо привлекательнее выглядело Законодательное собрание области. А. Чирикова справедливо приводит слова одного из экспертов: «Следует понимать, что нахождение в ЗС — это конкурентная среда. <...> Здесь решается много других дел, помимо законодательных» [21, с. 103]. Возможно, указанные обстоятельства обусловили фактическое отсутствие количественного роста представителей бизнеса в думе третьего созыва по сравнению с предыдущим составом, 14 против 13. И лишь один депутат представлял бизнес-группу федерального уровня, остальные — малый и средний бизнес.

Кроме того, с 2002 г. начали портиться отношения областной и городской администрации, перешедшие в итоге в открытый конфликт, закончившийся досрочным прекращением полномочий главы города в 2005 г. В условиях эскалации конфликта у думцев, уже традиционно тяготевших к окружению Ю.П. Трутнева и к своему бывшему председателю В.А. Сухих, все чаще появлялись разногласия с городской администрацией по принципиальным вопросам. По мнению эксперта, «третий созыв депутатов городской думы отличался

частым противостоянием администрации города» [23]. Такое положение дел не способствовало расширению возможностей бизнеса лоббировать свои интересы посредством участия в представительном органе. В то же время, невзирая на перипетии во взаимоотношениях ветвей власти разных уровней, бизнес, так или иначе замкнутый на городскую инфраструктуру, расширялся, консолидировался организационно, делил немалое городское имущество и становился все более привлекательным для бизнес-групп регионального и федерального уровня. Однако зачастую бизнесмены вступали в прямой контакт с администрацией города. По мнению эксперта, «бизнес продолжает оставаться законченным эгоистом. Он думает только о своем бизнесе. И если ты умеешь делать так, чтобы найти возможность решить его проблемы, то он будет чувствителен к просьбам со стороны чиновника» [21, с. 107].

В Перми, судя по всему, просьбы чиновников и ответные шаги бизнеса не имели целью общественную пользу, потому что, по оценкам экспертов, указанная форма их взаимодействия имела весьма пагубные последствия для городского хозяйства [23]. Деятельность городской администрации повлекла за собой многочисленные проверки и уголовные дела, по одному из которых был осужден и глава города. «Отставка Каменева была выгодна региональным властям, поскольку мэр не раз предпринимал попытки проведения самостоятельного курса в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и градостроительства, что ущемляло интересы влиятельных экономических акторов, связанных с областной администрацией?» — считает Н.В. Борисова [5]. Однако неформальный характер взаимодействия власти и бизнеса с отставкой Каменева не изменился.

Изменение расстановки сил

По мере того как компании осваивали и совершенствовали способы и формы извлечения прибыли из отраслей городского хозяйства, к бизнесменам приходило понимание, что стабильной, устойчивой и долговременной эта прибыль может быть только при условии конструктивного и основанного на законе взаимодействия с обеими ветвями городской власти. Примером такого взаимовыгодного сотрудничества может служить договор аренды, заключенный администрацией города и ООО «Новогор-Прикамье» на аренду муниципального имущества сроком на 49 лет. «Новогор-Прикамье» в 2004 г. приняло «Принципы социальной ответственности» и инициировало совместно с городскими и областными властями формирование Общественного совета по развитию водоснабжения и водоотвода г. Перми. Компания организовала общественный диалог с общественными организациями, с жителями и, разумеется, с депутатами городской думы [15].

Пермская городская дума в этот период тоже существенно изменилась, прежде всего в понимании своей роли в организации городского хозяйства.

Сфера ее интересов постепенно смещалась в сторону обеспечения реализации бизнес-проектов в жилищно-коммунальном хозяйстве, строительстве и ремонте дорог, жилищном строительстве и т. п.

Некоторая часть представителей бизнеса, то ли обладая особой прозрачностью, то ли по причине близости своего бизнеса к городскому хозяйству, предвидела возможность взаимодействия уже в период формирования думы третьего созыва и участвовала в выборах, получив в итоге 3 или 4 депутатских мандата. Участие в формировании бюджета, а главное, в его распределении, постоянное взаимодействие с подразделениями администрации и возникающая близость отношений — все это предоставляло бизнесу достаточно широкие возможности, которые, однако, не были использованы в период работы третьего созыва.

Дума четвертого созыва в плане представительства бизнеса была уже принципиально иной. Депутатов, непосредственно работающих в бизнес-структурах разного уровня, насчитывалось 26 чел. из 36, при этом 10 представляли федеральный уровень, 9 — региональный и 7 — локальный (городской) уровень. У представителей бизнес-групп федерального уровня явно проявлялась заинтересованность в социальной политике региона, поскольку «обычной практикой для России стало государственное планирование корпоративной филантропии и «добровольно-принудительное» участие предприятий в благотворительных компаниях, инициированных региональными и городскими властями» [20]. При этом для бизнеса желательно, чтобы действие социальных программ по возможности распространялось на работников их предприятий. Видимо, поэтому восемь из десяти представителей крупного бизнеса избирались по округам с компактным проживанием своих рабочих.

Кроме того, анализируя конкретный период 2006 г., следует иметь в виду, что выборы в городскую думу состоялись в марте, а в декабре планировались выборы в ЗС края и кандидаты по меньшей мере пяти представленных в думе предприятий собирались участвовать в выборной кампании. «Присутствие в политике вынуждает бизнес тратить на социальные программы для территорий, по которым избирались депутаты. И, наоборот, участие в реализации социальных проектов «на паях» с властью неизбежно способствует попаданию в ЗС региона» [21, с. 106].

Говоря о депутатах городской думы, представляющих региональный и локальный уровни бизнеса, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что минимум 11 из 17 депутатов избирались, имея в виду возможность лоббировать интересы своих структур. Более того, можно выделить из их числа три группы, чья деятельность в думе в значительной степени определялась интересами бизнеса. Два депутата представляли крупнейшего застройщика и производителя строительных материалов — Пермский завод силикатных панелей и завод по изготовлению железобетонных конструкций. Два депутата

представляли крупные фирмы, работающие в сфере строительства и ремонта дорог, это «Пермская ДПМК» и «Дорстройтранс». И наконец, самая многочисленная депутатская группа (5 чел.), представляла бизнес, связанный с разными сегментами сферы ЖКХ, начиная от поставок газа городским котельным и заканчивая организацией деятельности управляющих компаний в жилищном секторе. Принимая во внимание экспертное мнение и материалы пермской прессы, можно говорить, что эту группу возглавлял непосредственно глава города. Именно в период деятельности четвертого созыва решения думы очень часто принимались в интересах конкретных бизнес-групп.

Как правило, эти решения внешне соответствовали тем параметрам, которые задает действующее законодательство, и оформлялись как результаты конкурсов, тендеров или котировок. Однако, по сути, они были результатами лоббистского давления, так как их участники изначально находились в неравных условиях. Именно так некоторые дорожно-строительные фирмы выиграли многомиллионные подряды на ремонт городских магистралей; выйдя на конкурс с наиболее выгодными предложениями, они и не собирались их выполнять. В одном случае только вмешательство правоохранительных органов позволило пресечь хищение муниципальных средств, но даже в этом случае администрация отказалась от иска к недобросовестному подрядчику на сумму в 52 млн р. [24]. В данном случае имеет место пример неформальных отношений бизнеса и власти, которые, как чаще всего и бывает при таких обстоятельствах, направлены к выгоде только одной из сторон.

Наиболее впечатляющим по своим масштабам и результатам оказалось взаимодействие депутатской группы, представляющей ЖКХ, с городскими властями. Целый ряд фирм, прямо либо косвенно имеющих отношение к главе города и его окружению, смогли реализовать свои бизнес-интересы в полном объеме.

Благодаря усилиям краевых властей Пермь присоединилась к федеральной программе капитального ремонта многоквартирных домов. В 2008 г. при участии бюджетов всех уровней на эту программу было израсходовано 608 млн р. Распределение этих средств между подрядчиками охарактеризовал бывший заместитель главы города Перми А. Фенев: «Публичный принцип распределения средств был забыт окончательно и бесповоротно. 74,2% от общей суммы денег на капитальный ремонт в 2008 году получила группа компаний, объединенных в некоммерческое партнерство «Ассоциация управляющих компаний». Большинство входящих в нее компаний объединяет структура собственников, которые, как теперь говорят, близки к власти» [10]. Основными учредителями ассоциации являются лица, имеющие с главой города и рядом депутатов совместный бизнес.

Пожалуй, самую широкую огласку получил следующий пример взаимодействия городских властей и бизнеса: в 2008 г. по инициативе губернатора начал

разрабатываться мастер-план краевого центра, на основе которого готовится генеральный план — главный градостроительный документ города. Для осуществления организационных работ было создано муниципальное автономное учреждение «Бюро городских проектов», которое возглавил человек, руководивший до этого очередной аффилированной с главой города фирмой. «Разработкой мастер-плана занимались три европейских архитектурных фирмы. Услуги проектировщиков власти оценили в 135 млн р., а общая смета создания генплана составляет 431,6 млн р.» [8]. В декабре 2010 г. генплан Перми, разработанный на основе мастер-плана, был утвержден городской думой. В то же время по материалам прокурорской проверки в отношении директора автономного учреждения было возбуждено уголовное дело по ст. 293 УК РФ (халатность). По заключению эксперта, изложенному в обвинительном заключении, «эти работы можно расценивать только как предложения заинтересованных лиц и нельзя использовать для подготовки проекта Генплана Перми» [19].

Приведенные примеры позволяют с достаточным основанием утверждать, что Пермская городская дума четвертого созыва являла собой яркий пример плодотворного неформального взаимодействия муниципальной власти и бизнеса к пользе и выгоде последнего; это взаимодействие приводит и к прямому сращиванию бизнеса с городской властью.

Явственно выраженная ориентация городской думы на бизнес-процессы и очевидная ангажированность значительной части депутатов привели к конкурентной борьбе с бизнес-структурами, которые либо были близки к администрации губернатора, либо представляли федеральный уровень. Нанятый руководитель городской администрации пытался сгладить возникающие противоречия, но депутаты при первой возможности расторгли с ним контракт, чем вызвали дополнительное недовольство губернатора.

Все это вместе взятое способствовало формированию репутации городской думы как структуры, не способной к конструктивной деятельности в русле федеральной и краевой политики. В итоге ситуация обернулась непосредственным участием губернатора и его администрации в процессе формирования списка кандидатов в думу пятого созыва.

Еженедельник «Новый компаньон» писал по этому поводу: «В декабре прошлого года губернатор Олег Чиркунов написал в своем блоге: «Уж коли публичная ответственность все равно на мне, то и полномочия придется брать, в том числе через активное участие в выборах в городскую думу». С этого момента основным критерием при оценке шансов кандидата стало согласование у Олега Чиркунова» [12]. В свою очередь для губернатора, понимающего, что подавляющее количество кандидатов все равно рекрутирует бизнес, решающую роль при оценке того или иного из них играли лояльность к краевой власти и согласование со стороны «Единой России».

Эти два критерия в конечном итоге и оказались решающими не только при формировании списка кандидатов, но и непосредственно в период выборов. Сформированная дума пятого созыва на 81% (!) состоит из представителей бизнеса, очевидно, что она представляет собой четко выраженную форму партийно-политического взаимодействия бизнеса и муниципальной власти, которая неминуемо будет трансформироваться вслед за изменениями политической конфигурации в стране.

* * *

История взаимоотношений бизнеса с городской думой позволяет сделать вывод о том, что на первом этапе происходит институционализация этих отношений в формально-договорном плане, затем взаимодействие приобретает преимущественно неформальный характер и, наконец, происходит переход к партийно-политической форме отношений. Следует иметь в виду, что речь не идет о том, будто на каждом этапе существует только одна форма взаимодействия, но она является доминирующей.

Разумеется, эти формы и их конкретные проявления не исчерпывают взаимодействия в рамках городского политического режима. За рамками исследования остались организации гражданского общества, органы исполнительной власти и местного самоуправления. Исчерпывающий анализ требует исследования совокупности отношений между ветвями власти, бизнесом и общественностью [1]. Однако институционализация и трансформация отношений между бизнесом и городской представительной властью — важнейший компонент политического процесса на городском уровне. Борьба за ресурсы и система принятия политических решений также подвержены изменениям, как вследствие изменения расстановки сил на разных уровнях власти, так и по причине диверсификации участников коалиций и изменения их стратегий. Пермский случай дает пример многофакторного и многоакторного взаимодействия власти и бизнеса. Он позволяет уточнить представления о городском политическом режиме и опробовать применимость этой концепции при анализе политической ситуации на городском уровне.

Библиографический список

1. Белокурова Е., Воробьев Б. Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
2. Бойко С. С. Влияние корпоративного сектора на региональный политический режим (на примере Пермской области) // Политический альманах Прикамья. 2002. Вып. 2.
3. Бойко С. С. Предприниматель как агент регионального политического рынка // Предпринимательство Прикамья: история и современность: Тезисы межрегиональной научно-практической конференции. Пермь, 2002.

4. *Бойко С.С.* Современные политические процессы в региональных полициях как отражение корпоративной модели российского общества // Политический альманах Прикамья. 2002. Вып. 3.
5. *Борисова Н.В.* Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
6. *Борисова Н.В.* Теория городских политических режимов и возможности ее применения для анализа российской локальной политики // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2010. Вып. 2.
7. *Гельман В.Я., Бычкова О.В.* Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
8. Коммерсант. 2011. 14 апр.
9. *Ледяев В.Г.* Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
10. Местное время. 2009. 8 апр.
11. Новый компаньон. 2009. 14 апр.
12. Новый компаньон. 2011. 1 февр.
13. *Панов П.В., Ехлаков А.В.* НК «ЛУКОЙЛ» и органы власти в Пермской области: теоретические модели и политическая практика // Политический альманах Прикамья. 2002. Вып. 3.
14. *Панов П.В., Подвинцев О.Б., Пунина К.А.* Воздействие изменений в характере внутриэлитных отношений на функционирование региональных политических институтов Пермской области // Политический альманах Прикамья. 2002. Вып. 3.
15. *Перегудов С.П., Семененко И.С.* Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-традиция, 2008.
16. *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений. М.: Наука, 2003.
17. Пермские новости. 1997. 4 апр.
18. Пермские новости. 1998. 27 нояб.
19. Пермский обозреватель. 2011. 26 марта.
20. *Полищук А.* Бизнесмены и филантропы // Pro et Contra, 2006. № 1.
21. *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России. М.: Аспект-Пресс, 2010.
22. Экспертное интервью. 11.04.2011. Из личного архива автора.
23. Экспертное интервью. 20.05.2011. Из личного архива автора.
24. Экспертное интервью. 03.06.2011. Из личного архива автора.

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОТ ЗАМЫСЛОВ К РЕАЛЬНОСТИ

.....

М. А. Яковлева¹

Статья посвящена развитию и проблемам местного самоуправления. В ней рассмотрены проблемы взаимодействия государства и местного самоуправления в процессе демократизации российского общества как основы, необходимой для формирования и развития гражданского общества.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, государство, местное самоуправление, муниципальное управление, муниципальная власть.

Article is devoted to the development and problems of local government. The article shows the problems of the interaction of state and local government during the democratization of Russian society and first of all as the basement, which is necessary for building and development of civil society.

Key words: reform of local government, state, local government, municipal management, municipal authority.

Современная Россия все более полно осознает роль местного самоуправления, местного сообщества в системе российской государственности: сильное сообщество — основа сильного государства. Политические, социальные, экономические интересы граждан связаны с интересами государства прежде всего через групповые интересы жителей одного города, села, района, реализуемые посредством самоуправления.

В условиях известного стремления отдельных регионов к обособлению местное самоуправление может стать выразителем интересов и консолидировать усилия отдельного гражданина, местного сообщества, государственной власти федерального и регионального уровней в таких сферах, как создание благоприятного экономического, социального и духовного уровня жизни общества.

Самоуправление ведет к изменению направленности управленческих процессов снизу вверх, от периферии к центру; оно зависит от развития прямой непосредственной демократии, расширения гласности, повышения действен-

¹ Яковлева Мария Александровна — аспирант кафедры теории и истории социологии Московского педагогического государственного университета. Эл.почта: masha1604@yandex.ru.

ности общественного мнения и пр. Именно поэтому местное самоуправление по праву относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между органами государственной власти и общественной самодеятельности. По мысли известного философа и политолога А. де Токвиля, коммунальные институты делают для свободы то, что начальная школа для науки; они делают ее доступной для народа, позволяют вкушать ее плоды и привыкать ею пользоваться. Нация может ввести у себя свободное правление и без коммунальных институтов, но у нее не будет духа свободы [4, с. 50].

Самоуправление предполагает активность всех рядовых членов организационной подсистемы при решении общих вопросов; отзывчивость и внимание управленческих (профессиональных) структур к инициативе масс, развитие различных форм этой инициативы.

Будучи формой политической самоорганизации местных сообществ, местное самоуправление автономно, независимо как от органов государственной власти, так и от внесударственных структур; оно организовано разнообразно, что обусловлено особенностями исторического развития, составом населения и даже традициями; оно более гибко и оперативно реагирует на потребности конкретных сообществ.

Во многих городах и районах современной России сегодня можно наблюдать большое стремление к реальной работе, к терпеливому и прочному строительству демократических механизмов решения насущных проблем повседневной жизни: достойного содержания домов, квартир, больниц, яслей и школ; содействия росту муниципальной экономики, местной экономической инициативы; защиты природы, полезной для населения территории.

Мировая и общественная история свидетельствует о необходимости местного самоуправления как одного из способов поддержания общества в стабильном состоянии, особенно в период государственных и системных кризисов. Потребность общества в местном самоуправлении компенсирует социуму в период острых кризисов государственности воспроизводство институтов гражданского общества. В итоге создается гарантия нации от разрушения, поддерживаются основы гражданского общества. В то же время местное самоуправление не должно подменять государство, его институты и функции. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий — явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического.

В России полемика о реформировании местного самоуправления (МСУ) ведется давно. И это закономерно. Муниципалитеты — важное средство приобщения граждан к управлению государством и обществом, они способствуют развитию инициативы и самодеятельности населения, именно на местном

уровне наиболее эффективно реализуется концепции приближения власти к народу. Реформа МСУ, стартовавшая в 2003 г., призвана стимулировать развитие самоуправления.

Как известно, существуют две основные модели самоуправления: европейская континентальная и англосаксонская. В первом случае местная власть выступает нижним звеном в системе органов государственной власти и подчинена вышестоящим звеньям. Во втором случае система МСУ выделяется из общей структуры государственной власти и в какой-то степени ей противостоит, так как формируется гражданами и действует в их интересах. По последним данным социологических исследований, население России в большей степени тяготеет ко второй модели МСУ — 51% опрошенных высказались за ее развитие и лишь 32% за первую [1, с. 7].

Для современного состояния местного самоуправления в России характерен недостаток финансирования, прав и ответственности. По мнению экспертов, отсутствие сбалансированности между теми полномочиями, которыми наделены органы местного самоуправления, и теми финансовыми ресурсами, которые им предоставляются, является сегодня самой большой проблемой местного самоуправления [2, с. 55–62]. У муниципалитетов отсутствуют необходимые активы для развития, адекватная имущественная база. В некоторых случаях они имеют право распоряжаться: государственной собственностью (например, землей), но только под жестким контролем государства, что ослабляет легитимность сделок. А ведь ни для кого не секрет, что земля — основной актив для муниципального развития, который может быть использован и для привлечения новых инвестиций, и для развития социальной инфраструктуры. Решить муниципальные проблемы и был призван Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятый в 2003 г. [5].

Таким образом, несколько факторов обусловили необходимость серьезного реформирования институтов местного самоуправления в России: неопределенность, а в ряде случаев множественность моделей территориальной организации МСУ и их удаленность от населения; нечеткость в определении компетенции муниципальных образований и непроработанность механизмов взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления; несоответствие ресурсов муниципалитетов реально исполняемым ими обязанностям.

Основное новшество нового закона — административно-территориальное деление: очень жестко, вплоть до мельчайших подробностей прописывается, как должны быть определены границы трех типов муниципалитетов — поселений (городских и сельских), муниципальных районов, которые будут объединять эти поселения, и независимых городских округов, которые не будут входить в состав муниципальных районов. При этом всем территориальным

единицам необходимо было определиться со своим статусом до 2006 г., а это, как выяснилось, не так просто. Существовала одна неприятная сторона тотальной унификации: новый закон заставлял менять систему муниципального управления, которая уже вполне устоялась в ряде регионов РФ. Ведь где-то был очень просвещенный и энергичный градоначальник, а где-то просто исторически сложились отношения с областью. Однако все муниципии спешно причисляли под одну гребенку, не делая никакого различия между самоуправлением и его суррогатами.

Было бы большой ошибкой в одночасье лишиться того громадного опыта реального самоуправления, который накоплен наиболее развитыми в демократическом отношении регионами России.

Кроме того, активно ведутся разговоры о повышении эффективности и профессионализма менеджмента. Тем не менее кадровая проблема остается одной из острых в деятельности органов местного самоуправления. Примерно половина депутатов местного уровня и работников муниципалитетов не имеют высшего образования. Сейчас мы наблюдаем две тенденции. С одной стороны, в некоторых крупных центрах «варяги» с хорошим образованием, иногда даже с европейской стажировкой берут власть в свои руки, понимая, как ею воспользоваться. С другой стороны, очень много пока территорий, где просто не найти людей, которые по уровню образования, квалификации могли бы осуществлять управление.

К сильным сторонам Закона № 131 можно отнести четкую регламентацию муниципальных финансов: финансирование исполнения государственных полномочий только за счет субвенций; переход к установлению ставок и нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов на долговременной основе; самостоятельность в установлении тарифов при оплате труда муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений.

Кроме того, предусмотрено большее количество форм прямого волеизъявления населения при осуществлении местного самоуправления. Многие из названных в законе процедур неплохо зарекомендовали себя в мировой муниципальной практике.

И еще одна немаловажная позиция: предлагается запретить совмещение главой муниципального образования полномочий председателя представительного органа местного самоуправления и руководителя местной администрации.

В 2009–2010 гг. произошла активизация процесса изменения процедуры избрания главы муниципального образования в ряде крупных городов Российской Федерации. В 2009 г. произошел отказ от прямых выборов населением глав городов в Казани, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Пензе (список

не исчерпывающий), т. е. теперь они должны избираться депутатами представительного органа соответствующего города из своего состава. В 2010 г. аналогичное изменение произошло в Челябинске, Перми, Екатеринбурге. Выборы главы города из состава депутатов представительного органа требуют введения института наемного главы местной администрации — сити-менеджера, что ведет к перестройке всей системы городского управления, т. е. соответствующие изменения, как видим, не сводятся только к электоральной проблематике.

Урегулировать сложный комплекс противоречий и был призван проект нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако и он, как оказалось, не выдерживает проверку на соответствие принципам динамического равновесия: акцент в нем сделан на слишком высокий уровень вмешательства в дела местного самоуправления государства, которое устанавливает критерии численности депутатов и вводит жесткую структуру органов муниципального образования. Это, во-первых, не учитывает того многообразия условий, в которых существует местное самоуправление в нашей мультикультурной, мультиэтнической, мультиконфессиональной стране. Не следует навязывать единую схему организации местного самоуправления разнородному обществу, необходимо дать регионам право самим определять структуру местного самоуправления. Во-вторых, реализация законопроекта привела к значительному увеличению числа муниципалитетов, вследствие чего произошел дополнительный рост числа чиновников местного уровня без каких-либо гарантий роста эффективности их деятельности. В-третьих, необходимо было четко определить источники налоговых и финансовых поступлений на деятельность местного самоуправления, т. е. осуществить на практике принцип финансовой автономии местного самоуправления, что практически невозможно без внесения изменений в Налоговый и Бюджетный кодексы страны.

Кроме того, трудноразрешимыми стали вопросы имущественных интересов на уровне муниципальной собственности, связанные с проблемой разграничения муниципальной и государственной собственности в процессе реформы местного самоуправления. Принципиально важным представляется обеспечение координации действий по реализации реформы местного самоуправления и реформы жилищно-коммунального хозяйства, реальным исполнителем которой также являются органы местного самоуправления.

Кадровое обеспечение реформы должно проводиться в общем контексте административной реформы, предполагающей в широком смысле переход к новым формам управления, направленным на повышение эффективности управленческой деятельности, достижение конкретных результатов, снижение административных барьеров для бизнеса, а также повышение прозрачности деятельности административных органов и расширение их связи с общественными организациями и другими институтами гражданского общества.

Принятый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в предложенной редакции в конечном итоге, если он будет реализован до конца, может привести к настоящей революции с переделом российской территории, властных полномочий и собственности. Политические и экономические риски принятия законопроекта слишком велики, а преимущества пока не столь очевидны.

Общий замысел реформы местного самоуправления, ее декларируемые базовые принципы имеют, бесспорно, позитивный характер. В то же время, как во всяком большом деле, практическая реализация Федерального закона № 131-ФЗ выявляет множество нерешенных проблем, коллизий и недостатков, которые чаще всего прячутся в частностях, в деталях. Эти частности начали проявляться при первых шагах по реализации закона. Как показала реальная практика реформы местного самоуправления, это самый многострадальный закон в нашей правоприменительной реальности. За прошедшие семь лет со дня принятия этого закона (октябрь 2003 г.) в него было внесено несколько сотен поправок. Если в Интернете в поисковике набрать «131-й закон», на экране появится, например, такой заголовок: «131-й закон доводит сельских глав до инфаркта».

Реформа местного самоуправления, по всей видимости, еще не завершена. Как отмечалось в аналитической записке Комитета по вопросам местного самоуправления Государственной Думы РФ, «выработанные европейским опытом принципы децентрализации управления, субсидиарности, самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения еще не вполне адекватно отражены в российском законодательстве. Практика тоже отходит от представления о местном самоуправлении как институте гражданского общества. Зачастую она сводится к организации режима власти, обеспечивающего личные или корпоративные интересы, следовательно, искажает саму демократическую природу местного самоуправления» [3, с. 11].

Местное самоуправление — ключевой элемент политической системы развитой демократии, поэтому создание его не может быть делом только власти. Только объединение усилий представителей гражданского общества и власти может привести к созданию взвешенных, эффективных и легитимных «правил игры», согласно которым будет работать и развиваться местное самоуправление в России, особенно перед вызовами системной модернизации.

Библиографический список

1. Исследование «Граждане оценивают местное самоуправление», проведенное группой «Циркон» совместно с Институтом экономики города в июне 2003 г.: годовой отчет Института развития города за 2003 г. М., 2003.
2. Кружков А.В. Местное самоуправление в России: несбывающийся проект // Политические исследования. 2004. № 6.

3. Материалы парламентских слушаний на тему: О проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 3 апреля 2003 г. // Аналитический вестник. Сер. Государственное строительство и конституционные права граждан. 2003. Вып. 22, ч. 2.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 07.05.2009 № 90-ФЗ) //Собрание законодательства РФ. 2003. № 40.
5. *Токвиль А.* Демократия в Америке. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Литера», 1994.

УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ОТ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ К ПАРТНЁРСТВУ

Е. А. Беляева, М. А. Битарова¹

В данной статье рассматриваются вопросы управления земельными ресурсами муниципалитетов Краснодарского края, приводятся результаты анкетирования глав городских и сельских поселений края и предлагается модель совместного управления земельными ресурсами, которая обеспечит баланс интересов всех субъектов земельной политики: населения, власти и бизнеса.

Ключевые слова: земля, земельная политика, местная администрация, управление, администрирование, совместное управление.

This article addresses the issues of land administration of municipalities of Krasnodar Region, presents the results of survey of heads of urban and rural settlements, proposed the model of joint management of land resources, which will allow a balance of interests of all stakeholders of land policy: population, business and government.

Key words: land, land policy, local administration, management, bureaucratic administration, joint management.

Демократические преобразования в современной России не могут успешно осуществляться без самостоятельного и эффективного местного самоуправления. Развитие этого института имеет не только большое политическое, но и социально-экономическое значение.

В этой связи принятый Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 г. призван усовершенствовать механизмы реализации местного самоуправления. В соответствии с новой редакцией Закона о местном самоуправлении его экономическую основу составляет муниципальная собственность, в состав которой входят также земельные ресурсы [3].

¹ Беляева Елена Александровна – кандидат экономических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: helenla@mail.ru

Битарова Мария Анатольевна – директор НТП «Университет» Кубанского государственного университета. Эл. почта: bitarova@mail.ru

Земля, будучи необходимым условием существования человека, основой его физиологической, социальной и экономической деятельности, занимает особое место в жизни муниципалитета.

Это место не только для жизни десятков и сотен тысяч людей, но и для промышленной, торговой деятельности, представительских функций, отдыха и туризма. Для всех разнообразных проявлений жизненных функций городского организма, тесно связанных с местной территорией, земельная проблема имеет решающее значение [1].

Использование любого земельного участка изначально связано с проявлением разнонаправленных интересов, нередко значительной степени конфликтности, так как цели и интересы субъектов градостроительной деятельности в силу ряда объективных причин не только могут не совпадать, но и иметь диаметрально противоположную направленность.

Инвесторы и застройщики всегда заинтересованы получить максимум финансовой отдачи от своих вложений; проектировщики и архитекторы, помимо финансовых интересов, стремятся воплотить свои творческие и художественные замыслы; землевладельцы и землепользователи — получить выгоду от владения и пользования земельным участком.

Муниципалитет как крупнейший собственник земли заинтересован не только в экономической выгоде, но и в решении социальных проблем — создании комфортных условий для его жителей, формировании архитектурного облика города и т.д. В области градостроительства и землепользования согласование социально-экономических интересов органов местного самоуправления, частных землевладельцев, инвесторов, населения и других субъектов закономерно, так как, отличаясь по содержанию и направленности, интересы каждого из этих субъектов в конечном итоге сходятся в одном — стабильном социально-экономическом развитии. В муниципальной среде сталкиваются интересы многих людей, поэтому каждый из них должен иметь право принимать участие в ее обустройстве [2].

Однако сложившаяся система управления земельными ресурсами в муниципалитетах Краснодарского края носит исключительно административный характер, не предполагающий участия бизнес-структур и населения в принятии управленческих решений, что подтверждается проведенным нами исследованием (2008–2009 гг.). Исследование проводилось путем опроса глав местных администраций 185 городских и сельских поселений Краснодарского края.

Административный характер управления земельными ресурсами подчеркивают следующие результаты проведенного исследования:

1) 76,7% респондентов назвали основным субъектом управления местную администрацию; негосударственный сектор как субъект управления представлен

лишь в 22 муниципалитетах, что составляет 11,89% от общего числа исследуемых муниципальных образований;

а) инвентаризация земельных участков — 90,81% (168 муниципальных образований);

в) объединение земельных участков для создания крупного участка земли — 25,41% (47 муниципальных образований).

Речь идет о необходимости выстраивания внутри муниципального образования новой системы взаимоотношений между его основными субъектами: властью, предпринимательским сектором и населением.

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ • 2011 • №3 95

лога со всеми заинтересованными структурами. Поэтому именно партнерство становится основой взаимодействия субъектов муниципального образования и залогом успешной реализации его социально-экономической политики [4].

Практическое воплощение принцип партнерства может найти в предложенной авторами модели совместного управления земельными ресурсами (см. рисунок).

В данной модели особое место занимает процесс согласования интересов населения, бизнеса и власти при реализации земельной политики. В эффективном управлении земельными ресурсами муниципального образования заинтересованы все субъекты местного хозяйства, именно поэтому движущей силой процесса развития выступают интересы субъектов, а целью взаимодействия в процессе управления — реализация этих интересов.

Прежде всего необходимо делегирование полномочий по согласованию интересов самому местному сообществу посредством создания определенной организационной структуры, например Координационного совета по управлению земельными ресурсами.

В состав Координационного совета по управлению земельными ресурсами могут входить:

- руководители субъектов предпринимательства;
- руководители и представители организаций инфраструктуры поддержки малого предпринимательства;
- представители общественных объединений и некоммерческих организаций;
- руководители и представители экономических подразделений местной администрации;
- научные работники.

Координационный совет при администрации муниципального образования является коллегиальным совещательным органом и создается при главе муниципального образования для координационного, информационного и консультативного обеспечения деятельности администрации муниципального образования в области управления земельными ресурсами муниципального образования.

По нашему мнению, можно выделить две основные цели деятельности Совета:

- налаживание диалога органов местного самоуправления с общественностью муниципального образования в части реализации земельной политики;
- осуществление общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в области управления земельными ресурсами.

Данный орган как связующее звено между местным сообществом и органами власти призван решать следующие задачи:

- содействие органам местного самоуправления в реализации муниципальной земельной политики;
- согласование позиций органов местного самоуправления, субъектов предпринимательства и населения по вопросам, касающимся реализации земельной политики муниципального образования;
- разработка рекомендаций по защите прав и законных интересов субъектов предпринимательства и населения при формировании и реализации экономической, имущественной, градостроительной и социальной политики муниципального образования;
- информирование главы администрации о наиболее актуальных проблемах социально-экономического развития муниципального образования, а также эффективности деятельности органов местного самоуправления;
- формирование положительного имиджа органов власти, повышение доверия населения к деятельности органов власти, формирование культуры и этики взаимоотношений между властными структурами, бизнесом и местным сообществом.

Совет наряду со структурным подразделением администрации по вопросам экономики образуют группу органов стратегического управления развитием муниципалитета [4].

Координационный совет по управлению земельными ресурсами принимает участие в разработке, координации и реализации совместно со структурными подразделениями администрации муниципального образования и депутатами представительного органа планово-прогнозных документов в области управления земельными ресурсами (программы приватизации муниципальной собственности, генерального плана развития территории, правил землепользования и застройки, документов территориального планирования), привлекает к их реализации предприятия, расположенные на территории муниципального образования, их объединения, некоммерческие организации и их ассоциации.

Кроме того, он может проводить независимую экспертизу нормативно-правовых актов органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления и разрабатывать предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего вопросы землепользования и застройки на территории муниципального образования; готовить и представлять на рассмотрение главы администрации и представительного органа муниципального образования дополнения и поправки в действующие документы, предложения по устранению административных барьеров.

Рассмотрим, каким образом Координационный совет принимает участие в реализации земельной политики муниципалитета.

На *этапе разработки земельной политики* и стратегии развития муниципального образования последовательно должны решаться две основные задачи, связанные с мотивацией участвующих в ней субъектов, а именно выявление их интересов (экономических, социальных, экологических, политических) и согласование этих интересов.

Среди возможных форм и механизмов выявления интересов субъектов управления местным развитием в процессе разработки земельной политики муниципального образования можно назвать:

- опросы населения, руководителей предприятий, общественных организаций;
- фокус-группы и круглые столы на телевидении и в СМИ;
- общественные слушания по конкретным проблемам;
- создание общественных приемных и общественных представительств по принятию решений;
- интерактивные телевизионные, радио- и интернет-дебаты по ключевым направлениям земельной политики.

На *этапе разработки документов территориального планирования* ведущую роль играет группа органов стратегического управления (подразделения общей компетенции, Координационный совет), выступающая инициатором разработки данных документов. Она же является заказчиком. Разработчиком данных документов могут быть специализированные учреждения, экономические подразделения вузов, консалтинговые компании. Важно, чтобы в процессе разработки документов территориального планирования наиболее полно были учтены интересы всех членов местного сообщества.

На *этапе реализации земельной политики* особая роль отводится группе органов управления текущей деятельностью, которая осуществляет реализацию документов территориального планирования по отдельным направлениям земельной политики. Группа органов стратегического управления на этом этапе выполняет функции координации, при этом полномочия в группе распределяются следующим образом: Координационный совет осуществляет текущий контроль за реализацией, структурные подразделения, занимающиеся вопросами землепользования и застройки, — контроль за поступлением и расходованием денежных средств.

Отраслевые структурные подразделения администрации ежеквартально готовят отчеты о ходе реализации плановых документов и представляют их на рассмотрение Совету.

Модель совместного управления, разработанная авторами, позволяет сформировать институциональную среду развития, основанную на согласовании интересов и стратегическом партнерстве.

В отличие от интегрально-административной модели, используемой в настоящее время в муниципалитетах, модель совместного управления земельными ресурсами имеет существенные преимущества.

Во-первых, для данной модели характерна стратегическая направленность деятельности муниципальных органов власти.

Во-вторых, в процесс управления земельными ресурсами вовлекаются бизнес-сообщества и население.

В-третьих, система управления отличается адаптивностью и гибкостью.

Применение предложенной модели даст ряд выгод для всех участников процесса совместного управления:

- 1) для местной администрации — более обоснованную основу для планирования и принятия управленческих решений, освобождение от мелких проблем;
- 2) для населения — прозрачность процесса управления, больше возможностей для самореализации;
- 3) для бизнеса — больше ответственности, больше свободы в принятии решений, более развитую инфраструктуру и благоприятные условия для развития бизнеса.

Применение модели дает возможность состыковки стратегического и оперативного управления, т. е. достижения качественно нового уровня планирования и управления земельными ресурсами.

Таким образом, земельная политика муниципалитета, которая раньше было делом только местных властей, становится предметом общественно-частного партнерства. Цель такого партнерства — содействовать новым идеям и инициативам, обеспечивать ресурсы для их реализации, создавать условия для восприятия этих идей посредством широкого обсуждения их заинтересованными сторонами и содействовать их успеху, создавая новые формы кооперации и достигая консенсуса.

Библиографический список

1. Битарова М. А. Городская земельная политика: основные направления и проблемы формирования // Вестник университета. Социология и управление персоналом. 2008. № 11 (49).
2. Кухтин П. В., Левов А. А., Морозов В. Ю. Управление земельными ресурсами. М.: ПИТЕР, 2006.
3. Лемясева С. А. Управление земельными ресурсами муниципального образования // Экономика и управление. 2007. № 5.
4. Черная Е. А. Муниципальные органы власти как субъект стратегического управления местным развитием. Краснодар: ООО «Крон», 2008.

РИСКИ И УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

.....

А. В. Россошанский¹

В статье рассматриваются основные виды информационного терроризма и связанные с ним угрозы информационной безопасности России, оценивается степень их опасности и вероятность возникновения.

Ключевые слова: кибертерроризм, информационный терроризм, информационная безопасность.

In this article the main kinds of informational terrorism and the threats to the informational safety in Russia are considered. Also the degree of their danger and the possibility of emerging are evaluated.

Key words: ciberterrorism, informational terrorism, informational safety.

Развитие Интернета не только обогатило общественно-политическую жизнь полезными технологиями, новыми формами социально-политической коммуникации, популярность которых постоянно растет, но и породило ряд сложных проблем в сфере информационной и национальной безопасности. К их числу относится и информационный терроризм. В России проблема терроризма, борьбы с ним стоит особенно остро, о чем свидетельствуют события не только на Северном Кавказе, но и в других регионах страны. Как показывает практика, в своей деятельности террористы стремятся использовать самые современные средства связи, различные коммуникационные каналы, в том числе и Интернет. В этой связи представляется интересным анализ рисков и угроз информационного терроризма в России с последующей оценкой их степени реальности и опасности.

Информационный терроризм — это новая разновидность террористической деятельности, основанная на последних достижениях науки и техники в области компьютерных и информационных технологий. Террористические организации и группировки по всему миру используют их в самых разных целях. Поэтому содержание понятия «информационный терроризм» носит весь-

¹ Россошанский Андрей Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Эл. почта: up@gtrk.renet.ru.

ма широкий характер. В экспертном научном сообществе принято выделять два вида информационного терроризма. Одной из его разновидностей является кибертерроризм. Он представляет собой использование компьютерных сетей в качестве средства для нарушения функционирования важнейших национальных инфраструктур (энергетических, транспортных, правительственных), принуждения или запугивания правительства и гражданского населения [7]. По своему смыслу деятельность кибертеррористов очень напоминает деятельность компьютерных хакеров, в связи с чем между ними не всегда проводится четкая грань и иногда даже ставится знак равенства. Однако в отличие от хакеров кибертеррористы руководствуются политическими мотивами атак на информационно-компьютерные системы и ставят принципиально иные цели.

Некоторые исследователи определяют кибертерроризм с помощью соединения двух понятий «киберпространство» и «терроризм», основываясь на логике российского законодательства. Кибертерроризм рассматривается или как умышленная атака на компьютеры, компьютерные программы, компьютерные сети или обрабатываемую ими информацию, создающая опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий [10].

Другая разновидность информационного терроризма подразумевает использование Интернета террористическими группами для имущественного, финансового, информационного и прочего обеспечения своей деятельности, но не для непосредственного совершения терактов. Известный американский терроролог Габриэль Вейман выделяет восемь способов использования Интернета террористами: 1) проведение психологической войны; 2) поиск информации; 3) обучение террористов; 4) сбор денежных средств; 5) пропаганда; 6) вербовка; 7) организация сетей; 8) планирование и координирование террористических действий [2]. Такой широкий спектр возможностей означает, что Интернет в силу своих функциональных особенностей (открытость, масштабность, неподцензурность, быстрота и т.д.) служит идеальным полем деятельности террористических организаций.

Современное общество неумолимо становится информационным, растет число пользователей, подключенных к Интернету, удовлетворяющих с его помощью самые разнообразные интересы, расширяется спектр электронных услуг, все больше зависит от компьютерных сетей работа важнейших инфраструктур (правительственных, банковских, транспортных, социальных и т.д.). Это обстоятельство уже сегодня порождает миф о полной зависимости жизнеобеспечения человека от информационно-компьютерных технологий и соответственно миф о страшной угрозе кибертерроризма и его ужасных последствиях. Многие исследователи необоснованно завышают риски угроз информационного терроризма, считая, что он несет опасную угрозу для чело-

вещества, сравнимую с ядерным, бактериологическим и химическим оружием [12], и способен продуцировать системный кризис всего мирового сообщества, особенно стран с развитой инфраструктурой информационного обмена [3].

На практике же результаты деятельности кибертеррористов существенно отличаются от многочисленных устрашающих сценариев. В основном они сводятся к «вирусным» атакам информационных ресурсов, «взлому» правительственных сайтов с целью нарушения их работы или размещения на них лозунгов и призывов, подобно граффити на стенах домов. Очевидно, что прямой опасности жизни людей такая деятельность не несет, хотя материальный ущерб может быть весьма значительным. Однако это относится главным образом к сфере интересов компьютерных хакеров, которые стали серьезным источником угроз информационной безопасности. Ежегодно во всем мире от их деятельности страдают миллионы людей. Они наносят немалый материальный ущерб рядовым гражданам, бизнесу и государственным институтам. Как правило, чаще других IT-преступлений совершаются мошенничества с пластиковыми платежными карточками, хищения денежных средств с банковских счетов, несанкционированный доступ к компьютерной информации и нарушения правил эксплуатации автоматизированных электронно-вычислительных систем, распространение компьютерных вирусов. Причем количество преступлений в этой сфере с каждым годом только увеличивается. Так, в России за первое полугодие 2009 г. 60% всех преступлений, совершенных с использованием телекоммуникаций, были связаны с Интернетом [6]. Но это скорее проблема киберпреступности, а не кибертерроризма.

Потенциальными мишенями для кибертеррористов служат подключенные к Интернету компьютерные системы управления так называемой критической инфраструктурой, прежде всего транспортом, энергетикой и водоснабжением. Как показывает анализ ведущих экспертов, важнейшие системы обеспечения при рыночной экономике более распределены, разнообразны, избыточны и способны к самовосстановлению, чем может показать поверхностная оценка, что делает их менее уязвимыми к нападениям. Во всех случаях кибератаки менее эффективны и разрушительны, чем физические нападения. Фактически при нынешнем уровне информационного развития западного общества кибератаки являются не угрозами национальной безопасности, а скорее ее раздражителями. По наносимому ущербу такие атаки сопоставимы с периодически неизбежно возникаемыми сбоями, например, в системе электроснабжения, и не более того [7].

В России многие инфраструктуры жизнеобеспечения в силу своей изношенности и, как следствие, высокотехнологического отставания от Запада в еще меньшей степени подвержены несанкционированному дистанционному управлению через Интернет. Что же касается стратегических объектов — АЭС, ГЭС, ядерного оружия и т.д., то ввиду их изолированности, автономности

и секретности это просто невозможно. На наш взгляд, кибертерроризм может стать реальной угрозой национальной безопасности только в очень отдаленном будущем, когда уровень информатизации будет всеобъемлющим, государство станет «электронным», а общество информационным. Для этого сегодня прилагается немало усилий: приняты Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, Концепция формирования электронного правительства и ряд других важных документов.

Одна из главных целей государственной политики в сфере информатизации — сократить цифровой разрыв между Россией и ведущими странами Запада. В рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий, составляемом Международным союзом электросвязи, Россия в 2008 г. из 159 стран мира занимала 48-е место. Индекс развития ИКТ (IDI), включающий 11 показателей и охватывающий такие характеристики, как доступ к ИКТ, использование ИКТ и навыки в области ИКТ, равнялся 4,54 балла [4].

По самым же последним данным, согласно ежегодно составляемому рейтингу консалтингового подразделения журнала The Economist — Economist Intelligence Unit, наша страна находится в еще более удручающем положении. В рейтинге 2010 г. из 70 стран, в которых оценивалась готовность перехода к информационному обществу, Россия находится на 59-м месте, т. е. позитивные изменения за год не были выявлены. В данном исследовании индекс готовности России к электронному развитию оценивается в 3,97 балла. Оценка проводилась по десятибалльной шкале и складывалась из шести показателей: развитие коммуникационной инфраструктуры; состояние бизнес-среды, состояние социальной и культурной среды в стране, политика государства и его видение развития сектора ИКТ, правовое обеспечение электронного развития, уровень ИТ в частном и корпоративном секторах [14]. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень информатизации нашего государства остается все еще очень низким, следовательно, риски совершения кибертерактов минимальны, так как потенциальных мишеней для террористов очень мало и ущерб, который они могут нанести, весьма незначителен.

При низком международном рейтинге России нельзя отрицать стабильного ежегодного прироста интернет-аудитории в нашей стране. Так, регулярные исследования, проводимые Фондом «Общественное мнение», свидетельствуют о постоянном росте числа интернет-пользователей в России. По данным последнего исследования «Интернет в России», зимой 2010–2011 года доля интернет-пользователей среди взрослого населения составила 43% (50 млн чел.). При этом трое из каждых десяти пользователей составляют активную аудиторию — выходят в сеть хотя бы раз в сутки. Общая численность активной интернет-аудитории к концу 2010 г. достигла 36 млн чел. Среднеквартальный рост интернет-аудитории за 2010 г. в целом по стране для месячной, недельной и суточной аудиторий составил соответственно 4, 5 и 8%. При сохранении суще-

ствующих тенденций в развитии и распространении Интернета к концу 2014 г. число пользователей вырастет приблизительно на 30 млн чел. и приблизится к 80 млн чел., или 71% населения страны старше 18 лет [5]. Это обстоятельство фактически означает превращение Интернета в недалеком будущем в полноценное средство массовой информации и коммуникации, что значительно увеличит его пропагандистский потенциал. Увеличатся и риски, связанные с пропагандой экстремистами и террористами своих идей через Интернет.

Как показывает практика, Интернет уже сегодня активно используется экстремистскими силами, что придает реальные очертания данному виду угрозы. С помощью специализированных интернет-сайтов (<http://www.kavkazcenter.com>; <http://www.chechenpress.info>; <http://www.jamaatshariat.com/>; <http://www.national-socialist.tk>) осуществляются призывы к насильственным действиям, пропагандируются идеи радикального ислама, национализма, сепаратизма, религиозного превосходства и т. д. Так, по данным Министерства юстиции Российской Федерации, более 10 русскоязычных интернет-сайтов включено в федеральный список экстремистских материалов, запрещенных для распространения на территории России [13].

Помимо интернет-сайтов для пропаганды и поиска сторонников активно используются популярные социальные сети. В списке экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации значится около десятка персональных страниц пользователей в популярных социальных сетях «ВКонтакте», «Живой журнал» (livejournal.ru). И это не случайно. На сегодняшний день регистрация персональных страниц доступна всем желающим и не представляет никаких сложностей. Достаточно выполнить несколько простых стандартных процедур, затратив совсем немного времени, и вы получаете отличный инструмент общения в реальном времени, без каких-либо временных и пространственных ограничений, позволяющий охватывать миллионные аудитории.

Кроме социальных сетей растет популярность таких интернет-ресурсов, как видеохостинги (запрещены к просмотру несколько видеофайлов на «[bashtube](http://bashtube.com)» и «[YouTube](http://YouTube.com)»), а также форумы. Все это свидетельствует о том, что радикальные силы и отдельные элементы, исповедующие идеи массового насилия, для достижения своих целей используют все имеющееся сегодня многообразие интернет-сервисов. Это позволяет им компенсировать свою ресурсную недостаточность — преодолеть информационную и структурно-организационную ограниченность, а также минимизировать финансовые затраты.

Сайты экстремистских сил связывают в интернет-сети группы родственных экстремистских организаций протеррористического типа. Например, исламистские организации образуют в Интернете особое локализованное виртуальное информационное пространство джихадистской направленности.

В.Б. Петухов называет его парадоксальным словосочетанием «dijihad-net» [9, с. 175]. Аналогично структурируются националистские и сепаратистские организации, создавая виртуальные коммуникационные сети и соответствующие им информационные пространства. Они представляют собой динамичную систему, хорошо адаптирующуюся к внешней среде, постоянно меняющую свою конфигурацию: одни сайты закрываются, взамен старых открываются новые и т.д. Фактически искоренить их представительства из виртуального пространства не представляется возможным. Методы классической либеральной демократии бессильны перед этой информационной угрозой.

Следует заметить, что для экстремистских и террористических сил интернет-коммуникация служит очень привлекательным инструментом воздействия на общественное мнение в силу ее больших манипулятивных возможностей. Скрытая опасность Интернета и других интерактивных кибернетических систем заключается в том, что, в отличие, к примеру, от телезрителя, пользователь сети психологически уверен в свободе своего информационного выбора, в невозможности манипулирования его поведением со стороны других сетевых субъектов. Кроме того, Интернет позволяет задействовать гораздо более широкий инструментальный спектр информационной стимуляции сознания и подсознания индивида, чем печатные СМИ и даже телевидение: звук, визуальный ряд (причем активный) с огромной палитрой красок и геометрических построений, текстовый материал (эта форма подачи данных апеллирует к логике реципиента), а также интерактивная обратная связь, порождающая у объекта манипуляции чувство причастности к происходящему [8, с. 142].

Экспериментально установлено, что лишь 13–14% потребителей печатной и телевизионной общественно-политической информации способны адекватно воспринимать предлагаемые им данные, т.е. более или менее четко выявлять в прочитанном или увиденном политический заказ [1, с. 43–44]. И это при том, что и читатель, и телезритель все же осознают себя пассивными выборщиками информационного канала, ибо вынуждены смотреть и читать то, что предлагает указанное СМИ. Пользователь Интернета считает себя активным выборщиком, поскольку убежден, что попал на данный информационный ресурс самостоятельно, в соответствии со своими интересами и волен обратиться к альтернативным источникам в любой момент. Это, как считается, может серьезно понизить порог рационально-критического восприятия информации.

На наш взгляд, недооцененными на сегодняшний день являются риски, связанные с проведением экстремистскими, террористическими силами политически мотивированных информационно-психологических атак с целью дестабилизации политической системы государства, социально-психологической обстановки в регионе или в стране в целом.

Эта разновидность информационного терроризма представляет собой воздействие на психику и сознание людей в целях дискредитации политических институтов власти, подрыва доверия к ним у населения, формирование в сознании людей состояния неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне. Такое насильственное информационное воздействие на психику не оставляет человеку возможности для критической оценки полученной информации. В качестве источников подобного рода атак могут выступать не только экстремистские, террористические организации и силы, но и политические противники (как отдельные личности, так и государства). Масштаб атак может варьироваться от регионального до государственного.

В качестве основы такого информационно-психологического воздействия чаще всего используются слухи, которые содержат информационную бомбу, способную вызвать страх, панику и массовую истерию в обществе. Это может быть сообщение о технологической катастрофе или о вспыхнувшей эпидемии или еще что-нибудь в этом же духе. В данном случае достигается максимальный эффект. В качестве примера можно привести ситуацию, которая возникла в Саратовском регионе. Осенью 2004 г. в саратовские СМИ был запущен слух об аварии на Балаковской АЭС, который моментально всколыхнул все Поволжье. Как выяснилось в дальнейшем, определенные неполадки на АЭС действительно были, но они не несли угрозы жизнедеятельности людей, а допускались проектным планом, для их устранения были предусмотрены все технические возможности. По заявлению официальных лиц, подобные остановки блоков на БАЭС уже были, но они никогда не вызывали такого ажиотажа [11]. По слухам же, страну ждал чуть ли не новый Чернобыль, а в Интернете даже появился сайт (aesbalakovo.narod.ru), где были размещены ложные сообщения о погибших и раненых, с фотографиями плохого качества. Так же на сайте сообщалось о распространении радиационного облака в сторону соседних областей. В результате в Балаково, Саратове и ряде других городов Поволжья началась массовая паника населения. Люди стали скупать йод в аптеках, забирать детей из детских садов, изолироваться в собственных квартирах, в некоторых учебных заведениях были отменены занятия и т. д. В данном случае в качестве информационной бомбы был использован слух о техногенной катастрофе.

Другой информационный взрыв произошел в информационном пространстве Саратовской области в декабре 2009 г., когда в интернет-СМИ появилась информация о вспышке легочной чумы, о закрытии города на карантин и санитарной обработке зараженной территории с воздуха. Первая информация на эту тему появилась на интернет-сайтах информационных агентств «Четвертая власть», «Взгляд-инфо», «Rumorologi» и интернет-блогах. В частности, получил широкую известность в дальнейшем удаленный «живой журнал» одного из студентов СГМУ, в котором упоминалось о признаках легочной чумы у умерших. Затем информация стремительно стала распространяться

через неформальные каналы, сети межличностного общения, главным образом через звонки родственникам и знакомым, а также через интернет-форумы. Тем самым реализовывалась двухступенчатая модель коммуникации, когда информация через интернет-СМИ воздействовала на так называемых лидеров мнения, а те в свою очередь распространяли ее дальше, усиливая воздействие первичной информации.

Особенность запущенного слуха заключалась еще и в том, что он вызвал эффект коммуникационного резонанса. Во-первых, общество (т.е. адресат сообщения) уже заранее в неявном виде было готово к сообщениям подобного рода, так как именно в этот период наблюдалась вспышка заболеваний, вызванных высокопатогенными штаммами вируса гриппа. Фиксировались и придавались огласке случаи летального исхода заболеваний. Во-вторых, СМИ активно поддерживали эту «повестку дня», не только подробно освещая деятельность городского штаба по борьбе с гриппом, но и распространяя ложные слухи со ссылками на достоверные источники. Так, в новостной ленте «Взгляд-инфо» со ссылкой на областную службу спасения сообщалось, что опрыскивание действительно запланировано, и ночью в воздух должны подняться вертолеты с дезинфицирующим веществом.

В результате такого коммуникационного воздействия в городе началась паника, возникли трудности у операторов сотовой связи, люди стали бояться выходить вечером на улицу. Некоторые саратовцы даже обратились через Интернет к президенту Д. Медведеву с тем, что местные власти якобы скрывают масштаб эпидемии. Из Саратова паника быстро стала распространяться на соседние города области — Энгельс, Балаково и т.д. Возникла реальная угроза паники и в соседних областях, куда также стала доходить ложная информация. Образно выражаясь, «ударная волна» стала распространяться дальше от «эпицентра взрыва», поражая общественное мнение, и авторитет местной власти.

Доказательств того, что за этим стояли какие-то экстремистские силы выявлено не было, никто на себя ответственность за эти информационно-психологические атаки не взял. Но это не означает, что данные технологии не будут использоваться террористическими силами в будущем. На наш взгляд, вероятность повторения подобных ситуаций с использованием Интернета довольно высока, так как по-прежнему отсутствуют законодательные механизмы, регулирующие отношения в виртуальной среде. Кроме того, нельзя недооценивать существующие риски, связанные с пропагандой экстремистских идей и вербовкой сторонников через Интернет, с использованием популярных коммуникационных форм. В ближайшие годы, по мере информатизации российского общества, увеличения численности российской интернет-аудитории, можно прогнозировать рост количества экстремистских интернет-ресурсов и активности экстремистских элементов в социальных сетях.

Библиографический список

1. *Адамьянц Т.З.* Проблема диалога в общении с экраном: миллион картинок экрана — одна «картина мира» телезрителя // Мир психологии. 2000. № 2.
2. *Вейман Г.* Как современные террористы используют Интернет. Специальный доклад № 116. URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=949&more=1&c=1&tb=1&pb=1>.
3. *Газизов Р.Р.* Информационный терроризм // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: РИО БашГУ, 2003. Часть 1. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20034/30.htm>.
4. Измерение информационного общества. ITU, 2010. URL: <http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/2010/index.html>.
5. Интернет в России. URL: http://bd.fom.ru/report/map/bntergum07/intergum0703/pressr_130611.
6. Киберпреступность в России увеличивается. URL: http://www.eurosmi.ru/kiberprestupnost_v_rossii_uvelichivaetsya.html.
7. *Льюис Джеймс А.* Оценка риска кибертерроризма, кибервойны и других киберугроз // Терроризм в России и проблемы системного реагирования/под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. URL: http://www.crimas.ru/5_izdani/books/2004_isbn_6/index.php?file=3.
8. *Морозов И.А.* Информационная безопасность политической системы // Полис. 2002. № 5.
9. *Петухов В.Б.* Интернет как фактор информационного воздействия терроризма на социум-XXI // Свободная мысль. 2008. № 1.
10. *Рыбакова Е.Е.* Кибертерроризм как одна из разновидностей киберпреступности: понятие и виды // Терроризм в России и проблемы системного реагирования/под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. URL: http://www.crimas.ru/5_izdani/books/2004_isbn_6/index.php?file=3.
11. Такой внезапный мирный атом. URL: <http://www.saratoff.ru/articles/incidents/0/501>.
12. *Тропина Т.А.* Терроризм с помощью Интернета // Терроризм в России и проблемы системного реагирования/под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. URL: http://www.crimas.ru/5_izdani/books/2004_isbn_6/index.php?file=3.
13. Федеральный список экстремистских материалов. URL: <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/fedspisok>.
14. Digital economy rankings 2010. Beyond e-readiness. URL: <http://www.edemocracy-forum.com/2010/07/digital-economy-rankings-2010-beyond-e-readiness.html>.

БУМАЖНАЯ ЭЛИТА

П. Л. Карабущенко¹

В статье рассматривается соотношение таких понятий, как «элита» и «псевдоэ-лита», выясняется особенность формальной элиты, которая имитирует элитность, используя для этого методы черного PR. В связи с этим автором задается вопрос — насколько существующая «элита на словах» реализует свой потенциал в делах? Многие из того, что делает такая элита, делается ею исключительно на бумаге, которая, в конечном счете, и заменяет ей самой реальность.

Ключевые слова: элита, элитология, бумажная элита, бюрократия, чиновники.

In article is considered correlation such notion, as «elite» and «pseudoelite», is realized particularity of formal elite, which imitate elitism, using for this methods black PR. In this connection author is assigned question — insofar existing «elite on word» realizes its potential in their own deal? The great deal from that that does such elite, is done by her on paper solely, which, eventually, and changes her most reality.

Key words: elite, elitology, paper elite, bureaucracy, officials.

Политическая практика показывает, что параллельно с «живой элитой» существует «неживая», формальная, бумажная элита. Элита оказывается не элитой, а её имитацией, воплощённой в чиновнике-управленце, повелителе бумаг, ведь главным продуктом профессиональной деятельности бюрократии является деловая бумага. Чем больше у бюрократии возможности производить ненужных бумаг, тем выше их произвол и тем глубже бывает укоренившаяся в них коррупция. Основанная на этих принципах власть порождает и соответствующий тип элит, для которых главным становится не элитность, а манипуляция власти и удержания своего высокого и дающего известные преимущества и неизвестные привилегии статуса.

В нашем понимании элитология — это комплексная наука, занимающаяся анализом элиты (формы), элитности (качества её содержания) и элитизации (процесса развития этого качества). Если мы в ходе элитологического исследования обнаруживаем форму без содержания и возможного развития, то го-

¹ Карабущенко Павел Леонидович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Астраханского государственного университета. Эл.почта: Pavel_karabuschenko@mail.ru

ворить о том, что перед нами элита, мы может лишь условно. Элита по форме, но не по содержанию — обычное явление политического бытия XX столетия. Квазиэлитой сегодня никого уже не удивишь. Но именно с этими псевдоэлитами и должно в первую очередь бороться гражданское общество, если оно уважает своих граждан.

Делопроизводство элит — это не только издание законов, указов и приказов нижестоящим, но и рутинная бумажная волокита, бесконечные протоколы согласования, совещания. Если главный функционал элиты определяется изданием приказов и их отправка по нижестоящим инстанциям, то такая элита всем прочим достоинствам будет предпочитать свой административный ресурс. Сама возможность быть указующим бюрократическим перстом будет для них означать вхождение в касту начальства, под которым и будет пониматься элита.

В современной России бюрократическая нагрузка на общество приобрела угрожающий масштаб, оказывает на него чудовищное давление. Бумагоделанье — вот основное занятие такой элиты. Без бумажки такая элита не мыслит себя и свое существование. Сама бюрократия окончательно и бесповоротно погрязла в бумагах и утонула в бумажной волоките. Чрезмерная бюрократизация скрывает не только неэффективную систему управления, но и коррупцию. По тому, насколько власть бюрократизирована и коррупционирована, можно судить о моральных и профессиональных качествах её элиты.

Профессиональная деятельность политической элиты сводится не только к осуществлению своих властных полномочий, но и к тому, чтобы служить аксиологическим и акмеологическим примером для других, в первую очередь для нового поколения. Если пример этот оказывается не качественным, или даже напротив не «хорошим» (акме), а «дурным» (актиакме), то тогда возникает потребность в пересмотре тех ценностей, на базе которых существовала та элита. У каждой элиты существует своя система ценностей, которая и определяет ее лицо.

По качеству производимой бюрократией бумаг, мы можем судить о качестве самой бюрократии. Современная же бюрократия весьма успешно подменила собой политическую элиту. Элитология уже отреагировала на эту подмену, начав именовать такую управленческую элиту «политико-административной». Главной сущностью такой элиты оказывается ее статус и административный ресурс. Именно эти два условия и требуют от такой элиты подкрепления в виде официальных документов, которые бы свидетельствовали о том, что они на самом деле являются элита. При этом всех интересует именно формальная сторона вопроса — имеет субъект элиты соответствующий чин или нет? На первый план выходит симуляция и имитация элитности.

Уровень бюрократизации выражается в количестве ненужной документации и в развитости коррупционных связей. Не ищите коррупцию там, где мало бумаг. Ищите её там, где чиновники создают бумажные завалы и бюрократическую волокиту. Ищите её там, где чиновники переводят профессиональную свою деятельность в непубличную область социально-политического бытия. Деловая бумага (быть то указ, приказ или постановление) всегда будет ширмой для подобной ненормативной деятельности власти. Но представить себе бюрократическую элиту без коррупции в настоящее время просто невозможно. Это по существу криминальная бюрократия и криминальная элита. Главное преступление современной «элиты» заключается в том, что она выдает себя за элиту, элитой по существу не являясь.

Бумажная элита — это элита бумажного государства. Еще русский писатель А. Платонов как то заметил, что бюрократическое государство — это «государство, держащееся на чтении книг, газет... Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежка, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетется мелочью, третья и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой» [5, с. 108]. Именно свою суету элита и выдает за свою профессиональную работу. Если мы ставим такой диагноз ныне правящей элите, то из этого следует, что то, что мы принимает за элиту, оной не является.

Бумажная элита существует и действует преимущественно на бумаге. Она виртуальна. Её реальность измеряется длиной создаваемого ею свитка. Современная российская элита просто потонула в ворохе бумаг, но этот бумажно-чернильный омут является благодатной средой для обитания всего российского развитого чиновника, казнокрада и волокитчика по определению. Бумажная элита — это имитация элиты.

Бумажная элита считает, что записав на бумаге о своих намерениях, они решают все проблемы. Но запись (фиксация) намерения это еще не её реализация. Однако для бумажной элиты этого акта оказывается достаточным для того, чтобы считать запланированные действия (мероприятия) свершенными. Через время только эти записи и будут свидетельствовать о том, что в реальности это заявка была исполнена, хотя её на самом деле никогда в объективной общественной реальности могло и не быть.

XX век стал временем сожженных бумаг. Именно в это время расплодились секретные архивы, хранящие страшные политические тайны. Но большая часть документов была все-таки заблаговременно уничтожена. Особенно бумаги часто горели в переходный период, когда старая элита замечала следы своей ненормативной деятельности, уничтожая накопленный на себя компромат. Уничтожая бумагу (документы), они уничтожали саму память о себе. Элитологии и истории придется заниматься самой настоящей охотой за артефактами элит прошлого, оставивших после себя горы пепла сожженных архи-

вов. Потому и горят архивы политиков, что они оказываются никому не нужными, особенно для самих политиков, поскольку больше компрометируют их, чем прославляют.

Когда поток бумаг достигает своего критического состояния, подчиненные и сама элита утрачивает чувствительность и у неё притупляется восприятие исходящей к ним стандартной (чаще всего никому не нужной и пустой информации). Крах элиты может быть спровоцирован обвалом никому ненужных «деловых бумаг». Осенью 2008 г. мы увидели такой обвал никому ненужных бумаг в США, названный мировым финансовым кризисом.

Но есть проблема и иного рода. Низкое качество издаваемых государством законов, порождает необходимость их постоянного обновления. Законы морально стареют гораздо быстрее, чем стареет бумага, на которой они были написаны. Если законы несовершенны, то это свидетельство неполноценности той политической элиты, которая их в свое время принимала. Поэтому все праздничные и торжественные отчеты элиты о том, что они перевыполнили в этом квартале план по изданию законов, в сравнении с предыдущим, ничто иное, как PR-кампания, не имеющая никакого отношения к истинному положению дел. Количество здесь идет во вред качества, которое не успевает совершить свой диалектический скачок в развитии, потому что тонет в море бесполезного количества. Конституция США существует уже более 200 лет именно благодаря заложенному в ней качеству политических идей. Законодательная мысль российской политической элиты не может похвастаться подобным качеством, поэтому берет количеством. Бумаги плодятся в суе власти и чем суе власть, тем ниже качество этих деловых бумаг, тем больше у нас оснований считать их не деловыми, а имитацией дела.

Такую информацию лучше всего охарактеризовать как мусор (бюрократический спам). Единственное, что способен в совершенстве делать этот хлам — собирать пыль. Чем больше на таких «документах» пыли, тем больше уверенности в том, что они никому не нужны. Но их произвели. Следовательно, кто-то маскировал свою никчемность (формальную элитность), имитируя элитную деятельность. Продукт формальной элиты — формальная элитарная ценность, которая по сути своей оказывается ложной ценностью, служащей формальным оправданием того, что кто-то формально является элитой.

Настоящих элит в этой ситуации, по сути, нет. Прикладная элитология занимается изучением ветряных мельниц. Аналитическая элитология исходит из того, что существуют определенные критерии элит, которым статусная элита не всегда соответствует. Она учит то, какой элита должна быть, если реализует все самое лучшее в себе и в других. Принципы лучшего должны распространяться не только на одну элиту, но и на все общество в целом.

В современном российском обществе стало модным рассуждения о том, что в нас нет нормальной (настоящей) элиты, а вместо неё существует некий

суррогат, некий фантом элиты, ее подделка. И действительно, в существующей элите фальшь чувствуется практически во всем. В России действительно утвердился имитационный и манипулятивный тип элит, который манипулирует не только обществом, но и самим собой. Для такой «элиты» главным является чин, привилегии, власть. При наличии высокого уровня эгоцентризма, всё это делает чиновника невыносимым бременем для нарождающегося гражданского общества.

Все тайны чиновничьего класса заключаются в личном портфеле чиновника. Поэтому всегда интересна и занимательная тайная история чина, а не его парадный портрет. От чиновничества практически невозможно получить прямого и точного ответа. Оно всегда почему-то предпочитает солгать, чем сказать правду. Элита умирает во лжи и оживает в правде. Если элите легче бывает солгать, чем сказать правду, значит это ложная элита. Живая элита та, которая говорит о себе и об обществе преимущественно правду и лишь в крайней нужде прибегает к неточности.

У псевдоэлиты своя шкала ценностей, своя аксиология. «Отвлекаясь от односторонней трактовки элиты как группы политических лидеров, ее можно определять как авангард любой социальной общности человечества, страны, нации, ее наиболее активной части. Это творцы культурных норм, зачинатели социальных преобразований, те, кто выполняет роль разведчиков социума. Сказанное относится не только к элите человечества, но и к элитам биологических популяций» [1, с. 81].

Нынешнее состояние, которое переживает российское общество, можно назвать как «смерть элиты». Это не значит, что элита была и вдруг умерла. Это означает, что ныне существующая «элита» является мертворожденным объектом, так никогда и не ставших активным субъектом истории. Элита мертва, потому что лишена творчества. Вместо творческого подхода к действительности, она нарочито демонстрирует свои псевдокреативные способности (перманентные реформы, без вразумительного начала и какого-либо понятного конца). Элита пытается родить самую себя, но у нее всегда получается только выкидыш — квазиэлита.

Главной чертой такой элиты является коррупция, как цель и смысл её существования. Она делает всё для того, чтобы осуществлять свою ненормативную деятельность в ущерб остальному обществу. В идеале лучшее должно стремиться к благу. На практике худшее делает хорошее только для себя одной. Называть такую общность элитой значит идти против совести и здравого разумного разума.

Политическая элита так и не определилась со своей культурной принадлежностью: кто она — западная, евразийская, славянофильская, гиперборейская? Вариантов много, но самый точный, на наш взгляд, — это культура эклектизма. Ничего своего, все намешано и перевернуто, поставлено с ног на голову. Каково

мировоззрение, такова и культура. А мировоззрение настоящей элиты власти и впрямь эклектическое — здесь тебе и готика, и классика, и барокко с постмодернизмом в придачу. А самое главное, у этой «элиты» мы никогда не найдем своего собственного «Я». Оно затерто, отодвинуто на какие-то далекие затворки, где его и не видно, и не слышно.

У эклектики есть одна особенность — она принадлежит всем, при этом оставаясь ничейной. «Ничейность» — её главная характерная черта. Но культурная эклектика — это химера. Её мы и наблюдаем в символике современного российского государства и в официальной неписанной идеологии правящей партии. Эклектика стала нормой. Современная эпоха — это время политической эклектики. Поэтому нам не приходится удивляться тому, что и сами элиты страдают эклектизмом, интеллектуальной непоследовательностью и нравственной непостоянством.

Продуктом деятельности антиэлиты может быть только антиполитика, которая создает ту питательную среду, благодаря которой и продолжает существовать антиэлита. Бумажные заносы и засоры в управлении могут породить видимость власти и создать иллюзию активной управленческой деятельности. Все эти виды занятий нуждаются в приставке «анти-», поскольку являются ложными по своей сути объектами.

Когда политическое действие ограничивается плоскостью какого-либо документа, который лишь один и свидетельствует о намерениях властей что-либо сделать, то мы, по сути, имеем дело с антиполитикой и с антиэлитой. Пустой и незавершенной элита быть не может. Она представляет собой рационализированное превосходство, которое само говорит за себя, и о котором говорят другие соответствующим образом.

Историю творят герои, а пишут — мещане, стремящиеся через это приобрести себе личное дворянство. И главным в их работе оказывается не качество слова, а количество исписанной (т.е. испорченной) бумаги. Но современная элита берет количеством. Использование качества — это не её метод, ибо кроме административного ресурса больше никаких иных элитных качеств за этой элитой не числится. Такая элита оказывается без элитности и элитизации. Она существует лишь по форме, но без должного содержания. Бюрократия полностью подавила и вытеснила из властных структур самих политиков, а самой быть политиками у бюрократии не хватает сил. Поэтому чиновники начинают играть в элиту, для чего активно привлекают и используют самые различные PR — технологии. PR в нашей политической повседневности оказывается больше, чем реальных политических актов. Заменив политиков на чиновников, квазиэлита заменила политику на PR — акции. Она формализует свои отношения с обществом и требует от него такого же формального признания своей власти над ним. Неважно, какая практика, важно, чтобы на бумажке (в отчетах, программах и в учебниках) было все в порядке.

В настоящее время в России чиновничья элита полностью подменила собой элиту политическую. Сегодня чтобы войти во власть, нужно быть не политиком, а чиновником. И чиновники активно пользуются этим, насаждая везде свои правила, свои принципы. Но самое главное — чиновники-политики действуют не по закону, а по команде. Они послушны воле начальства и пренебрежительны к голосу народа. Борьба с чиновничьим произволом фактически и сводится к борьбе с бюрократической бумагой.

Поворот от авторитаризма к демократии в России сопровождался усилением фарисейства правящих элит. Это, по существу, и был фарисейский проект. Демократия стала своеобразным идеологическим прикрытием для правящей группы лиц. Прикрытием, через которое все равно просвечивала их авторитарная сущность. При сложившейся избирательной системе и законе о политических партиях, власть в России фактически выбирает сама себя. При этом она вполне успешно обходится без объективного мнения народа, который она успешно заменила своим административным ресурсом.

Бюрократическое море — главная проблема нового тысячелетия. XX век уже в нём тонул, и тонул не раз. Бюрократия побеждала и переживала все политические режимы и политические идеологии. Её мимикрия просто фантастична. Разгрести бумажные завалы можно посредством герменевтической селекции, которая позволяет отсеивать не только ненужный материал и выделять самое важное, но и позволяет подвергать его детальному анализу. Для бюрократии ничего не может быть страшнее герменевтики. Герменевтика — это разоблачение бюрократической бессмыслицы, ибо с её помощью мы имеем доказательство того, что большая часть имеющихся «деловых» и «официальных» бумаг представляют собой маскировку профессиональной несостоятельности бюрократии.

Текст оказывается единственным местопребыванием власти, в то время как народ вообще оказывается вне истории, вне текста, ибо является безмолвствующим большинством. Такое текстуальное болото выгодно тем, кто привык прятаться за мифами и имитировать свою реальность. Главным врагом для бумажного болота будет являться герменевтика, посредством которой это болото может утратить свою сущность. Элиты не любят, когда кто-то начинает с пристрастием разбирать их бумаги. Ничто так не дискредитирует элиту, как её собственная неполноценность.

Научиться правильно разгадывать текст, значит научиться управлять теми, кто этот текст создает и теми, кто находится в зависимости от него. «Текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей; заблудившись в этой ткани (в этой текстуре), субъект исчезает подобно пауку, растворенному в продуктах своей собственной секреции, из которых он плетет паутину» [2, с. 517]. Разобраться в таком переплетении информации бывает неподвластно даже тем, кто создает свою собственную информационную про-

дукцию. Политическая герменевтика позволит не только устанавливать подлинное качество текста, но и сортировать и отсеивать не нужное количество.

Использование современных высоких технологий вряд ли избавит нас от формализма элит. Бумажной элите нетрудно будет трансформироваться в электронную элиту, но доступ к информации здесь будет более открытым, чем в бумажной элите. Исследования российских ученых показывают, что интернет-пространство делает чиновников более открытыми, а их деятельность становится все более прозрачной [4, с. 2]. Следовательно, возрастет интеллектуальная составляющая чиновничества, ибо от неё потребуются такое качество, как умение быть открытой (что ей удавалось в крайне редких случаях). Уже сегодня отмечается, что примерное ведение блогов может стать основанием для продвижения по карьерной лестнице чиновника [3, с. 2]. Новые технологии открывают новые возможности — теперь станет меньше вороха бумаг в кабинетах высокого начальства, зато появится новое информационное море в системе Интернет. Но вряд ли это избавит нас от политического спама, которым уже забито наше информационное пространство (не в малой степени благодаря и таким акциям, которые регулярно устраивает пресловутый WikiLeaks). Политическая герменевтика должна научиться устанавливать не только авторов текста, но и заказчика самого материала. Только всесторонний анализ информации и персонального состава участников, позволит сделать точные выводы о том, с чем мы имеем дело? Политическая элита должна в первую очередь бояться таких разоблачений. В потоке же спама ей проще бывает скрывать своё истинное лицо и уходить от ответственности. Именно поэтому и существует бумажное море бюрократической продукции, маскирующее порой весьма неприглядное лицо (личину) правящей элиты. Положить конец этим спекуляциям может только развитое гражданское общество, благодаря своим знаниям в области элитологии и политической герменевтики.

Библиографический список

1. *Ашин Г. К.* Элитология и обществознание // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4 (25).
2. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
3. *Веденская А.* Чиновничий твиттер-кодекс // Независимая газета. № 249 (5162). 18.11.2010.
4. *Григорьева Е.* Вся власть — интернету // Известия. № 236 (28251). 16.12.2010.
5. *Платонов А.* Записные книжки: Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ

.....

Г. Г. Патарая¹

В статье анализируются причины изменения статуса русского языка на постсоветском пространстве, приводятся многочисленные данные о положении русского языка в Грузии. Автор рассматривает влияние статуса русского языка на процесс формирования имиджа России в Грузии, особо подчеркивая роль СМИ.

Ключевые слова: имидж России, языковая политика, статус русского языка, постсоветское пространство, средства массовой информации, политическая повестка дня.

The article analyzes the reasons for changing the status of Russian language in post-Soviet space. The author, causing numerous data on the status of Russian language in Georgia, examines its impact in the process of forming the image of Russia in Georgia, emphasizing the role of the media.

Key words: Russia's image, language policy, the status of Russian language, post-Soviet space, the media, the political agenda

Эффективное формирование позитивного имиджа страны дает возможность успешно лоббировать свои интересы, улучшать инвестиционный климат, получать дополнительные ресурсы развития. Имидж становится инструментом, который способен не только легитимизировать определенный политический курс, но и закреплять позитивные или негативные установки массового сознания на длительный период. На формирование политического имиджа государства могут влиять различные факторы: законодательная база и преемственность власти, характер политического режима, политическая стабильность, свобода слова, интерпретация исторического прошлого. Немаловажным фактором формирования имиджа современной России, особенно на постсоветском политическом пространстве, является проводимая

¹ Патарая Георгий Геннадьевич — аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: pataraia.george@mail.ru

в новых независимых государствах языковая политика, в том числе политика по отношению к статусу русского языка.

К числу важнейших ресурсов, оставленных Российской империей и советским периодом в наследие новым независимым государствам, относится русский язык. Ценность этого наследия трудно переоценить: для его накопления в свое время, не говоря уже об экономических затратах, потребовались колоссальные усилия политического, научного, социального и культурного характера. В русский язык как институт были вложены огромные средства и его наследниками являются все жители новых независимых государств. Русский язык в советское время служил важнейшим инструментом конструирования многонациональной общности — советского народа, после развала страны это символическое поле стало стремительно ослабевать, а молодые независимые государства оказались в ситуации потери устойчивых идентификационных ориентиров. Одним из главных факторов формирования национально-государственной идентичности стал язык, а именно, статус национального языка [11, с. 124]. Установление государственного языка можно рассматривать как часть общего консолидационного процесса, но при этом следует иметь в виду, что ему в большей или меньшей степени сопутствует процесс ассимиляции. Поэтому принцип свободного развития национальных языков должен тщательно соблюдаться, опираясь на законодательно закрепленное равноправие языков и создание оптимальных условий для развития всех бытующих на территории данного государства национальных языков [9, с. 41].

Роль русского языка на постсоветском пространстве обсуждается общественностью, экспертами и политиками, эта проблема стала предметом научного интереса политологов [1;2;3;4;9;11]. Как полагает К.П. Боришполец, тенденция в снижении статуса русского языка на постсоветском пространстве обусловлена как объективными, так и субъективные моменты. К первым относятся: утверждение статуса государственного языка за титульными национальными языками, сокращение количества этнических русских как основных носителей русского языка и культуры, переориентация молодежи на знание европейских языков и языков крупных стран регионального окружения. Ко вторым — неблагоприятные политические условия для распространения русского языка, вытеснение его из сферы коммуникации, сокращение русскоязычных образовательных учреждений и ухудшение их материального обеспечения [4, с. 40]. На сокращение распространения русского языка на постсоветском пространстве, считает автор, в большей степени влияет не прагматический выбор населения, а политика официальных властей, создающая искусственные ограничения для русскоязычных коммуникационных ресурсов. Нередко элиты новых независимых государств создают и поддерживают немотивированные мифы и страхи в отношении России, преследуя свои собственные политические цели. Бесперспективная ностальгия, старые обиды и идеологические кли-

ше образуют гремучую смесь, которая препятствует трезвому взгляду на действительно актуальные проблемы, в том числе и проблему русского языка.

Понимание этого обстоятельства обусловило российские инициативы по реализации федеральных целевых программ «Русский язык» (2002–2005/2006–2010 гг.), а также таких важных акций, как провозглашение 2007 года «Годом русского языка» [12, с. 7]. К сожалению, эти и другие инициативы появляются в контексте реактивной политики: русский язык долгое время существовал без необходимой поддержки, что повлекло за собой не только негативные тенденции, но тревожные признаки разрушения этого коммуникативного института на постсоветском пространстве.

По мнению экспертов, по степени рисков, которым подвергается сегодня русский язык на постсоветском пространстве, безусловно, лидирует Грузия [4, с. 41]..

В XIX в. И. Чавчавадзе всесторонне приветствовал и поддерживал стремление грузинского народа изучать русский язык в качестве государственного языка: «Мы хотим изучать русский язык, — пишет И. Чавчавадзе, — и даже очень хотим, не только потому, что он нам нужен в качестве государственного языка, но и потому, что его литература способна дать мыслящему человеку подлинную духовную пищу. Этот язык — наше оружие везде и во всем, коль скоро мы выйдем за пределы нашей отчизны. Но обучение русскому языку должно протекать таким образом, чтобы учащиеся получали настоящие знания, хотя бы такие, чтобы человек мог их использовать в жизни» [7, с. 60]. На протяжении XIX и XX вв. русскому языку уделялось большое значение, он сохранял статус государственного языка. Борьба за государственный статус грузинского языка началась в 1978 г., когда из проекта новой конституции была изъята статья, касающаяся статуса грузинского языка как государственного, на территории Грузинской ССР. В связи с этим 14 апреля собрался многотысячный митинг перед нынешним зданием Парламента Грузии, где проходило заседание высшего руководства Республики. С тех пор 14 апреля в Грузии отмечается как день «родного языка» [13, с. 312–313].

Сложный путь постсоветских политических трансформаций привел к смене власти в Грузии путём революции, которая получила название «революция роз», приходу на президентский пост М.Н. Саакашвили. Взаимоотношения между Российской Федерацией и Грузией обострились, основными причинами тому послужили смена политического курса Грузии, явная антироссийская политика со стороны правящей элиты, стремление Грузии вступить в НАТО и Евросоюз.

На сегодняшний день, по действующей конституции Грузии принятой 24 августа 1995 г., государственным языком на территории Грузинской Республики является грузинский язык [8, с. 5]. Русский же выступает языком националь-

ного меньшинства в связи с ратификацией рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств в 2005 г. [12, с. 27].

Сегодняшняя ситуация, которая сложилась с русским языком в Грузии, оставляет желать лучшего. Так, по данным исследования, проведенного фондом «Наследие Евразии», доля взрослого населения Грузии, свободно владеющего русским языком, не превышает 30%. А из 171 школы с русским языком обучения осталось 59 [12, с. 111]. По данным этого же исследования, 22% населения желают начать изучать или повысить уровень владения русским языком, и только 5% учащихся обучаются на русском языке. По данным опросов проведенных в 2006 г., 30% опрошенных заявили о желании повысить свой уровень владения русским языком, а в 2007 году таких респондентов стало значительно меньше — 22%. [12, с. 142].

Обострение двусторонних отношений между Грузией и Россией сказалось на предпочтениях населения, связанных с получением российского образования. Легче всего в Грузии найти работу с американским или европейским дипломом, а с грузинским или российским — сложнее. Турецкий диплом воспринимался как менее значимый. В 2007 году по ответам на вопрос о предпочитаемой стране получения образования были получены следующие оценки: Грузия (37%), ЕС (29%), США (15%), Россия (11%) и Турция (менее 1%) [12, с. 143].

Фондом «Наследие Евразии» приводятся данные использования русского языка в семейном общении, где только 1% общается на русском, 5% — на русском и титульном, 86% — на титульном и 8% — на другом языке. В ходе исследования выяснилось, что близкая картина наблюдается и при анализе практики использования русского языка в общении вне работы (с друзьями и знакомыми), а также в профессиональной сфере жизни (на работе и в учёбе). Сегодняшняя молодёжь Грузии перестает обучаться настоящему, грамотному русскому языку. Свидетельство тому — данные, опубликованные национальным экзаменационным центром Грузии: при сдаче аттестационных экзаменов по иностранному языку (по выбору) выпускниками средних образовательных школ самый низкий показатель был зафиксирован по русскому языку, а высокий — английскому [6]. Представители разных этносов общаются в современной Грузии на грузинском, а не на русском, а языком науки и внешних связей стремительно утверждается английский язык. По словам президента Грузии, «обучение английскому языку дает молодёжи большие возможности для ознакомления с новыми достижениями мировой науки и литературы. Если раньше все учили русский язык, потому что вся литература была на этом языке, то теперь английский, потому что она — литература, на английском» [5].

Так называемой «англонизации» способствует программа Министерства образования и науки Грузии — «Научи и обучись вместе с Грузией» [10] — которая предусматривает изучение грузинской молодёжью западной и европейской культуры, получение информации о ценностях и культуре в непосредственном

общении с их носителями. Для реализации данной цели Министерство образования в период учебного года (в 2010–2011 гг.) привлекло тысячу преподавателей английского языка из разных стран.

Как современный статус русского языка влияет на процесс формирования имиджа России в Грузии? Влияние грузинских средств массовой информации на формирование имиджа России велико, так как большая часть населения получает информацию в основном из грузинских источников, где доминирует официальная, правительственная точка зрения на происходящее. Роль средств массовой информации «производителя» имиджа, в данном случае Российской Федерации, для большинства населения Грузии незначительна. Вещание Российских телевизионных каналов осуществляется только по спутниковому телевидению, которое доступно небольшому количеству жителей из-за материальных издержек.

По данным исследования, проведенного Кавказским исследовательским ресурс-центром², только у 14% населения проведено кабельное телевидение и у 8% установлены спутниковые «тарелки». Что касается российской прессы, то её присутствие на грузинском рынке очень скудно. В Грузии печатаются только три российские газеты («Совершенно секретно», «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда»), завозятся «Литературная газета», «Оракул», «Спорт-экспресс» и различные так называемые «гламурные» журналы. Что касается крупнейших медиа-холдингов России, «не видно здоровой агрессии в продвижении своей продукции за рубежом, поэтому свращение влияния российских СМИ на постсоветском пространстве происходит зачастую без всяких целенаправленных усилий властных структур новых независимых государств» [3, с. 109],

По мнению экспертов, повсеместно происходит переход роли главного ядра потребителей русскоязычной информации от читателей печатных изданий к пользователям Интернетом, что определяет зависимость перспектив русского языка не только от массы говорящего на нем населения, но и от относительно низкого уровня информатизации большинства стран постсоветского пространства [4, с. 41]. По данным на 2009 г. вышеупомянутого исследовательского ресурс центра, в Грузии владеют компьютером в возрасте от 18–38 лет — 44% населения, от 39–59 лет — 18%, от 60 и выше — 4%. Каждый день в Интернет выходит 12% населения, в неделю 5–6 раз — 2%, в неделю 3–4 раза — 3%, в неделю 1–2 раза — 3%, редко — 6%, никогда — 72%, не знает/нет ответа — 1%. Таким образом, электронные ресурсы не могут быть основным источником информации для большинства населения.

Ключевую роль приобретают средства массовой информации грузинского государства; формируя «политическую повестку дня», они фокусируют внима-

² Сайт Кавказского исследовательского ресурс-центра // URL: <http://www.crrc.ge>

ние аудитории на определенных событиях или явлениях, используя в основном технологии «включения» мифологического и стереотипного сознания. Формирование информационной повестки дня происходит с помощью некоего набора «подсказок», которые навязывают читателям представление о том, что является наиболее важным на настоящий момент. Повторяясь, день ото дня эти «подсказки» (помещение материала в передовице, размер заголовка и т.д.) фокусируют внимание аудитории на сравнительно небольшом спектре объектов, вокруг которых и формируется общественное мнение.

По мнению К.П. Боришполец [4], продолжение линии на искусственное подавление русского языка, к чему по инерции стремятся радикальные представители национальной элиты в некоторых странах СНГ, повышает вероятность не только межнациональных конфликтов, но и обвального снижения культурно-образовательного уровня населения большинства стран СНГ, сужение массовой социальной базы современных режимов. Формирование позитивного образа России может стать эффективным инструментом обеспечения влияния России в странах постсоветского пространства, создать основу для консолидации пророссийских сил в новых независимых государствах [3, с. 3]. Важную роль в решении этой задачи может сыграть система финансовых, политических и организационных мер, направленных на поддержку русского языка в этих странах. Для Грузии особое значение будут иметь поддержка образовательных учреждений, ведущих преподавание на русском языке, целевая подготовка специалистов в российских вузах, создание ассоциаций выпускников советских и российских вузов, развитие разнообразных контактов граждан обеих стран в рамках народной дипломатии.

Библиографический список

1. *Атнашев Т.М.* Русский язык как общее наследие империи, или открытая граница // Политическая наука. 2011. № 4.
2. *Ачкасов В.А.* Язык как инструмент «строительства нации»: постсоветский аспект // Политическая наука. 2011. № 1.
3. *Беспалов С.В. и др.* Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: Евразийская сеть политических исследований, 2007.
4. *Боришполец К.П.* Русский язык в контексте политических процессов на постсоветском пространстве // Нац. интересы. М., 2008. № 3.
5. Выступление М.Н. Саакашвили перед учителями английского языка, приехавшими по программе «Научи и обучись вместе с Грузией» // Из личного архива автора.
6. Завершились аттестационные экзамены. URL: <http://www.mes.gov.ge/content.php?id=2360&lang=geo>. (на груз. яз.).
7. Исторические очерки российской колониальной политики в Грузии. Книга I. Тбилиси, 2007. (на груз. яз.).
8. Конституция Грузии. Часть первая, ст. 8. Тбилиси, 1995. (на груз. яз.).

9. *Мухарямова А. М.* Взаимодействие языка и политики в символических измерениях // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М.: МГУ, 2003. № 2.
10. «Научи и обучись вместе с Грузией»: Сайт программы Министерства образования и науки Грузии. URL: <http://www.tlg.gov.ge/content.php?id=95&lang=geo>.
11. *Рахимуллина Г. З.* Роль языка в формировании национальной идентичности (на примере Центральной Азии) // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей. М.: ИНИОН РАН, 2011.
12. Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2008.
13. *Силогава В., Шенгелия К.* История Грузии. С древнейших времен и «революции роз» включительно. Тбилиси: Изд-во «Кавказский Университет», 2007. (на груз. яз.).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

.....

А. А. Ильченко¹

В статье поднимается вопрос о реализуемых властными структурами моделях политической коммуникации, степени их демократичности и о возможностях снижения конфликтных проявлений в обществе при переходе к использованию институционализированных диалоговых моделей коммуникации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, диалог, конфликт, обратная связь, доступ к информации, протестная активность.

The article raises the issue of political communication models implemented by government structures, the degree of their democratic character, and the potential for reducing conflict in society to the use of institutionalized dialogue model of communication

Key words: political communication, dialogue, conflict, feedback, information access, the protest activity.

В свете массовых беспорядков, затронувших в 2011 г. даже традиционно благополучную Англию, а в минувшем 2010 г. собравших тысячи весьма агрессивных настроенных граждан на Манежную площадь российской столицы, особенно актуализируются эффективные механизмы управления конфликтами. Тогда трагическая гибель болельщика Е. Свиридова повлекла за собой сначала выступления футбольных болельщиков под националистическими лозунгами, а затем и массовые беспорядки и погромы, участие в которых по разным оценкам принимали до 10 тыс. чел. Осознание современных политических реалий, несомненно, повышает конфликтный потенциал общественных настроений, при этом возрастает политическая иммобильность и абсентеизм. На наш взгляд, для организации эффективного взаимодействия федеральной власти и общества сама власть, чтобы получить обратную связь, должна вовлекать общество в активное обсуждение социального реформирования.

¹ Ильченко Анна Александровна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: il-aa@mail.ru.

В конце декабря 2010 г. был опубликован ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. По мнению составителей доклада, к многочисленным эксцессам и острым формам противостояния привело, в том числе, отсутствие со стороны государственных организаций и органов местного самоуправления желания вести диалог [6]. Отметим, что данная гипотеза природы социально-политических конфликтов ненова. Еще в 1986 г. основатель теории постиндустриального информационного общества Д. Белл писал: «Дестабилизация в стране случается не потому, что люди и их институты вступают в конфликтные отношения, а из-за отсутствия навыков государственной службы управлять этим процессом, диагностировать, контролировать и предотвращать деструктивные конфликты и приводить конструктивные конфликты в стадию прочного и длительного сотрудничества». Белл также утверждал, что информация и есть власть, а доступ к информации — неотъемлемое условие свободы [1, с. 338]. Согласно данным ВЦИОМ, структуры власти слабо реагируют на новые, неожиданные или кажущиеся им малозначимыми запросы отдельных групп. Реакция начинается лишь тогда, когда ситуация, по мнению чиновников, угрожает социально-политической стабильности [10]. Наличие значительных противоречий между декларируемыми в Конституции принципами открытости и прозрачности и реальной практикой осуществления гражданской службы и законодательно закрепленными обязанностями отечественного гражданского служащего отмечает в своем докладе и И. М. Дзялошинский [5]. По ряду направлений происходит постепенный рост социальной напряженности, при этом значительных подвижек в плане смены используемых властью монологовых коммуникативных практик не наблюдается. В то же время можно говорить об уверенном росте гражданской активности населения по ряду направлений: экологическая проблематика, этнические отношения, социально-экономические вопросы. Нарастание неформальной социальной активности граждан, в том числе протестной, прогнозировали еще в 2009 г. эксперты — участники исследовательского проекта «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России» [12]. О значимости проблематики раскрытия информации о деятельности властных структур в развитии информационного общества говорят и другие исследователи. Р. Даль в своих работах ключевой характеристикой демократии называет постоянную чуткость правительства к настроениям и желаниям граждан [4, с. 164].

В декабре 2010 г. на базе Кубанского государственного университета и при поддержке Института развития свободы информации (г. Москва) и Фонда поддержки местных сообществ (г. Краснодар) прошел семинар «Доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: теория и практика». Т. А. Толстенева, представитель Института развития свободы информации, отметила, что значительная доля информации не известна широкой общественности только потому, что никто не зна-

ет или не хочет знать, как реализовать свое право на доступ к информации. Это подтвердил и представитель информационно-аналитического управления администрации Краснодарского края Е. Г. Малышкин: «То, что делает власть, население должно знать и понимать, для того чтобы эти задачи были реализованы максимально эффективно. Но на данный момент информация недостаточно востребована населением, особенно сельских районов. Однако с развитием гражданских позиций населения информация наверняка станет востребованной и мы получим поток обратной связи». Несколько иную точку зрения на проблему доступа к информации озвучила Л. Абрамова, представляющая в дискуссии сторону СМИ: «По данным эмпирических исследований, более 70% специалистов СМИ получают информацию через неофициальные каналы, что в большинстве случаев говорит о затрудненности или даже невозможности своевременного получения информации через официальные каналы». В результате население «додумывает» информацию, что порождает недоверие граждан к органам государственной власти. Итоги дискуссии можно резюмировать следующим образом: развитая система политического информирования граждан, несомненно, способствует увеличению капитала общественного доверия, так необходимого для эффективного функционирования власти.

По мнению Р. Дарендорфа и Л. Козера, конфликты неустраимы и неизбежны в жизни общества. Р. Ли в свое время выразился еще более категорично: «Общество без конфликтов — мертвое общество» [13, с. 3]. Важно овладевать культурой их разрешения и создавать для этого соответствующие структуры, которые позволили бы погасить деструктивный характер их проявления и направляли бы их в позитивное русло общественного развития.

Немаловажным в эффективном и конструктивном разрешении конфликта представляется временной фактор. Зачастую процесс согласования и озвучивания позиций власти в отношении ряда вопросов значительно затянут из-за бюрократизации. При этом, чем более острой для общества является проблематика, тем быстрее нарастает конфронтация и тем значительнее конфликтный потенциал. М. М. Лебедева, ссылаясь на исследования, проведенные американским политическим психологом Ф. Тетлоком, доказывает наличие прямой зависимости между степенью конфронтации и простотой аргументации, используемой в конфликте [8]. Используется понятие «диалога глухих», эффект которого в большинстве случаев оказывается противоположным тому, на который он рассчитан, т. е. взаимопониманию. Печальную истину о «диалоге глухих» подтвердил и Д. А. Медведев в своем интервью с руководителями ведущих телеканалов страны в конце 2010 г.: «Наши чиновники плевать хотели на эту общественность, они ничего не слышат и слышать не хотят» [7]. Также было высказано пожелание о переходе общественных процессов в конструктивное направление и необходимости соблюдения установленных законом рамок.

Вопрос о необходимости перехода от «диалога глухих» и политики информирования к диалоговым коммуникативным практикам поднимается не впервые. Истоком научного изучения явлений политической коммуникации в развитых странах стали исследования пропаганды в период Первой мировой войны. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное направление было вызвано демократизацией политических процессов в мире, развитием кибернетической теории, возникновением и возрастанием роли новых коммуникационных систем и технологий в этот период.

Политическая коммуникация отражает смысловой аспект взаимодействия политических акторов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. О ключевой роли политической коммуникации в обеспечении процесса взаимодействия власти и общества, говорят и другие отечественные и зарубежные исследователи. А.И. Соловьев акцентирует внимание на преимущественном использовании властью практики информирования населения без учета гражданского запроса [9, с. 7]. Ориентированную на практические исследования классификацию политической коммуникации предлагает М.Н. Грачев [2]. Так, он различает отношения конкурентно-конфронтационного и консенсусно-договорного типа, складывающиеся между политическими акторами в ходе борьбы за власть, ее удержания и использования. В случае использования консенсусно-договорной модели, речь может идти как об отношениях координации и субординации, так и об отношениях, формально построенных по принципу сотрудничества и равноправного партнерства, но тем не менее содержащих в себе определенные управленческие моменты. А если опереться на определение политической коммуникации, данное американским политологом Л. Паем, где политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику [2], то можно сделать вывод, что коммуникативные методы, используемые властью, не в полной мере соответствуют механизмам эффективной политической коммуникации.

Однако существует проблема неполноты типологии политической коммуникации. Типологизация, предложенная М.Н. Грачевым [3] со ссылкой на работы Р.-Ж. Шварценберга, включает три основных способа политической коммуникации: коммуникацию с помощью средств массовой информации, в том числе печатных и электронных; коммуникацию с помощью организаций, в частности, политических партий, которые служат связующим звеном между управляющими и управляемыми, и групп давления; коммуникация с помощью неформальных контактов. Дополнительно выделяются и особые коммуникативные ситуации или действия, например, выборы, референдумы и т. п. При этом, по сути, отсутствует способ формализованной политической

коммуникации, предполагающий субъект-субъектное общение, в диалоговом режиме опирающееся на формальные, официальные каналы связи.

В ряде моделей политической коммуникации обращается внимание на роль элиты, которая осуществляет свою власть над остальной частью общества не непосредственно, а через промежуточные звенья — бюрократический аппарат и СМИ. Например, модель К. Сайнне [14] отражает процессы непрерывного информационного обмена, участниками которого являются акторы политической системы — элита, бюрократия и массы. И в этом процессе элиты всегда конструируют и транслируют «вниз» информацию, направленную на укрепление их собственной легитимности, на продление «мандата доверия». О подобной концепции информационного обмена рассуждает О. Ф. Шабров, утверждая, что в России реализована именно псевдосистема политического управления, в которой политическая обратная связь работает на гомеостазис самого механизма управления, а не на поддержание стабильности всей системы, общества [11]. При этом, согласно Дж. Томпсону, сама по себе коммуникативная модель не является идеологической [15]. Коммуникативная практика обретает идеологическое наполнение лишь постольку, поскольку способствует в конкретных условиях поддержанию отношений доминирования. По мнению К. Сайнне и Дж. Томпсона, современные политические элиты при использовании каналов политической коммуникации основной целью ставят повышение имиджевой составляющей, нежели инициирование и развитие диалоговых форм общения. Прежде всего, обращает на себя внимание избирательность направленности коммуникативной активности власти. То есть ряд вопросов, способных представить властные структуры с выгодной позиции, освещается максимально подробно во всех СМИ, активно муссируется. Проблематика же, не удобная для структур власти, остается «за кадром». Теории Сайнне и Томпсона позволяют рассматривать внедренные в современном обществе коммуникативные модели как весьма далекие от классических канонов, но успешно реализующие тактические цели: улучшение имиджевых показателей определенных властных структур, повешение лояльности широких слоев населения к конкретным преобразованиям или проектам и пр. Согласно классификации стратегий коммуникации властные структуры, пренебрегая конвенциональной стратегией, чаще склоняются к манипуляционной и даже конфликтной. Не вызывает сомнений эффективность данных коммуникативных практик в плане достижения поставленных целей, однако в долгосрочной перспективе подобного рода деструктивные коммуникации могут привести к нарастанию конфликтного потенциала в обществе и вызвать насильственные конфликты.

На основании изложенного можно сделать вывод о наличии зависимости между коммуникативными практиками, используемыми властью, и конфликтными настроениями в обществе. Представляется вполне обоснованной и необходимость изменения существующего соотношения информации и ком-

муникации при взаимодействии власти и общества в сторону значительного увеличения доли коммуникативной составляющей. К сожалению, на данный момент «политические сигналы» от гражданского общества, звучащие все громче и способные стимулировать развитие диалога, в результате отсутствия адекватного на них ответа преобразуются во всплески агрессии и деструктивные конфликты.

Библиографический список

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
2. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2003. № 4.
3. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n56_04_06.htm.
4. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.
5. Дзялошинский И.М. Гражданские коммуникации и гражданское общество: опыт и перспективы эффективного взаимодействия // Сборник материалов общественных слушаний «Эмпирические исследования гражданского общества». Общественная палата Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/ru/documents/1209>.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. Общественная палата Российской Федерации. URL: http://www.oprf.ru/newsblock/news/3618/chamber_news.
7. Итоги года с Президентом России. URL: <http://президент.рф/news/6450>.
8. Лебедева М.М. Особенности восприятия при конфликте и кризисе. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_konfliktologiya.
9. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3.
10. Способность политической системы реагировать на общественные ожидания и опасения в условиях преодоления кризиса. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter6.pdf>.
11. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava5.htm>.
12. Экспертные оценки в прогнозировании развития гражданского общества в России. URL: <http://www.oprf.ru/ru/documents/1209>.
13. Lee R. An Introduction. Religion and Social Conflict. New York, 1964.
14. Sinne K. Communication: Mass Political Behavior // Political Communication Issues and Strategies for Research. London, 1975. Vol. 4.
15. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990.

PR-ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ ТЕРРИТОРИИ

.....

Д. В. Мамаженко¹

На примере города Краснодара автор показывает, как при тщательном анализе социально-экономических показателей и эффективном применении PR-технологий в системе политического управления можно достичь весьма внушительных результатов в создании инвестиционного потенциала территории.

Ключевые слова: политическое управление, инвестиционная привлекательность, связи с общественностью, PR-технологии.

In this article author shows in terms of Krasnodar city how impressive results in the creation of investment potential of the territory can be achieved, while carefully analyzing social and economic indications and effective use of PR technologies in the system of political control.

Key words: political control, investment appeal, public relations, PR technologies.

В современном обществе успех любого хозяйствующего субъекта все больше зависит от привлекательности его имиджа. В качестве хозяйствующих субъектов в настоящее время выступают не только организации различных форм собственности, но и органы управления территориями (органы государственной власти и местного самоуправления), которые в ходе российских реформ последних двух десятилетий оказались в ситуации конкуренции за инвестиционные ресурсы.

В этом ключе очень актуальным становится изучение механизмов политического управления, с помощью которых достигается решение как глобальных социально-экономических проблем в масштабах целой страны, так и местных и бытовых проблем отдельных локальных сообществ.

¹ Мамаженко Диана Владимировна – заместитель начальника отдела по работе с налогоплательщиками-предприятиями промышленного комплекса департамента экономического развития, инвестиций и внешних связей администрации МО г. Краснодар; соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: dmamazhenko@krd.ru.

Исследование сферы политического управления обществом привлекало ученых еще со времен зарождения политической философии. Эти проблемы рассматривались в трудах древних мыслителей и философов эпохи Возрождения и Нового времени. В основу теоретической базы исследования тенденций и особенностей политического управления легли концептуальные положения, изложенные в трудах зарубежных ученых: Г. Алмонда, Д. Бэлла, М. Вебера, А. Гидденса, Р. Дарендорфа и др. Тем не менее в специфическом контексте становления современной политической системы и государственного и муниципального управления политическое управление остается относительно слабо исследованной сферой. Значительный вклад в изучение данного феномена внесли и такие современные отечественные ученые, как А. Павроз, В. Зими́на, Н. Борисов, О. Шабров, Е. Громгласова, Р. Мухаев, А. Панченко, В. Герменчук, А. Усягин, М. Шишков, Г. Пушкарева, А. Соловьев, М. Ильин, А. Сморгунов.

Однако в отечественной науке до настоящего времени не сложилась единая устойчивая концепция политического управления. В общих чертах политическое управление можно представить как сложный процесс выработки и реализации властно-управленческих решений, в котором принимают участие не только государственные органы, политические партии и движения, но и другие институты и организации гражданского общества, объединения граждан, социальные, этнические, конфессиональные, профессиональные, территориальные группы и общности, социальные слои и отдельные граждане [4, с. 96].

Краснодарский исследователь Н. В. Кольба следующим образом структурирует все существующие трактовки политического управления (в зависимости от того, какой ракурс интересует исследователей, а также от арсенала теоретических посылок):

1) политическое управление как совокупность отношений в процессе реализации интересов по поводу политической власти в обществе, представленной на государственном уровне и направленной на формирование и реализацию государственной политики в различных сферах политической, экономической и социальной жизни;

2) политическое управление (политический менеджмент) как механизмы управления процессами прямой и представительной демократии, международными отношениями, а также менеджерскими подходами к государственному управлению;

3) политическое управление как повседневная практика деятельности личностей и социальных групп в политике, реализация накопленного реального политического опыта, детерминированное политическими традициями, и развитие политических инноваций в рамках реализации политических интересов различных социальных институтов, групп и отдельных индивидов [2, с. 21].

В целях нашего исследования важно подчеркнуть признанный плюрализм научных подходов к пониманию данного феномена. Очевидно, оптимальный подход избирают, исходя из цели и задач каждой научной работы.

С учетом многообразия субъектов политического управления инвестиционной привлекательностью, сложности прямых и обратных связей в нашем случае будет принят структурно-функциональный подход, в рамках которого политическое управление рассматривается как часть единого социального целого (социальной системы).

Политическое управление затрагивает различные аспекты жизнедеятельности общества, в том числе и экономические процессы. А в связи с тем, что благополучие социально-экономического развития территории прямо пропорционально ее инвестиционному потенциалу, то именно на органы власти возложена ответственность за формирование благоприятного инвестиционного климата территории для привлечения частных отечественных и зарубежных инвестиций.

Важную роль в системе механизмов политического управления инвестиционной привлекательностью территорий играют инструменты связей с общественностью (PR). Как любая другая отрасль научного знания, PR имеет свои цели и задачи, предмет научного познания, объект, субъекты, категории, а также средства (инструменты), с помощью которых достигается желаемый результат.

В настоящее время инструментарий, используемый в PR деятельности, сформирован мировой наукой и практикой в достаточном объеме. Однако необходимо учитывать, что сфера PR — это динамичная, постоянно развивающаяся система эффективных действий, рассчитанных на достижение положительного (ожидаемого) результата. Следовательно, инструментарий для формирования выгодного образа также постоянно видоизменяется, пополняясь новыми технологиями, которые вполне одинаково применимы как в бизнесе, так и в государственном секторе.

Особое внимание следует уделить государственному (муниципальному) сектору. Представляется важным ответить на вопрос: какие PR-инструменты применяют органы власти для привлечения новых денежных потоков в экономику территории (муниципального образования, субъекта Федерации, страны)? Ведь в условиях рыночной экономики и здоровой конкуренции органы государственной (муниципальной) власти — это своего рода товар, которому необходимо создать привлекательный имидж для того, чтобы выгодно его «продать» различным целевым аудиториям (гражданам, зарубежным партнерам, инвесторам, межгосударственным альянсам и др.). Поэтому представители органов власти осознают, что информационное и организационное обеспечение притока средств в экономику муниципального образования, субъекта РФ, страны в целом — это задача не только бизнесменов, но и администрации. Для того чтобы решить эту задачу, на региональном и на местном уровнях раз-

рабатывается и реализуется инвестиционная стратегия, направленная прежде всего на создание благоприятного имиджа территории, олицетворяющего комфорт как для жизни населения, так и для ведения бизнеса.

Эффективная инвестиционная стратегия невозможна без политического управления инвестиционными процессами. К механизмам такого управления относится применение специальных PR-инструментов органами власти. При этом PR здесь направлен на все аспекты жизнедеятельности территории: внешняя привлекательность, архитектура, экология, безопасность, инфраструктура, экономика, культура, спорт, социальная среда, уникальные особенности территории и др.

В качестве наглядного примера применения PR-инструментов для привлечения инвесторов в экономику города и развития внешнеэкономических связей рассмотрим PR-политику, проводимую администрацией муниципального образования город Краснодар.

Исходя из Стратегии инвестиционного развития муниципального образования город Краснодар, «управление инвестиционными процессами органами местного самоуправления должно быть целенаправленной деятельностью как по созданию условий для привлечения и удержания инвестиций на территории муниципального образования, так и по воздействию на инвестиционную деятельность хозяйствующих субъектов...» [8]. За многие годы работы уже сформирован значительный инструментарий, задействованный администрацией города при налаживании контактов с инвесторами. Среди наиболее популярных инструментов PR, к которым прибегают территориальные менеджеры, можно выделить следующие.

Мониторинг и аналитика. Основную функцию аналитического обеспечения администрации муниципального образования город Краснодар выполняют два структурных подразделения администрации — информационно-аналитическое управление, отвечающее за анализ общественно-политической обстановки в городе [6], и департамент экономического развития, инвестиций и внешних связей, одной из функций которого является мониторинг развития всех отраслей экономики и социальной сферы Краснодара [7]. На базе результатов мониторинга создаются различные социальные программы, стратегии социально-экономического и инвестиционного развития города, планы действий администрации в целях перспективного развития различных отраслей экономики и социальной сферы.

Формирование баз СМИ. Речь идет о распространении информации посредством местных газет, телевидения, радио, интернет-ресурсов. При этом информация может быть любого рода: от объявлений об инвестиционных площадках на территории города до создания пресс-релизов, статей, показа сюжетов о социально-экономическом развитии и инвестиционном потенциале Краснодара. В последние годы очень популярны для СМИ стали темы о реали-

зации таких крупномасштабных инвестиционных проектов на территории города, как «Реконструкция центральной части города Краснодара», «Восточная промышленная зона», «Краснодарский транзит».

Очень важной формой взаимодействия органов власти со СМИ являются новости. Здесь главная задача для пресс-службы администрации — предоставить интересные и благоприятные новости о событиях, происходящих в городской среде. В этом ключе специалисты пресс-службы должны эффективно донести идею обращения к целевой аудитории. С этой целью они предоставляют редакциям газет и журналов, а также размещают на сайте администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара (www.krd.ru) пресс-релизы о деятельности и перспективах развития муниципалитета.

Специальные PR-мероприятия. Администрация муниципального образования город Краснодар привлекает новых инвесторов через участие в различных международных специализированных выставках, форумах, конференциях, которые позволяют охватить широкую аудиторию. Особое значение здесь приобретают презентации, которые могут иметь довольно сложный характер: от демонстрации производимой продукции или макетов инвестиционных проектов до театрализованного представления с элементами шоу, а также фуршетов, аукционов и др. Краснодарская делегация ежегодно посещает следующие основные международные выставки-форумы: «МИПИМ» (Франция), «Сочи» (Россия), «Офферта» (Германия). Также краснодарская делегация организует деловые миссии, ведет поиск перспективных рынков в целях расширения бизнеса в Китае, Республике Беларусь, Италии, Великобритании, Австрии и ряде других государств. Администрация города проводит встречные приемы иностранных делегаций на своей территории с обязательной организацией бирж контактов, активно участвует в различных конференциях, посвященных развитию бизнеса, проводимых как в Краснодаре, так и в других городах России. Все эти мероприятия способствуют установлению новых партнерских отношений для обмена опытом и привлечения денежных капиталов в экономику города.

Выступления значимых представителей власти. Этот вид деятельности является прерогативой ведущих политиков и общественных деятелей. Особую важность здесь приобретают публичные выступления главы муниципального образования город Краснодар как первого лица города. Ежемесячно пресс-службой разрабатывается медиа-план с участием главы города, проводятся брифинги, посещение ведущих предприятий города, культурно-массовых мероприятий. Выступления главы города могут предусматривать обратную связь. Такая коммуникативная форма общения наиболее благоприятна при формировании открытого диалога бизнеса и власти. Приведем пример эффективности использования органами власти данного PR-инструмента.

Ежеквартально в администрации муниципального образования город Краснодар проводится Совет директоров, действующий на общественных началах при главе города. Целевая аудитория — руководители предприятий всех отраслей экономики и социальной сферы города. На это мероприятие собирается весь актив муниципального образования (400–500 чел.). В рамках Совета директоров глава города зачитывает доклад об итогах социально-экономического развития Краснодара за истекший период и ставит задачи на следующий квартал. В процессе выступления глава города может сделать важные политические заявления, наметить перспективы и приоритеты дальнейшего политического курса. По окончании доклада глава города отвечает на поступившие от аудитории вопросы, по некоторым из них тут же дает поручения руководителям отраслевых и функциональных органов администрации по незамедлительному их решению с персональной ответственностью. Такая прямая форма диалога первого лица с представителями бизнес-сообщества позволяет не только выявить существующие в городской среде проблемы, но и минимизировать административные барьеры по их решению, тем самым обеспечивая доверие бизнеса к власти. Также в рамках Совета директоров проводится награждение победителей городского конкурса «Лучшее предприятие города Краснодара» по итогам работы за отчетный период. Такой PR-ход позволяет создать праздничную атмосферу на первый взгляд «скучного» собрания.

В последнее время огромную популярность приобрели такие PR инструменты, как блоги первых лиц органов городского самоуправления. Такая форма взаимодействия власти с общественностью позволяет реалистично оценивать ситуацию и оперативно реагировать на негативные факторы, тем самым вызывая симпатию и доверие общества к власти. А ведь известно, что приток инвестиций в экономику города напрямую зависит от его социально-политической стабильности. Так, объем инвестиций в I квартале 2010 г. в основной капитал крупных и средних организаций всех отраслей экономики, субъектов малого предпринимательства составил 77373,9 млн р., в том числе по крупным и средним организациям — 69423,6 млн р., или в 1,97 раза больше к уровню 2009 г. При этом объем инвестиций на душу населения остается самым высоким в Краснодарском крае, и в первом полугодии 2011 г. он составил 98,56 тыс. р.

Объем инвестиций, поступивших в первом полугодии 2010 г. от предприятий Краснодарского края, достиг 180,3 млрд р. (показатель по крупным и средним предприятиям), а доля муниципального образования город Краснодар в общем объеме инвестиций крупных и средних организаций Краснодарского края — 38% [1].

Публикации. Здесь мы имеем в виду статьи, отчеты, информационные бюллетени, журналы, брошюры, т. е. все те широко тиражируемые средства печати, которые содействуют созданию привлекательного образа городу и передают

значимую информацию на целевые рынки. В основном они распространяются при проведении различных массовых мероприятий. Например, при участии краснодарской делегации в международных форумах, выставках, конференциях помимо презентации производимой продукции и макетов инвестиционных проектов обязательно распространяются буклеты и информационные бюллетени о достопримечательностях кубанской столицы, о ее экономическом и инвестиционном потенциале. На распространяемых информационных материалах обязательно указана контактная информация. Использование данного PR-инструмента позволяет увеличить шансы по установлению новых контактов с зарубежными партнерами и привлечению их инвестиций в экономику города.

Безусловно, в настоящей статье приведены не все, а только основные PR-инструменты, используемые органами власти для привлечения инвесторов. От разнообразия и сложности поставленных целей и задач зависит широта формата действия PR. Поэтому и спектр применяемых PR-инструментов тоже довольно широк.

Тем не менее эффективность применения перечисленных PR инструментов подтверждает тот факт, что объем привлеченных инвестиций в экономику города Краснодара в 2010 г. составил 170 млрд р. и превысил уровень 2009 г. на 38% [5]. А ведущие эксперты («Moody's», «Forbes», «РБК») в 2010 г. ставят кубанскую столицу на первое место престижнейших рейтингов. Так, например, в ноябрьском номере ежемесячного журнала «РБК» представлены рейтинги российских городов по итогам социально-экономического развития. Краснодар занял первые строчки в рейтингах лучших городов для бизнеса [9, с. 92] и «Где на Руси жить хорошо» [10, с. 104], поднявшись со второго места и потеснив прошлогоднего лидера — город Екатеринбург. В этом же году по итогам общероссийского ежегодного конкурса региональных стратегий и программ социально-экономического развития «Регионы России: от кризиса к развитию» Краснодар занял почетное первое место в номинации «За эффективную реализацию городских стратегий развития» [3].

Обобщая результаты анализа, можно сделать следующие выводы. Социально-экономическое развитие территории невозможно без эффективного политического управления инвестиционными процессами, в основе которого лежит инвестиционная стратегия развития территории. Реализация же инвестиционной стратегии включает в себя целый комплекс мер, направленных на повышение деловой активности бизнеса и власти. В свою очередь, применение органами власти специальных PR-инструментов для создания положительного информационного образа территории — неотъемлемый важный фактор инвестиционной политики.

Таким образом, PR-инструменты служат мощным средством политического управления в реализации инвестиционной политики территории, способству-

ющим не только привлечению в отечественную экономику дополнительных инвестиций, но и обеспечивающим повышение собственных конкурентных позиций территории.

Библиографический список

1. Инвестиционный обзор муниципального образования город Краснодар за 1-е полугодие 2010 года. URL: <http://investment.krd.ru/krasnodar/overview/detail.php?ID=1505>.
2. Кольба Н.В. Культура антикризисного политического управления в России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008.
3. Краснодар занял первые строчки рейтингов журнала «РБК». URL: http://www.krd.ru/news/pervaya_strochka_rbk.htm. (16.11.2010).
4. Кулинченко А.В. О современных формах взаимодействия гражданского общества и государства (к вопросу о развитии новых форм институализации общественного диалога в современной России // Без темы. 2007. № 1 (3).
5. Об утверждении Положения об информационно-аналитическом управлении администрации муниципального образования город Краснодар: Постановление администрации муниципального образования город Краснодар от 01.06.2010 г. № 3928, раздел 2, 3 Приложения. URL: <http://norma.cmo/intranet/islaw/norma.nsf>.
6. Об утверждении Положения о департаменте экономического развития, инвестиций и внешних связей администрации муниципального образования город Краснодар: Постановление муниципального образования город Краснодар от 08.04.2008 г. № 797, раздел 2, 3 Приложения. URL: <http://norma.cmo/intranet/islaw/norma.nsf>.
7. Основные социально-экономические показатели развития Краснодара. URL: <http://investment.krd.ru>.
8. Рейтинг «Лучший город для бизнеса» // РБК. 2010. Ноябрь.
9. Рейтинг «Где на Руси жить хорошо» // РБК. 2010. Ноябрь.
10. Стратегия инвестиционного развития муниципального образования город Краснодар до 2030 года. URL: <http://investment.krd.ru/krasnodar/strategy/detail.php?ID=192>.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью